

954
968

801-28
9000-5

АЛЬМАНАХЪ ГРИФЪ

МФ

Л
О

К. Д. БАЛЬМОНТЪ, АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ, АНДРЕЙ БѢЛЫЙ, П. Н. БАТЮШКОВЪ, НИК. ВАЛЛЕНБЕРГЪ, Л. ГОРНЪ, ДУРКОВЪ, ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ, А. КОЙРАНСКІЙ, А. КУРСИНСКІЙ, БОРИСЪ КОЙРАНСКІЙ, СЕРГѢЙ КРЕЧЕТОВЪ, АЛ. КОНДРАТЬЕВЪ, ЛІОНЕЛЬ, ВЛ. ЛИНДЕНБАУМЪ, А. Л. ЖИРОПОЛЬСКІЙ, ОДИНОКІЙ, НИНА ПЕТРОВСКАЯ, ВЛАДИМИРЪ ПОДОЛЬСКІЙ, АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ, Н. СТАЛЬ, В. СМОРОДСКІЙ, НИКОЛАЙ ТАБЕНЦКІЙ, Г. ТВЕРСКОЙ, Н. ЯРКОВЪ, ЗПЛИСЪ. РЕДАКТОРЪ С. А. СОКОЛОВЪ.

МОСКВА. 1904.

Дозволено цензурою. Москва 31 января 1904 года.

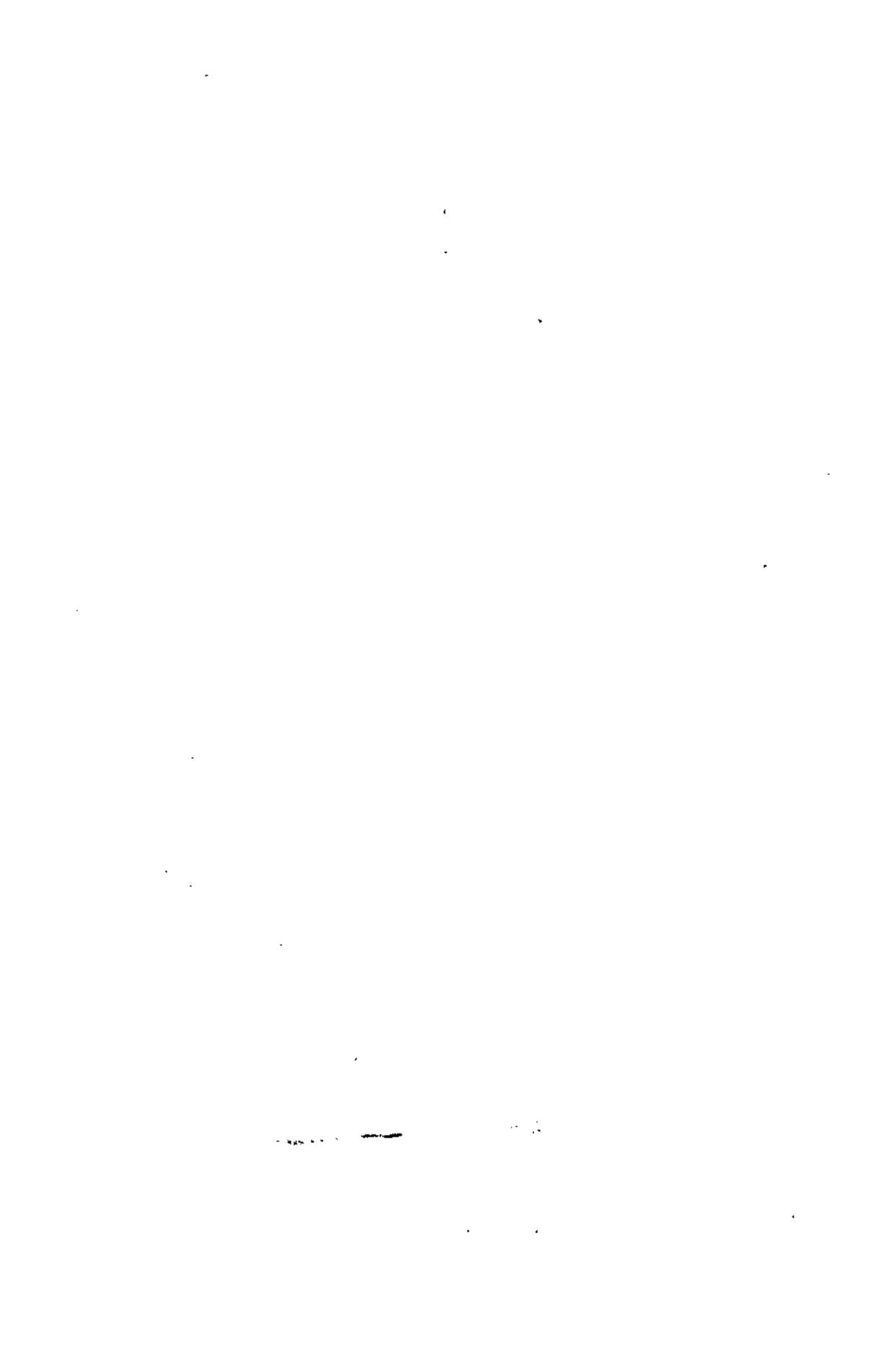
МОСКВА.

Т-во «Печатня С. П. Яковлева», Петровка, Салтыковский пер., д. Т-ва, № 9.
1904.

2010516878

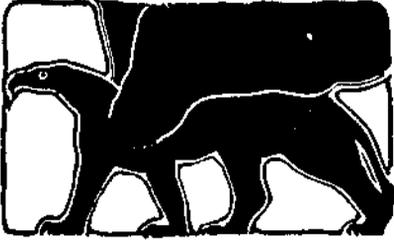
Когда мы вышли въ путь, насъ встрѣтили гамомъ и свистомъ.
Мы не ждали и того.
Всѣ имѣютъ очи и уши. Не всѣмъ дано видѣть и слышать.
Тѣмъ ярче горять немногимъ наши огни.
Далеко за далью тумана скрылся знакомый стародавній берегъ.
Ему мы не племъ проклятій.
И тамъ много разъ, въ этомъ прошломъ, загорались на вер-
шинахъ горъ маяки.
Иныхъ не увидѣли люди, что шли со взглядомъ склоненнымъ
долу.
Иные погашены ими,—и уже мертвы для людей.
Но мы чтимъ всѣхъ, кто жили для Вѣчности.

Впередъ обращены наши взоры.
Влещутъ на солнцѣ бѣлыя крылья парусовъ. Вѣтеръ взды-
маетъ волны. Мы не боимся волнъ.
Вѣетъ бѣлое знамя. „Къ Невѣдомому“,—мы начертали на немъ.
Нѣтъ возврата въ страну гробницъ!
Нѣтъ возврата къ покинутому.
Мы будемъ плыть впередъ, хотя бы солнце погасло надъ
нами и лишь факель отчаянія кровавымъ блескомъ озарялъ
мрачную область будущаго.
Тогда мы зажжемъ наши души, и отсвѣты послѣдняго по-
жара прорѣжутъ черную ночь.
Мы готовы встрѣтить нежданное.
Но пока—еще свѣтитъ намъ солнце. Дружно идутъ корабли.
Звонко поетъ подъ кормою волна, и намъ любо слѣдить,
какъ, убѣгая, вѣется позади изгибная линія пѣны.
Мы не забыли, что тамъ, далеко, въ тѣни саркофаговъ, про-
тянулась длинная полоса прошлаго, по мы—въ грядущемъ.
Въ путь!

„Грифъ“.

А Л Ъ М А Н А Х Ъ.

Проевѣтъ.

С. А. Соголову.

„Охраняй врата всѣхъ чувствъ“—завѣтъ Готамы,
„Обладай собой—ты увидишь въ лоно.Брамы“.
Но раскрылъ я всѣ закрытыя врата,
Мнѣ желанна боль и съ болью красота.
И въ раскрытости, въ разорванности чувства
Дышутъ бури, свѣтятъ молніи искусства,
Пиръ и пляски, красный цвѣтъ и тамъ, и тутъ,
Страхъ развязки, звукъ рыданій, звонъ минутъ.

„Бойся жизни“,—мнѣ твердятъ иное слово;
Говорятъ мнѣ: „Въ немъ велѣніе Христова“.
Нѣтъ, неправда, это голосъ не Христа,
Пѣтъ,—въ Христѣ была живая красота.
Онъ любилъ, онъ вѣчность влилъ въ одно мгновенье,
Далъ намъ хлѣбъ, и далъ вино, и далъ забвенье,
Боль украсилъ, Смерть убилъ, призвавъ на судъ!
Будемъ жить и будемъ пить вино минутъ!

К. Бальмонтъ.

Андрей Вѣлнй.

Битва исполиновъ.

Въ лазури несется толпа исполиновъ на битву.
Ужасенъ ихъ обликъ всклокоченный, каменнобѣлый.
Сурово поютъ исполины сѣдые молитву,
Бросаютъ по воздуху красно-пурпурныя стрѣлы.
Порою товарищъ, всплеснувъ мiровыми руками,
Безсильно шатается, дружескихъ ищетъ объятій.
Порой, свои лица закрывъ дымовыми плащами,
Надъ тѣломъ склоняются медленногибнущихъ братій.

.....:.....

Дрожала въ испугѣ земля отъ тяжелыхъ ударовъ,
Метались въ лазури бороды свѣгоблещущихъ клоки.
И вѣтъ ихъ... Пронизанный тканью червонныхъ пожаровъ,
Плыветъ многобашенный городъ, туманнодалекій.

Поединокъ.

Посв. Элизъ.

Изъ дали грозной Торъ воинственный
Грохочеть въ тучахъ:
Пронесъ огонь—огонь таинственный
На сизыхъ кручахъ.

Согбенный викингъ всталъ надъ скатами,
Повитый флеромъ,
Горѣлъ сіяющими латами
И спорилъ съ Торомъ.

Бродилъ по облачному городу,
Трубилъ тревогу.
Вдѣшлся въ огненную бороду
Онъ Тору—богу.

И ухнулъ Торъ съ размаху молотомъ
По латамъ мѣднымъ,
Обсыпавъ шлемъ пернатый золотомъ
Воздушно-блѣднымъ.

.....

Ослѣпшій викингъ всталъ надъ скалами,
Спаленный богомъ.
Трубить печально надъ провалами
Загнутымъ рогомъ.

Сердитый Торъ за бѣлымъ глетчеромъ
Укрылся въ тучѣ.
Лѣса пылають яснымъ вечеромъ
На дальней кручѣ.

Извивы лапчатого пламени,
Танцуютъ, блещутъ.
Такъ ключья палевого знамени
Въ лазури плещутъ.

П р е д а н і е.

С. А. Соколову.

„Межъ нами есть одно преданье“.
Пушкинъ.

1.

Она была пророкъ,
Она—сбила въ храмъ.
Любовь ихъ, какъ цвѣтокъ,
Горѣла розами въ закатномъ фиміамъ.

Подъ дугами его бровей
Сіяли взгляды пламенно-святые.
Струились завитки кудрей—
Вина каскады
Пѣнно-золотые.

Какъ облачко, закрывшее лазурь,
Съ пролетами лазури
И съ пепельной каймой—
Предтеча бурь—
Ея лицо, застывшее безъ бури,
Волосъ омытое волной.

Сквозь грозы
И напасти
Стремилась, и была въ чертахъ печальныхъ
Нѣга.
Изъ багряницы розъ многострадальныхъ
Страсти
Творили розы
Слѣга.

Къ потокамъ Стикса приближались.
Ихъ вѣтеръ нѣжля, бѣлыми шелками
Вѣя.—
Розовыя зори просвѣтлялись
Жемчугами,—
— Умирали, ласково блѣднѣя.

2.

На башни дальнихъ облаковъ
Ложились мягко аметисты,
У каменистыхъ береговъ
Челнокъ качался золотистый.

Дискъ солнца грузно ниспадалъ,
Межъ тѣмъ какъ плакала сибилла,
На изумруды мягко стлалъ
Столбы червонные берилла.

Онъ ей сказалъ: „Любовью смерть
И смертью страсти побѣдившій,
Я уплыву и вновь на твердь
Сойду, какъ богъ, свой ликъ явившій“.

Сибилла грустно замерла,
Откинувъ пепельный свой локонъ,
И ей надѣлъ поверхъ чела
Изъ блѣдныхъ ланцышей вѣнокъ онъ.

Но что ихъ грусть передъ судьбой!
Подулъ зефиръ, надулся парусъ,
Помчался челнъ и за собой
Разсыпалъ огненный стеклярусъ.

3.

Тянулись дни... Онъ плылъ и плылъ.
Отъ береговъ далекихъ Стикса
Всплывая тихо, мѣсяцъ стылъ
Обломкомъ матовымъ опикса.

Черта причудливый узоръ,
Стрекозы хрупкія сквозили
Лазурью блѣдною и взоръ
Хрустальнымъ кружевомъ повили.

Вспѣнялъ крылатый, легкій челнъ
Водоворотъ фонтанно-бѣлый.
То здѣсь, то тамъ средь ясныхъ волнъ
Качался лебедь онѣмѣлый.

И пряди длинныя кудрей,
И блѣдно пепельныя складки
Его плаща среди зыбей
Крутили въ пространствахъ вѣтеръ шаткій.

4.

И била времени волна...
Прошли года. Подъ свѣтью храма
Она состарилась одна
Въ столбахъ лазурныхъ фиміама.

Порой, украсивши главу
Вѣнкомъ изъ травъ благоуханныхъ,
Народъ къ иному божеству
Звала въ глаголахъ несказанныхъ.

Въ закатный часъ, покинувъ храмъ,
Навстрѣчу богу или сибилы.
По бѣло-мраморнымъ щекамъ
Струились крупные бериллы.

И было небо вновь пьяно
Улыбкой брачною закатовъ,
И рдѣло золотомъ оно
И темнымъ пурпуромъ гранатовъ.

5.

Забить теперь, разрушенъ храмъ,
И у дорической колонны,
Струя священный фиміамъ,
Блеститъ росой шиповникъ сонный.

Забить алтарь. И залететь
Узль виноградомъ дикамъ мраморъ
И вотъ навѣки изсѣчь
Старинный лозунгъ: „Sanctus amor!“

И то, что было, не прошло...
Я тамъ стоялъ одъпенѣлый...
Глядясь въ дрожащее стекло,
Качался лебедь соннобѣлый.

А солнца дискъ почилъ въ огняхъ.
Плясали бѣшено на влагѣ—
На хризолитовыхъ струяхъ
Молниеносные зигзаги.

„Вернись, нашъ богъ“, моллся я.
И вдалекѣ бѣлѣлся парусъ.
И кто-то, грустный, у руля
Разсыпалъ огненный стеклярусъ.

О с е н ь.

1.

Огромное стекло
Въ оправѣ изумрудной
Разбито въ дребезги подъ силой вѣтра чудной—
Огромное стекло
Въ оправѣ изумрудной.
Печальный другъ, довольно слезъ—молчи.
Какъ въ ужасѣ застывшая зарница,
Луны осенней багряница.
Фатою траурной грачи
Песутся—затѣнили наши лица.
Протяжно дальній визгъ.
Окрестность опояшетъ—
Полынь метлой испуганно памъ машеть,
И красный лунный дискъ
Въ разбитомъ зеркалѣ, чертя рубины, пляшетъ.

2.

Въ небесное стекло
 Съ размаху свой пустил желѣзный молотъ.
 И молотъ грянулъ тяжело.
 И видѣлъ я—небесный сводъ расколотъ.
 Стоялъ,
 Какъ вольный соколъ.
 Безпечно хохоталъ
 Среди осыпавшихся стеколъ.
 И что-то страшное мнѣ вдругъ
 Открылось,
 И понялъ я,—замкнулся кругъ,
 И сердце билось, билось, билось.
 Раздался вздохъ вѣтровъ среди могилъ
 „Вѣдь ты, убійца,
 „Себя убилъ—
 —убійца
 себя убилъ“...
 За мной пришли, но я молчалъ,—
 Побитый бурей соколъ,
 Съ улыбкой жалкою стоялъ
 Среди осыпавшихся стеколъ.

СВѢТОВАЯ СКАЗКА.

1.

Бѣгутъ минуты. Мелькаютъ образы. Все несется. Великъ полетъ жизни. Крутятся созвѣздя, — вращаются безъ конца. И летятъ, летятъ.....

Это—слезы огня: Безначальный заплакалъ когда-то. Брызги всплывшихъ слезъ въ необъятномъ горятъ, остывая. И аккорды созвѣздій въ душѣ пробуждаютъ забытую музыку плача.

Это—звѣзды—огнистыя искры промчавшейся вѣчной ракеты. Горятъ, остывая. Сквозь хаосъ пространствъ посылаютъ другъ другу снопы золотые, — знамена огня промчавшейся родины.

И вотъ, погасая, бросаютъ сквозь бездну золотисто-воздушные свѣты. Прижимаетъ остывшее лоно спѣжно-трепетныя ласки тепла и блага золота. И отъ бѣлозолотыхъ, атласно-воздушныхъ и жаркихъ томленій сотканныя изъ лучей существа возникаютъ на поверхности стынущихъ звѣздъ.

Поютъ о Солнцахъ дѣти Солнца, отыскиваютъ въ очахъ другъ у друга солнечныя знаки безвременья и называютъ жизнью эти понески свѣтовъ.

А золотисто-воздушные потоки летятъ и летятъ къ нимъ, лаская и пѣжно цѣлуя, сквозь хаосъ столѣтій, сквозь бездну текущихъ пространствъ.

Среди минутъ мелькаютъ образы, и все несется въ полетѣ жизни. Дѣти Солнца сквозь бездонную тьму хотятъ ринуться къ Солнцу.

Какъ бархатныя пчелы, что собираютъ медовое золото, они берегутъ въ сердцахъ запасы солнечнаго блеска. Сердце ихъ вмѣститъ полудневный восторгъ: оно расширится, какъ чаша, потому что душа ихъ должна стать огромнымъ зеркаломъ, отражающимъ

молнии солнца. Они рождают внуков солнца, чтоб передать им тайну света—светозарные знаки. Эти знаки открывают солнечность.

И вот длинный ряд поколений научается вспоминать преданное и называет наукой эти желанные воспоминания.

Собирают солнце, накаплиют свет—золотые свет и воздушно-белые—накаплиют свет внуки солнца.

Будет день, когда сердце их вместит все огненные слезы,—слезы мировой ракеты, вспыхнувшей до времени времени.

2.

Я родился. Дѣтство мое было окутано тьмой. Два черных крыла трепетали над младенцем. Висѣла черная, ночная пасть и дышала холодомъ.

Помню впервые себя у окна. Замороженные стекла горѣли искрами. Мнѣ хотѣлось, чтоб няня собрала эти искры въ деревянную чашечку.

Кто-то сѣдой и скорбный сидѣлъ за столомъ, вперишь сѣрыя очи въ одну точку. Потиралъ руками колѣни и сморкался отъ времени до времени. Двѣ свѣчи погребально свѣтили ему, и широкая, черная лента его пенсне непрерывно стекала со скорбнаго лица. Онъ сидѣлъ на фонѣ зияющей тьмы, неумолимо равнялся въ освѣщенное пространство. Оскаленная пасть грозила насъ проглотить. Но скорбный старикъ всталъ и закрылъ двери. Пасть сомкнулась.

А онъ продолжалъ сидѣть, замирая, вперишь глаза въ одну точку. Онъ мнѣ показался неизвѣстнымъ, но заскорузлый палецъ руки протянулся надо мной, и надъ ухомъ раздавался голосъ няньки: „Вотъ папа... Онъ съ нами“... Я начиналъ узнавать. За стѣнкой раздавалась суровая пѣснь. Согбенный отецъ подошелъ ко мнѣ. Щекоталъ пальцемъ и говорилъ: „Это—зимний вѣтеръ“.

Въ окнѣ зияла черная пасть и дышала холодомъ. Мнѣ сказали, что тамъ—небо.

Унесли спать.

3.

Я любилъ солнечныхъ зайчиковъ, бѣгающихъ по стѣнамъ. Это было такъ странно, что я покрикивалъ: „Что это, что это“?.. Но все смѣялись. Смѣялся и я, но въ груди моей билась крылья.

Я любилъ золотистовоздушные потоки световъ и ласки блага золота. Весной мы переѣзжали на дачу, и я бѣгалъ по дорожкамъ

сада отыскивать дѣтей. Это были все голубоглазые мальчики и дѣвочки. Мы играли въ дѣтей Солнца. Послѣ дождя лужи сіяли червонцами. Я предлагалъ собирать горстями золотую водичку и уносить домой. Но золото убѣгало и когда приносили домой солнечность, она оказывалась мутной грязью, за которую насъ бранили. Иногда мы прыгали по лужамъ, въ синихъ матроскахъ съ красными якорями, хлопали въ ладоши и пѣли хоромъ: „Солнышко—ведрышко“.

Ослѣпительныя брызги разлетались во все стороны, но когда возвращались домой, взрослые говорили, что мы покрыты грязью. Смутно понимали мы, что все это хитрѣй, чѣмъ кажется.

А золотисто-воздушные потоки летѣли сквозь хаосъ столѣтій и текли вокругъ насъ полудень бѣлаго золота. Мы казались лучезарными, и сѣдой дачникъ всегда провожалъ насъ старческимъ бормотаньемъ: „Невинные ангелы“...

О Солнцѣ мечтали дѣти Солнца. Собирали, какъ пчелы, медовую желтизну лучей. Я не знаю, чего намъ хотѣлось, но однажды я попросилъ у отца золотого вина, полагая, что это — напитокъ солнца.

Мнѣ сказали, что дѣтямъ рано вино пить. Однажды собрались дѣти Солнца къ старой бузинѣ. Это былъ нашъ воздушный корабль. Мы сидѣли на вѣтвяхъ, уплывая къ солнцу. Я командовалъ отплытиемъ. Въ груди моей подымалась музыка: раздавался шелестъ молніепосныхъ струй. А дерево бупевало, и вѣтви склопнялись. Склопняясь, качали дѣтей свѣта, несущихся къ солнцу. Потоки бѣлаго золота пробивали зелень, грѣли насъ и качались на пескѣ лучезарными яблочками.

4.

Однажды вечеромъ раздался звенящій звукъ. Точно растягивали медъ золотой и густой, какъ клей, чтобъ дѣлать изъ меда золотистыя, лучезарныя нити. Порой казалось, что это—плещущія струи жидкаго солнца. Но это не было солнце: на балкончикѣ сосѣдней дачи сидѣлъ хромой студентъ въ красной рубахѣ, потряхивалъ кудрями и водилъ по скрипкѣ смычкомъ.

И скрипѣло золото, растягивалось въ нити, и кто-то со смѣхомъ наматывалъ эти нити въ золотые клубочки и бросался клубочками, какъ лучезарными зайчиками.

Долго я слушалъ хромого студента и говорилъ: „звучить солнце... звучить золото... не все то золото, что блеститъ“...

Учился.

Дни мелькали. Я устраивалъ опыты. Шуршалъ золотыми, осенними листьями.

Раскрашивалъ картинки золотыми красками. Сыпалъ между пальцами сухой, желтый, шуршащій овесъ.

Однажды луна озаряла комнату. Я вскочилъ съ постели и подбѣжалъ къ зеркалу. Изъ зеркальной глубины ко мнѣ бросился рѣзвый мальчикъ и блисталъ глазенками. Съ ближней дачи неслись солнечные звуки. — Наматывали лучезарные клубочки нитокъ. Должно быть, студентъ игралъ на скрипкѣ.

Я поймалъ зеркаломъ лунный лучъ. Опрокинулъ зеркало на полъ и мечталъ, что стою надъ прудомъ. Золотая, блестящая поверхность блистала трепетомъ, и хотѣлось покупаться въ глубинѣ. Я прыгнулъ въ зеркало. Раздался трескъ, и что-то укусило меня за ногу.

Прибѣжали на шумъ. Увидали меня у разбитаго зеркала.

Тогда собрался семейный совѣтъ, и рѣшили взять мнѣ учителя. Дяди и тетки непрерывно толковали: „Впечатлительный мальчикъ ищетъ пицци своей любознательности. Рациональнѣй удовлетворить любознательность солидной пиццей, нежели кормить ее фантазіями“. Одинъ старый отецъ скорбно молчалъ. Поглядывалъ на меня. А широкая лепта его пейзажа непрерывно стекала съ лица. Онъ понималъ меня. Но онъ молчалъ.

Съ той поры ко мнѣ сталъ хаживать хромой студентъ съ длинными волосами. Тщетно я ждалъ, что онъ принесетъ съ собой и скрипку. Онъ приносилъ мнѣ лучезарныхъ букашекъ, да сушенныя травы, говоря, что и это—продукты солнечной энергіи.

Впослѣдствіи я узналъ, что онъ сталъ спиритомъ.

Проходили года.

Я копчалъ гимназію. Иногда ко мнѣ заходилъ хромой учитель. Раздавался его рѣзкій голосъ: „Бѣгутъ минуты. Мелькаютъ образы. Все несется. Великъ полетъ мысли. Память—чувствительная пластинка. Все она отпечатаетъ. Летитъ возвратный образъ. Вторично отпечатывается. Стираются частности. Остаются общіе контуры. Образуются понятія“...

Онъ ударялъ пальцами въ тактъ рѣчи, училъ меня музыкѣ словъ. У него осталась привычка приходить ко мнѣ, развивать мои мысли, стирать частности, образовывать понятія.

Попятія сплетались. Разнообразны были ихъ отношенія. Ткань плелась. Звенья умозаключеній, какъ паутинные хлопья, подавали знаки намъ издали. Окрѣпшая мысль крыльями била. Билъ руками по столу и ногой по полу мой восторженный учитель, и узенькая, бѣлокурая бородака тряслась восторженно.

Онъ кричалъ: „Мысль растеть. Все уносить. Все несется на крыльяхъ мысли. Но вотъ сама мысль погибается,—загибается,—какъ лента. Обращается на себя. Замыкается кругъ ея. Разбросанныя звенья умозаключеній сливаются въ одно паутинно-туманное кольцо. Вѣтеръ вращаетъ это бѣлесоватое колесо тумана“.

И мы образовали круги мысли, и вращали это бѣлесоватое колесо тумана—я и хромой учитель. И слова наши разсѣкали воздухъ, какъ брилліантовые ракеты. Обсыпали другъ друга дождемъ огненныхъ слезъ пиротехники глубинъ.

7.

Я изслѣдовалъ спектры. Въ колбахъ и ретортахъ у меня возникали міры. Неоднократно профессоръ астрономіи тыкалъ меня подъ телескопъ. Наконецъ я сдалъ экзаменъ и открылъ курсъ: „О хвостахъ кометъ“...

8.

Вся солнечность, па какую я былъ способенъ, все медовое золото дѣтскихъ дней, соединясь, пронзили холодный ужасъ жизни, когда я увидѣлъ Ее. И огненное сердце мое, какъ ракета, помчалось сквозь хаосъ небытія къ Солнцу, на далекую родину. Стала огненная точка въ темнотѣ рисовать свѣтвые кольца спирали. Наконецъ она удалилась. Огнistosпиральныя кольца беззвучно растаяли.

Ея глаза — два лазурныхъ пролета въ небо — были окружены солнечностью кудрей и матовой свѣтозарностью зорь, загорѣвшихся на ея ланитахъ. Пожарный пурпуръ горѣлъ на ея тонкихъ губахъ, подъ которыми блистало жемчужное ожерелье.

Мы были двѣ искры, оторванные отъ одной родины — двѣ искры потухшей ракеты. Взглянувъ другъ другу въ глаза, мы узнали родину.

9.

Я писалъ ей: „Вспыхнула душа трепетнымъ огонькомъ—свѣтозарная точка. И свѣтъ міра засіялъ. И свѣтъ міра не былъ залитъ тьмою.“

Понеслась сіяющая точка къ водопаду времени. Вонзилась въ вѣка. Въ чернотѣ стала рисовать огненные кольца спирали. Можно было видѣть огненную спираль, уносившуюся сквозь время.

Начало ея сверлило тьму.

И свѣтъ міра, засіявшій во мракѣ, мирно понесся на далекую родину.

Ревѣли вѣка. Нависаль старый рокъ — черный ужасъ. Замирало сердце, трепеща. Пустота разверзалась во всѣхъ концахъ— и въ вѣкахъ, и въ планетныхъ системахъ. Хлестали слезы,—эти вѣчные ливни. Налетали потопы. Заливали пламенный путь.

Отнынѣ не могли задушить огневѣющей восторгъ.

И всѣ видѣли полетъ воспламененной души, оставлявшей позади огненные кольца спирали. Нужно было разъ коснуться души. И пылала душа—свѣтозарная точка. Уносилась сквозь время. Казалось—змѣя, огневѣющая бѣлизной, переползала мировую пустоту, оглушаемая роковымъ воплемъ столѣтій. То, что зажглось, несло сквозь время. А время спѣшило въ безвременье. И свѣтъ міра, засіявшій во мракѣ, мирно понесся на далекую родину“.

Такъ я писалъ. Послѣ этого письма я ее встрѣтилъ, но она отвернулась. Это было зимой, на каткѣ. Она скользила по прозрачному льду подъ руку съ офицеромъ, оставляя на льду то круги, то спирали. Казалось,—они неслись сквозь время.

10.

Я хотѣлъ ее удивить и показать ей вѣчное. Для этого на скошенномъ лугу передъ дачей я велѣлъ тайно забить ракеты. Я хотѣлъ устроить неожиданный фейерверкъ—разорвать тысячи солнць надъ влажными, ночными лучами. Я зналъ, что она должна была присутствовать при этомъ, потому что мужъ ея—мой другъ—не захочетъ лишать меня удовольствія, а она—его. Я хотѣлъ намекнуть ей этими ракетами о полетахъ и восторгахъ нашихъ душъ.

Мы весело пили золотое вино, полагая, что это — напитокъ солища. Черная ночь насъ покрыла туманнымъ холодомъ. Суевѣрнѣй и чаще дышали горячія груди. Она почему-то украдкой бросала на меня удивленные взоры, но я дѣлалъ видъ, что ничего не вижу.

Мы пили золотое вино и багряное. Я далъ знакъ хромому медуму, старому учителю, и онъ скрылся во мракѣ ночи. Что-то тревожно малящее, грустно-мягкое почило на ея застывшемъ лицѣ.

Я пригласилъ всѣхъ на террасу. Надъ нами висѣла черная ночная часть.

Висѣла и дышала холодомъ.

У горизонта забила золотая струйка искръ. У горизонта открылся искрометъ. Понеслись по вѣтру золотенькія искры, быстро гаснувшія. Еще. И еще.

И звездъ забили искрометы. Съ ближняго холма сорвался потокъ свѣтозарныхъ искръ, наполняя окрестность ровнзолотымъ трепетомъ. Озаренный золотистымъ, хромой медиумъ кричалъ такъ странно звучащія слова: „Еще не все погибло. Душа перестала летѣть на далекую родину, но сама родина затосковала о потерянныхъ—и вотъ летитъ имъ навстрѣчу старинная родина“. Надъ горизонтомъ промчались горящія жаворонки—точно красныя кометы, и всѣ услышали надъ головою трепетаніе крылій примчавшейся родины.

А хромой медиумъ, уже не озаренный погасшимъ водопадомъ, продолжалъ выкрикивать въ темнотѣ: „И вотъ, какъ ракета, взвилось огоньковое слово. У горизонта забила золотая струйка искръ. У горизонта открылся искрометъ. Понеслись по вѣтру золотенькія искры, быстро гаснушія. Еще. И еще.

И звездъ забили искрометы“.

А уже окрестность свистѣла и шипѣла. Огненные колеса жужжали, кое-гдѣ вспыхивали пурпурно-бенгальскіе, странные свѣточы.

Кто-то слышалъ тихую поступь—бархатно-мягкую поступь въ тишинѣ. Поступь кошки. Это ночной порой кралось счастье. Это было оно. Не понимали, что подымалось въ сердцахъ, когда въ небо били гаснушіе искрометы—золотые фонтаны вдохновенія. Не понимали, что вырвало изъ жаркой груди свѣтомірные вздохи грусти.

Она стояла близко, близко. Что-то манящее грустно-застывшее почло на ней, и; понимая меня, она смѣялась въ ласковой безмятежности.

Тогда я сказалъ гостямъ: „Вѣчность устроила факельное празднество. Значитъ по лицу земли пробѣжали великаны. Только они могли выбросить пламя. Только они могли начать пожаръ. Только они могли затопить бездну дыханіемъ огня“.

11.

Все потухло. Мы молчали. Неслись минуты, и мы смотрѣли на созвѣзды—эти слезы огня. Безначальный заплакалъ когда-то: брызги вспыхнувшихъ слезъ въ необъятномъ горѣли надъ нами.

Сквозь хаосъ пространствъ посылали снопы золотые другъ другу.
И аккорды созвздіи въ душѣ пробуждали забытую музыку плача.
Я услышалъ чуть слышные звуки рыданіи и смѣха. Точно роняли жемчуга.

Это она смѣялась блаженно. Плакала горько. Тихо сказала, что ночь голубѣетъ, а эмпирей наполненъ голубыми волнами.

Услышали звучаніе небесъ—прибой волнъ голубыхъ. Сказали другъ другу; „У нея истерика“...

Занскрились бѣлыя тучки пѣнно-жирнымъ золотомъ. Горизонтъ янтарѣлъ.

Мы простились.

12.

Я остался въ голубомъ, ласковомъ безмолвіи. Я молчалъ. Я добился своего. Мнѣ оставалось только умереть отъ счастья.

1903.

1.

Въ полночь глухую рожденная
Спутникомъ блѣднымъ земли,
Въ ткани земли облеченная,
Ты серебрилась вдали.

Шелъ я на сѣверъ безлиственный,
Шелъ я въ морозной пыли,
Слышалъ твой голосъ таинственный,
Ты серебрилась вдали.

Въ полночь глухую рожденная,
Ты серебрилась вдали.
Стала душа угнетенная
Тканью морозной земли.

2.

Ты отходишь въ сумракъ алый,
Въ безконечные круги.
Я слышалъ отзвукъ малый—
Отдаленные шаги.

Близко ты, или далече
Затерялась въ вышинѣ?
Ждать или пѣтъ внезапной встрѣчи
Въ этой звучной тишинѣ?

Въ тишинѣ звучать сильнѣе
Отдаленные шаги.
Ты ль смыкаешь, пламенѣя,
Безконечные круги?

3.

Ольга Михайловна Соловьева.

Ночью сумрачной и дикой—
 Смыль бездонной глубины—
 Вродитъ призракъ блѣдноликій
 На поляхъ моей страны.
 И поля во мглѣ великой
 Хладны, чужды и темны.

Лишь порой, заслышавъ Бога,
 Дочь блаженной стороны
 Изъ родимаго чертога
 Гонить призрачные сны,
 И въ полнхъ мелькаетъ много
 Чистыхъ дѣвственницъ весны.

4.

Одинокій, къ тебѣ прихожу,
 Околдованъ огнями любви.
 Ты гадаешь.—Меня не зови—
 Я и самъ ужъ давно ворожу.

Отъ тяжелаго бремени лѣтъ
 Я спасался одной ворожкой,
 И опять ворожу надъ тобой,
 Но неясень и смутенъ отвѣтъ.

Ворожкой полопенные дни
 Я лелѣю года,—не зови...
 Только скоро ль погаснутъ огни
 Заколдованной, темной любви? ..

5.

Сны раздумій небывалыхъ
 Стерегутъ мой день.
 Вотъ видѣній запоздалыхъ
 Пламенная тѣнь.

Всѣ лучи моей свободы
 Заалбли *тамъ*.
Здѣсь снѣга и непогоды
 Окружили храмъ.

Всѣ видѣнья такъ мгновенны,—
 Буду ль вѣрить имъ?
 Но Владычицей Вселенной,
 Красотой неизрѣченной
 Я, случайный, бѣдный, тлѣнный,
 Можетъ быть, любимъ

Дни Свиданій, дни раздумій
 Стерегутъ въ тиши...
 Ждать ли пламенныхъ безумій
 Молодой души?

Иль, застывши въ снѣжномъ храмѣ,
 Не открывъ лица,
 Встрѣтить брачными дарами
 Вѣстниковъ конца?

6.

Я просыпался и выходилъ
 Къ окну на темныя ступени.
 Морозный мѣсяцъ серебрилъ
 Мои затихнувшія сѣни.

Давно ужъ не было вѣстей,
 Но городъ приносилъ мнѣ звуки,
 И каждый день я ждалъ гостей
 И слушалъ шорохи и стуки.

И въ полночь вздрагивалъ не разъ.
И, пробуждаемый шагами,
Всходилъ къ окну—и видѣлъ газъ,
Мерцавшій въ улицахъ цѣпами.

Сегодня жду моихъ гостей,
И дрогну, и сжимаю руки.
Давно мнѣ не было вѣстей,
Но были шорохи и стуки.

7.

Тамъ—въ улицѣ стоялъ какой-то домъ,
И лѣстница крутая въ тьму водила.
Тамъ открывалась дверь, звеня стекломъ,
Свѣтъ выбѣгалъ,—и снова тьма бродила.

Тамъ въ сумеркахъ бѣлѣлъ дверной навѣсъ,
Подъ вывѣской „Цвѣты“ прикрѣпленъ болтомъ.
Тамъ гулъ шаговъ терялся и исчезъ
На лѣстницѣ—при свѣтѣ лампы желтомъ.

Тамъ наверху окно смотрѣло внизъ,
Завѣшанное неподвижной шторой,
И, словно лобъ наморщенный, карнизъ
Гримасу придавалъ стѣнѣ—и взору.

Тамъ въ сумеркахъ дрожалъ въ окошкахъ свѣтъ,
И было пѣнье, музыка и танцы.
А съ улицы—ни словъ, ни звуковъ нѣтъ,—
И только стеколъ выступали глянца.

По лѣстницѣ падъ сумрачнымъ дворомъ
Мелькала тѣнь, и лампа чуть свѣтила.
Вдругъ открывалась дверь, звеня стекломъ,
Свѣтъ выбѣгалъ,—и снова тьма бродила.

8:

По городу бѣгалъ черный человекъ.
Гасилъ онъ фонарики, карабкался на лѣстницу.

Медленный, бѣлый подходилъ разсвѣтъ,
Вмѣстѣ съ человекомъ взбирался на лѣстницу.

Тамъ, гдѣ были тихія, мягкія тѣни —
Желтыя полосы вечернихъ фонарей, —

Утреннія сумерки легли на ступени,
Забрались въ занавѣски, въ щели дверей.

Ахъ, какой блѣдный городъ на зарѣ!
Черный человѣкъ плачетъ на дворѣ.

9.

Дома растутъ, какъ желанья.
Но взгляни внезапно назадъ:
Тамъ, гдѣ было бѣлое зданье,
Увидишь ты черный смрадъ.

Такъ всё вещи мѣняютъ мѣсто,
Непримѣтно уходятъ въ высь.
Ты, Орфей, потерялъ невѣсту, —
Кто шеннуетъ тебѣ: — Оглянись?

Я закрою голову бѣлымъ,
Закричу и кинусь въ потокъ.
И всплыветъ, качнется надъ тѣломъ
Благовонный рѣчной цвѣтокъ.

10.

Сбѣжалъ съ горы и замеръ въ чащѣ.
Кругомъ мелькаютъ фонари...
Какъ бьется сердце — злѣй и чаще!...
Меня проищутъ до зари.

Огонь болотный имъ не вѣдомъ.
Мои глаза — глаза совы.
Пускай бѣгутъ за мною слѣдомъ
Среди запутанной травы.

Мое болото ихъ затянетъ,
Сожмнется мутное кольцо,
И, опрокинувшись, заглянетъ
Мой бѣлый призракъ имъ въ лицо.

11.

Свѣтъ въ окошкѣ шатался,—
 Въ полумракѣ—одинъ—
 У подъязда шептался
 Съ темнотой арлекинъ.

Быль окутанный мглою
 Бѣло-красный нарядъ.
 На верху—за стѣною
 Шутовской маскарадъ.

Тамъ лицо укрывали
 Въ разноцвѣтную ложь,
 Но въ рукѣ узнавали
 Неизбѣжную дрожь.

„Онъ“—мечемъ деревяннымъ
 Начерталъ письма.
 Восхищенная страннымъ
 Потуплялась „она“.

Восхищенью не вѣря,
 Съ темнотой—одинъ—
 У задумчивой двери
 Хохоталъ арлекинъ.

12.

Я былъ весь въ пестрыхъ доскутьяхъ,
 Бѣлый, красный, въ безобразной маскѣ.
 Хохоталъ и кривлялся на распутьяхъ,
 И рассказывать шуточные сказки.

Развертывалъ длинныя сказанья
 Безсвязно, и долго, и звонко—
 О старикахъ и о странахъ безъ названья,
 И о дѣвушкѣ съ глазами ребенка.

Кто-то долго, бессмысленно смѣялся,
 И кому-то стало больно.
 И когда я внезапно сбивался,
 Изъ толпы кричали: „Довольно“!

Мнѣ страшно съ Тобой встрѣчаться.
 Страшило Тебя не встрѣчать.
 Я сталъ всему удивляться,
 На всемъ уловилъ печать.

По улицѣ ходять тѣни,
 Не пойму—живуть, или спять.
 Прильнувъ къ церковной ступени,
 Боюсь оглянуться назадъ.

Кладутъ мнѣ на плечи руки,
 Но я не помню именъ.
 Въ ухахъ раздаются звуки
 Недавнихъ большихъ похоронъ.

А хмурое небо низко—
 Покрыло и самый храмъ.
 Я знаю: Ты здѣсь. Ты близко.
 Тебя здѣсь нѣтъ. Ты—тамъ.

День былъ нѣжно-сѣрый, сѣрый какъ тоска.
 Вечеръ сталъ матовый, какъ женская рука.
 Въ комнатахъ вечернихъ прятали сердца,
 Усталия отъ нѣжной тоски безъ конца.
 Пожимали руки, избѣгали встрѣчь,
 Укрывали смѣхи бѣлизною плечь.
 Длинный вырѣзъ платья, платье, какъ змѣя,
 Въ сумеркахъ бѣлѣ платья чешуя.
 Надъ скатертью въ столовой наклонились ницъ,
 Касаясь прическами пылающихъ лицъ.
 Стуки сердца чаще, напряженнѣй взглядъ,
 Въ мысляхъ—онъ, глубокий, нѣжный, душный садъ.
 И молча, какъ по знаку, двинулись внизъ.
 На ступенькахъ порохъ бѣлыхъ женскихъ ризъ.
 Молча потонули въ саду безъ слѣда,
 Небо тихо вспыхнуло заревомъ стыда.
 Можетъ быть скатилась красная звѣзда.

Л. Д. М.

15.

Вотъ они—бѣлые звуки
Дѣвственно горныхъ селеній...
Дѣвушки блѣдныя руки,
Бѣлыя сказки забвеній...

Медленно шла отъ вечерни,
Полная думы вчерашней...
У колокольни вечерней
Таяли бѣлыя башни...

Бѣлыя башни ушли,
Небо горитъ на разсвѣтѣ.
Пѣсню цвѣты разбудили—
Пѣсню о бѣломъ расцвѣтѣ...

М. А. Олениной д'Альгеймъ.

Темная, блѣдно-зеленая
Дѣтская компатка.
Нянюшка бродить сонная,
„Спи мое дитятко“.

Въ углу—лампадка зеленая,
Отъ нея—золотые лучики.
Нянюшка надъ постелькой склопенная...
„Дай заверну твои ноженъки и рученьки“.

Нянюшка сѣла и задумалась.
Лучики побѣжали,—три лучика.
„Нянюшка, о чемъ ты задумалась?
—Разскажи про святого мученика“.

Три лучика. Одинъ тоненькій...
„Святой мученикъ, дитятко, представился...
—Закрой глазки, мой мальчикъ соненькій.
—Святой мученикъ отъ мученья избавился“.

ЦАРЕВНА НИКИ.

сказка.

Когда маленькая царица Ники родилась, была весна, и въ окна ея голубой комнаты глядѣлась цвѣтущая черемуха, и виднѣлись расцвѣтшія яблони, и за ними тонко дрожали вишневья деревья. Была весна, но нѣкоторыя стекла въ высокихъ окнахъ были желтыя, какъ осень, и другія были красныя, какъ красная іюльская гвоздика, и въ другія глядѣлись бѣлыя яблони и бѣлая черемуха и бѣлыя вишневья деревья.

Маленькая Ники была царицей, и потому она не заплакала, когда рождалась, и уже въ первый день была красива какъ въ послѣдній, и, прежде чѣмъ успѣла взглянуть на приближенныхъ, они преклонились и, почтительно изумившись, исполнили всѣ ея желанія.

А царицѣ хотѣлось прежде всего, чтобы мудрый ея отецъ удалился изъ ея голубой комнаты. Потому что его строгій ликъ, обрамленный сѣдыми волосами, ей не нравился, и она хотѣла, чтобы зиму ей напоминалъ не ликъ, подобный лику бѣлой смерти, а нѣжныя и красныя бѣлыя цвѣты, ласковая яблоня и пьяная черемуха.

И сѣдой старикъ; взглянувъ на приближенныхъ, качнулъ головою и удалился, а царица разсмѣялась звонкимъ смѣхомъ и велѣла лучшимъ художникамъ списать съ него картину и повѣсить ее, — помѣстить въ самую высокую башню. Самъ же онъ скрылся безслѣдно, — куда, никто не знаетъ до сихъ поръ.

И зазвучала музыка, запѣли птицы, зашептались цвѣты, вѣтеръ всюду помчалъ ихъ воздушныя ленистки, цвѣтныя бабочки заиграли красками своихъ крыльевъ, бѣлыя лебеди влюблись въ свои отраженія, приближенные устроили балъ, облака загорѣлись рубинѣмъ, луна и солнце сдвинулись съ своихъ осей, и старая колдунья, жившая въ лѣсной пещерѣ, сказала, что быть бѣдѣ.

Но бѣды не было. Случилась радость. Потому что маленькая царевна Ники вдруг выросла, и была старше, чѣмъ дѣвочка, но моложе, чѣмъ женщина, и обо всемъ стала говорить мудро, но все-таки была маленькой царевной.

Выйдя къ народу, царевна Ники объявила, что все рабы свободны, и бѣдныхъ она надѣлила богатствомъ, а богатыхъ убѣдила быть счастливыми, и все дивились на царевну, потому что люди въ томъ царствѣ были простодушны и полагали, что эти перемены очень значительны.

Царевна же, увидя, что бѣдные богаты, а богатые счастливы, всплеснула бѣленькими ладошками и очень задумалась, и очень заскучала.

„Что же это“, подумала она: „вправо и влево, вверхъ и внизъ, полдень и полночь, половина и половина,—неужели же только всего?“

И царевна Ники вовсе загрустила.

„Я маленькая царевна“, подумала она: „а они вѣдь еще меньше. Совсѣмъ они маленькіе и такіе смѣшные. Только они и знаютъ, что горе и радость, какъ вѣтки изъ свѣта въ темноту качаются, а я и въ горѣ вижу радость, а мнѣ и отъ радости дѣлается грустно, не хочу я ни счастья, ни несчастья, я хочу, чтобы все было — одно“.

И царевна заплакала въ первый разъ. Но первый разъ былъ и послѣднимъ.

Птички закричали въ ея любимомъ саду, бабочки затрепетали своими легкими крыльями, вѣтеръ зашумѣлъ въ вѣтвяхъ, облака загорѣлись желтою краской, лебеди разлюбили свои отраженія, приближенные падѣли красивый трауръ, луна и солнце вдвинулись на свои оси, и ничего не сказала старая колдунья.

Тогда царевна поняла, что что-то случилось, и пошла отъ людей въ свой садъ.

Прошла она по извилистымъ дорожкамъ, поглядѣла на мелкіе камешки, и подумала какъ это хорошо, что они ни о чемъ не думаютъ.

Не знала царевна, думаютъ ли камешки. Сказала, что не думаютъ. Скажемъ такъ и мы.

Прошла царевна дальше, между розовыхъ кустовъ, и между кустовъ жасмина, а кусты были красивые, душистые, и царевна поклонилась къ нимъ близко, но кусты ей ничего не сказали.

Прошла царевна дальше, между темныхъ деревьевъ, а вѣтви ихъ были сплетенныя, а вершинъ ихъ нельзя было достать, и царевнѣ сдѣлалось холодно и скучно, и вышла она на зеленый ровный лугъ.

Легла она на зеленую траву и посмотрѣла въ голубое небо. „Что я знаю?“ сказала царевна. „Бабочка пролетитъ, облако засвѣтитя, они не думаютъ, имъ всегда хорошо“. И пролетѣла черная птичка и щебетнула: „Такъ ли? Такъ ли?“

Но мудрая маленькая царевна не знала, такъ ли. Она закрыла глаза и не захотѣла видѣть синее небо.

И вдругъ она сдѣлалась похожа на всѣхъ людей. Испугалась горя и захотѣла радости и забыла, что есть одно.

И такъ ей сдѣлалось страшно, что она совсѣмъ похолодѣла. И сѣрая птичка, съ красною грудкой, подпорхнула къ ней совсѣмъ близко и вильнула хвостикомъ, и закричала: „Ннки! Ннки!“

Но Ннки ея не слышала. Потому что душа ея ушла въ другую землю, въ ту, гдѣ нѣтъ ни счастья, ни несчастья.

Г о л о с ъ н о ч и .

Вѣтеръ воетъ за окномъ
О нездѣшнемъ, объ иномъ.

Полночь! Полночь! Ночь глухая! Слышу твой беззвучный крикъ,
Крикъ о томъ, чего не знаетъ и не выразить языкъ.

Вижу бездны... Вижу скалы... Вижу ключья облаковъ,
Слышу дальніе раскаты умирающихъ громовъ.

Вижу море... Пляска шквала... Между скалъ кипятъ бурувъ.
Въ бѣлой пѣнѣ тонуть мачты опрокинувшихся шкунъ.

Вижу мертвую пустыню. Слышу вѣтра злобный шумъ.
Въ дымно-траурной одеждѣ мчится бѣшеный самумъ.

Вижу полюсь... Дремлетъ царство изумрудныхъ вѣчныхъ льдовъ.
Лунный лучъ дробить узоры на кристальности снѣговъ.

.....
Я одинъ... О, ночь глухая! Слышу твой стоустый крикъ,
Крикъ о томъ, чего не знаетъ и не выразить языкъ.

Я мчался по волнамъ морскимъ.
Громады вставали кругомъ.
И пѣна, и брызги, какъ дымъ,
Сливались зловѣщимъ кольцомъ.

Я крался по чащѣмъ лѣсовъ,
Во мракѣ сплетенныхъ вѣтвей,
И слышалъ томительный зовъ,
Протяжные стоны звѣрей.

Я былъ на извилинахъ горъ,
И тучи клубились у ногъ.
Я видѣлъ безмѣрный просторъ
И солнца лазурный чертогъ.

Я шелъ по безлюдью степей,
Въ безбрежности мертвыхъ песковъ,
И видѣлъ скелеты людей
И храмы умершихъ боговъ.

Я слышалъ во мракѣ ночномъ,
Какъ мѣрно дышалъ океанъ,
Лаская скалистый изломъ,
Прибрежье невѣдомыхъ странъ.

Но въ вихрѣ сплетеній земныхъ,
Въ измѣнчивой смѣнѣ годовъ,
Ловилъ я зарницы иныхъ,
Еще неразгаданныхъ словъ.

Д в а м і р а .

«Для Господа тысяча лѣтъ, яко день единъ».

За море солнце садилось.
Море безмолвьемъ объято.
Тихая даль золотилась
Рдяной печалью заката.

Ангеловъ бѣлыя крылья...
Въ сводахъ небеснаго храма
Вьется серебряной пылью
Съ моря туманъ фиміама.

Берегомъ шель я песчаннымъ.
Что-то въ душѣ нарастало.
Старое вѣчно-желаннымъ
Вновь предо мной возставало.

Прорвана міра граница!...
Плещутся волны эфира.
Мчусь я, какъ мощная птица,
Къ берегу дальняго міра.

Вотъ я средь плѣна людскаго,
Идутъ такъ медленно годы,
Тлѣетъ подъ пятомъ земного
Отблескъ забытой свободы.

Долго я жила... Но внезапно
Что-то в душе задрожало.
Старое вечно-желанно
Вновь предо мною возстало.

Мигъ дерзновенный усилия!...
Плещутся волны эфира.
Мчатъ меня легкія крылья
Къ берегу прежняго міра.

.....

Снова тамъ солнце садилось.
Море раздумьемъ объято.
Ясная даль золотилась
Рдяной печалью заката.

Вечеръ.

Л. В.

Вечеръ печальный окутанъ туманами,
Гаснетъ унылый закатъ.
Сердце не хочетъ жить только обманами,
Сердце не хочетъ утратъ.

Слышны рыданія моря тревожнаго,
Мѣрно вздыхаетъ прибой.
Сердце не хочетъ искать невозможнаго.
Сердцу желаненъ покой.

К р о в ь.

Въ тающемъ сумракѣ пропасти черной
Вьется кровавый ручей,
Вьется лѣнливо, струею покорной,
Въ немъ отражаются цѣпью узорной
Отсвѣты блѣдныхъ лучей.

Въ мѣрномъ паденьи струи неустанной,
Въ шепотѣ мертвой волны,
Прошлое близится, близится странно,
Снова живетъ—и уходитъ обманно
Въ тайну безвѣстной страны.

Медленно тянется въ сумракѣ мгlistомъ,
Дышутъ, бѣдѣя, цвѣты,
Грезять, отравлены скорбью о чистомъ,
Грезять и видятъ въ сѣяньи лучистомъ
Радостный сонъ красоты.

И Н К В И З И Т О Р Ъ .

М. Ф. Ходасевичу.

«Уныніе гражданъ достигло крайней степени, когда распространилась молва о полученномъ будто бы папою доносъ съ неопровержимыми доказательствами, что волкъ въ шкурѣ овечьей, проникшій въ ограду Пастыря, слуга дьявола, притворившійся его гонителемъ, дабы върнѣ погубить стадо Христово, глава сатанинскаго полчища — есть не кто иной, какъ самъ Великій Инквизиторъ».

«Воскресшіе Боги» *Мережковскаго*.

Брожу задумчивъ и согбенъ,
Окутанъ черной власяницей.
Давно я свергъ желаній плѣнъ
И не воздамъ за зло сторицей.

Во имя Бога на костеръ
Я шлю людей единымъ словомъ,
И, видя казнь, мой ясный взоръ
Горитъ веселіемъ суровымъ.

Но только полночь настаетъ,
Я вверхъ лечу, какъ листъ осенній.
На шабашъ правлю мой полетъ,
И рѣютъ вокругъ почпня тѣни.

А тамъ кипитъ бѣсовскій пиръ,
Гремятъ привѣтственные клики,
Хохочетъ сатанинскій клиръ
У трона Чернаго Владыки.

Но вотъ желанный часъ пристѣль,
И я въ безумствѣ вожделѣній
Ласкаю груди женскихъ тѣлъ
Въ изгибахъ бѣшеныхъ сплетеній.

Когда жъ въ объятыхъ пыльныхъ дѣвъ
Я голосъ страсти успокою,
Подъ ихъ торжественный нагѣвъ
Прощаюсь съ Блѣднымъ Сатаню.

И вотъ я снова у окна...
Такъ чутко спитъ нѣмая келья...
Въ углахъ смѣется тишина
Улыбкой страннаго веселья.

И льетъ невѣрные лучи,
Дымясь, свѣтильникъ у порога.
Ко мнѣ! Входите, палачи!..
Иду карать... Во имя Бога!

На распутьи.

Рыдаетъ звонъ колокольный,
Властный и внятнѣйшій зовъ.
Шель я дорогой окольной
Такъ много долгихъ часовъ.

Храма отверстыя двери.
Виденъ темный алтарь.
Торжественно, въ ясной вѣрѣ
Діаконъ подымаетъ орарь.

Волна кадилаго дыма,
Клубясь, наполнила храмъ.
Молча прошелъ я мимо,
Навстрѣчу инымъ богамъ.

Сурово во слѣдъ глядѣли
Темные лики иконъ,
Но душой голоса владѣли,
Мечты неумолчный звонъ.

Летѣлъ печально за мною
Напѣвъ знакомыхъ стихиръ,
Но вдали влекущей волною
Голубой струился эфиръ.

И вольная пѣсня моря
Звала къ другимъ берегамъ,
И волны, съ волнами споря,
Ложились къ моимъ ногамъ.

МОЛИТВА.

Лазурно-небесныя дали, тихо-текучія воды, благовонныя воды покоя и мира.—

Матерь моя, Владычица!

Одна Ты во всемъ этомъ мірѣ — песчинкѣ, безумно-летащей вокругъ солнца, въ шарѣ гигантскомъ, прорѣзанномъ темной, непонятной тоскою, одна Ты, которой несую мое сердце, отъ боли затихшее, отъ жажды завядшее...

Много кануло дней и почей, холодныхъ, беззвѣздныхъ.

Много прошло черныхъ словъ сквозь мое сердце.

Каждое слово, вонзаясь, разрывало его теплое тѣло, каждое слово свивало паутинно-душныя нити, тѣсно давившія нѣжную грудь цвѣтущихъ желаній.

Всѣ они шли, сѣяли раны и боли, шли, разрушали преграды, отдѣлявшія теми отъ свѣтовъ, пейломъ крыли память о дальнемъ, минувшемъ, когда ребенкомъ еще грезилъ о золотыхъ мірахъ, о сказочныхъ раяхъ, грезилъ и ждалъ...

О, вернуть бы, вернуть эти мгновенья, понестись бы на крыльяхъ безъ тоски, безъ оглядки по полямъ, по лѣсамъ...

Сны подползали, тянули съ собой мертвецовъ и враговъ, горевали, сушили: то окружать сѣрой, безмолвной толпою, то чуть внятно бормочуть.

Заняли двери: не уйти, не вернуться.

За обидой обиды ложились, нарастали, затопляли всю душу... Ни одно солнышко не взошло, не осіяло.

А горечь перегорала, осѣдала на ранахъ, руки тянулись, руки искали...

„О отпусти Ты меня, отпусти на волю!“ — кричало сердце.

И люди мелькали, глухіе, ослѣпленные люди.

И тоска пеленала, пѣла мнѣ темныя пѣсни.

О вернуть бы, вернуть эти мгновенья, понестись бы на
крыльяхъ безъ тоски, безъ оглядки, по полямъ, по лѣсамъ. . .

Матерь моя!

Къ Тебѣ—простертыя руки, послѣдніе взоры.

Тебѣ—мое сердце...

Тамъ, гдѣ зори жемчугъ росъ разсыпаютъ и вкрапляютъ
рубины въ лучи, тамъ млѣетъ грудь, тамъ, не потухая, свѣтится
сердце.—

Подыми, подыми!

Сокрой покровомъ нетлѣннымъ, бѣлымъ и чистымъ, какъ
снѣга родимой зимы, утиши мои вопли рокотомъ яснымъ взоровъ
пречистыхъ, обвѣй изболѣвшую, изглоданную мою душу.

Матерь моя. .

ПОСЛѢДНІЙ ЧАСЪ.

Звонъ и лязгъ раскалившихся отъ битвъ ножей. Жалоба порѣдѣвшихъ, закровавленныхъ, запыленныхъ нивъ. Крики голодныхъ въ выжженныхъ лѣсахъ. Взрывъ взбѣшеннаго пламени въ волнахъ подслѣшовато-чугуннаго дыма, препоясаннаго золотомъ брызгъ, и трескъ и хлюпъ водонадовъ надорванныхъ воплей и кличей, призывовъ, проклятій, и рокотъ гнетуще-унылаго гнѣвья, и визги разгульнаго гимна.

Пожары гигантскихъ домовъ — пріюта болѣзней, нужды, порабощенныхъ желаній. Дико заросшія лѣсомъ дорогія могилы, пустыня разрушенныхъ зданій, колонны нѣмыя, поправный жертвенникъ, трупы жрецовъ.

Шумно изъ вулкановъ разъяреннаго солнца — предсмертной агоніи жизни и свѣта, шумно, какъ хороводы листьевъ осеннихъ, несутся красные, мѣдные лучи и падаютъ золотыми дождями и раздуваютъ жажду и жаръ.

На смѣну дню выходятъ сонно изъ ложбинъ и пропастей сѣдня сумерки, бредутъ туманами, черяются, — и затаенно-скорбное мерцанье мѣсяца пугливо замираетъ.

И гдѣ-то среди жуткихъ сновъ и тяжелыхъ бредовъ большой ребенокъ стонетъ, и тихо ночь ласкаетъ полуоткрытые глаза измученной въ тревогахъ матери

Въ тоскѣ одинъ, предчувствуя грядущія затмѣнья,
И гибель воспаленныхъ, саваномъ окутанныхъ, надеждъ,
Я повторяю мнѣ понятныя слова,
Прощаюсь съ тѣми, кто 'за любовь мою
Отвѣтилъ горькимъ оскорбленьемъ,
Прощаюсь съ властною и дикою толпой,
Которая пасмѣшкой мнѣ думы возжигала

И острымъ лезвiемъ будила къ жизни
Тѣ чары—пѣсни, что вѣка пройдутъ
И темной бѣдой подстерегутъ
Мигъ счастья ярма и душной тѣсноты...

Такъ, неизмѣнно повторяясь, шли, уходили годы.

Гасъ пепель, слезный ливень ослѣпленно бился и пожи-
ралъ огонь, стучало глухо притупленное желѣзо, снѣжили звуки.
Надвигалась горькая расплата.

И вотъ однажды, среди тишины и темноты, такихъ ужасныхъ,
какъ тайная борьба желанiй сокровенныхъ, глухою ночью затепли-
лись неожиданно яркiя на небѣ звѣзды, а на холмѣ изъ пепла и
костей, источенныхъ огнями, явилась женщина...

Въ рукахъ цвѣты чернѣлись изъ отвердѣвшей крови, взды-
малась тяжело грудь бѣлая, отъ жажды раскрывались губы.

И тѣ, кого баюкала сонь для новыхъ преступленiй, и тѣ,
которые на стражѣ были, и тѣ, что корчились въ мученьяхъ,
младенцы, дѣти, женщины и звѣри, трава, цвѣты, деревья —
упали замертво, скошенные косою неумолимой.

Блуждало голубое пламя, изъ мглы вздымались мечи огней,
хрустѣли волны.

И женщина вся трепетала, истомленнымъ жаднымъ взоромъ
обнимая земную гибель...

И вдругъ зашевелились трупы, и остовы костей порозовѣли,
и кто-то началъ пѣсню, пѣсню пѣть тягучую и сытую забвеньемъ.

Плескались звуки, плыли, плыли... заливали...

ИВАНЪ-КУПАЛЪ.

— Дядя, цвѣточекъ!

И на разные лады хохоташе: тутъ и щекочутъ кого-то, и кто-то, запыхавшись, порывается говорить, и прерывные смѣхивсхлипы, и серебряныя капельки звенящихъ звуковъ, рвущихся изъ широко-разинутыхъ ротиковъ.

Впереди Костя, кругленькій, въ красной рубашечкѣ.

Онъ остановился, изъ смѣющихся губокъ сверкаетъ единственный молочный зубокъ.

Онъ кричитъ мнѣ, его пухлыя ручки крѣпко сжимаютъ смятый, затасканный василекъ.

— Дядя!—и затоптался—побѣжалъ.

А за нимъ вприпрыжку тоненькая, черномазая Манька въ голубомъ платицѣ съ пучкомъ кашки, коротышка Нюрка, взлохмаченная, въ красной кофточкѣ, съ золотыми одуванчиками, курносенькая Еля въ сиреневой блузкѣ, съ блеклыми фіалками, визгунья Катя, загорѣлая до черноты, съ земляничкой, облененная Таня съ вѣткою розы и Ванька, и Колька...

Вѣнки, вѣнки цвѣтовъ, дѣтей!

А сзади бабушка Васильевна въ табачномъ, изстиранномъ платкѣ, тѣмная. Обыкновенно такая ворчунья, а теперь добрая. Беззубыя губы къ ушамъ разѣхались, затихло ея вѣчное: „тише, тише, скверный мальчишка, выдеру, смѣй ты у меня!“ Въ рукахъ вѣщикъ наполовину изъ желтыхъ цвѣтковъ купальницы.

Точно огромный цвѣтвой вѣщикъ, снуютъ они, подвигаются.

Берегъ загоразливаетъ.

Только всплескъ голосовъ долетаетъ.

Ишь! какъ Катя заливается:

„Мальчикъ-съ-пальчикъ, а дѣвочка съ мизинчикъ.

Поѣхали съ орѣхами, поскакали съ табаками.

Мальчикъ-съ-пальчикъ“...

Въ раскрытое окно влетаютъ-вылетаютъ комары. Они вездѣ: подѣ потолокомъ, въ углахъ, надѣ головой. Они поютъ однотонно-тонко, безконечно.

И небо и вода — недвижныя: отдыхаютъ, должно быть; а солнце такъ высоко: не то за самымъ за седьмымъ небомъ, не то нырнуло отъ жары куда подѣ вербы и сидитъ тамъ, нѣжится въ прохладѣ ласковой.

У крыльца, уткнувшись мордой въ сѣно, спитъ — вздрагиваетъ лошадь. Недавно еще дѣти гладили и подползали подѣ нее и хватили-теребили хвостъ и холку.

Костя говоритъ: „конь кусается“, —а у этого коня и зубовъ-то нѣтъ...

Въ блѣдно-зеленомъ взбитомъ сѣнѣ выглядываютъ приспуженныя купальницы, точно прищуренныя глазки — маленькія, желтыя птички.

Дуновенье скошенныхъ луговъ.

Плескъ освѣжающей бѣло-голубой волны.

Грѣза полусоннаго немеркнущаго заповдня, теплаго и такого вѣрнаго...

Остроухая, шаршавая собаченка проводила дѣтей, зѣвнула и, свернувшись калачикомъ, задремала у бревень: день-то деньской набѣгаешься, да и подѣ вечеръ тявкать опять же.

Ни души кругомъ, все теперь на рѣчкѣ.

Вѣнки въ воду закидываютъ.

Вдругъ блѣдное личико мелькнуло предѣ глазами, мелькнуло и пропало.

— Паранька, ты что?

Большіе свѣтлые глазки глянули на меня, грустящіе не по дѣтски мучительно, дѣтскіе.

Прижавшись подбородкомъ къ подоконнику, застыло тѣльце дѣвочки въ истертой плисовой кофточкѣ, въ валенкахъ.

На ковылевой головкѣ бѣленькій платокъ, и личико болѣзненно бѣлое.

— Что жъ ты съ дѣтьми не пошла?

И цвѣточка у тебя нѣтъ?

Паранька вскарабкалась на окно и, усѣвшись, заболтала ногой.

Я оглянулъ мою комнату запыленную, низкую, темную.

А глаза глядятъ — загадываютъ туда за лѣсъ, за рѣку.

А раньше такая веселая...

— Я тебя, Паранька, съ собой возьму, дай срокъ, возьму на руки и улесу, ни одного человѣка тамъ... далеко-далеко, и никто не обидитъ тамъ, пафду я такое...

— Испугалась!—зашептала вдругъ дѣвочка сухо однѣми губами и вся сжалась, а ручки крѣпко впились въ подоконникъ, словно надвигалась минута послѣдняя, и тысяча рукъ со всѣхъ сторонъ колотили ее и въ спину, и въ грудь, и тысяча голосовъ съ гиканьемъ, хохотомъ травили ее, и не было на землѣ клочка такого, гдѣ бы схорониться можно...

Хотѣлъ что-то сказать, хотѣлъ укрыть...

И сжался.

Отточенными ногтями длинными, лютѣй когтей, кольнули руки мое сердце.

Какая-то птичка, вспорхнувшая на бревна, крутя тревожно головкой, одиноко чиркала-кликкала...

— Испугалась!

И вдругъ, какъ кошка, спрыгнула и канула.

Пахнуло сыростью.

На порогъ стоялъ кто-то.

Обернулся.

Мутные страдальческіе глаза искали.

Здравствуй!—сказалъ Иванъ Платоновичъ, запахнулся и сѣлъ.

Лицо неситое, изболѣвшееся.

Закурили.

Иванъ Платоновичъ пошарилъ въ карманахъ, вытащилъ осколокъ кости, потомъ запустилъ руку поглубже, вытащилъ пузырекъ.

Открылъ пробку, высыпалъ на ладонь горстку сѣровато-блестящаго песку.

— Вотъ,—сказалъ онъ глухо,—амальгамный должно... Ночь напролетъ рылся, въ самую глыбъ нырять, жила росыпей.

Онъ глядѣлъ пытливо, и таяла страшная тоска, перецугъ ширить зрачки.

— Непромытое, видно,—не глядя отвѣтилъ я.

Горько и презрительно скривилъ губы.

— Амальгамное, говорю, жила росыпей самородныхъ, вотъ что!

Поднять доскутокъ бумаги и чуточку сыпаль.

— Можетъ, пудъ какой схороненъ непромытаго твоего.

Глядѣлъ гордо и снисходительно.

— А это мамонтъ, клыкъ допотопный.

Ржавая позеленѣвшая кость вертѣлась между пальцевъ.

— Да ты слѣдь-то видишь, видишь пласть отщепилса?

Принялся подробно рассказывать о своихъ понскахъ, какъ по почамъ въ рѣкѣ сидитъ, какъ по берегу роется.

— Сжиснуть они меня: вчера вотъ бѣлымъ подходило и какъ комарь: зу-зуу—зуу-зуу...

Они все знают, знают и чувствуют. И сила ихъ въ томъ. А мы что?—и знаемъ немного, а того меньше чувствуемъ.

Сживуть они меня...

Въ алую рѣку за золотой, рѣзной берегъ сѣло томно-слѣдящее, густо затканное красными камнями солнце.

Потянулись и столпились по его слѣду полныя раздумья черныя облачка и тучки красныя.

Гдѣ-то за рѣкой у вспыхнувшего огонька затыкала собаченка глухо, безтолково.

Нахмуренный дремный лѣсъ наострилъ несмыкаемый ночной глазъ:

Скорбная луна, покинутая своимъ свѣтомъ, медленно всплывала на крестъ колокольни.

Мы повернули за холмъ и пошли вдоль берега.

По рѣкѣ плыли вѣнки на половину изъ желтыхъ цвѣтковъ купальницы, плыли-уплывали въ холодное море, вѣще-счастливые.

Навстрѣчу топотались—бѣжали дѣти; разгоряченныя личики ихъ смѣялись, а впереди, прижимая руку къ груди и наклонивъ голову къ землѣ, бѣжала Паранька.

Дѣти кричали:

— Крыса сѣдая! крыса сѣдая!

Острый камушекъ скользнулъ по моей груди; сердце вздрогнуло.

Бабушка Васильевна едва плелась, но была такая же добрая, еще добрей: вѣнокъ не утонулъ.

А мы уходили все дальше.

Отъ дѣтей столбикъ пыли стоялъ, и луна была куда выше креста, съ каждымъ мгновеньемъ ликъ ея таялъ и отъ бѣлаго свѣта обнимающихся зорь печалился.

— Вотъ тутъ,—шепнулъ Иванъ Платоновичъ. Онъ вытащилъ изъ-подъ полы вѣнокъ и показалъ на темную вздрагивающую воду омута.

— На тебя.

И вѣнокъ завертѣлся, запрыгалъ, потомъ глубоко скрылся и снова выплылъ, выплылъ и канулъ.

Изъ кустовъ глянули на меня большіе, свѣтлыя глазки, грустящіе не по дѣтски мучительно, дѣтскіе.

И тамъ, гдѣ толпились черныя облачки и красныя тучки, взрывомъ нѣмой нестерпимой обиды, полихали сухія зарницы.

И была тишь кругомъ безгромная—горькая.

Изъ вашихъ глазъ я скроюсь вскорѣ
На перепутьи, у рѣки,
Чтобъ вновь взойти на косогорѣ,
Гдѣ ивы стройны и легки.

И будетъ обликъ мой безпеченъ,
И воздухъ счастьемъ напоенъ,
А косогоръ, кругомъ расцвѣченъ,
Заблещетъ красками, какъ сонъ.

Я приглядѣлся къ вашимъ лицамъ,
Прислушался къ вѣющимъ рѣчамъ...
А тамъ я буду близокъ птицамъ
И лугъ усѣяннымъ цвѣтамъ.

Меня слова и лица мучать,
Я становлюсь упрямъ, жестокъ,
Они жъ любить меня научатъ
И быть, какъ птица, какъ цвѣтокъ.

Тѣнь серебристыхъ ивъ привѣтитъ
Меня въ бездушно-жгучій зной,
И взглядъ мой многое отмѣтитъ,
Слѣдя за тонкою листвою.

Все, что мнѣ больно, позабуду,
И будетъ сладокъ мой покой...
Я весь уйду навстрѣчу чуду
На косогорѣ, надъ рѣкой.

Юноши въ сумерки спорятъ о Богѣ...
Огни фонарей зажжены.
Очертанья домовъ молчаливы и строги.
На крестахъ отраженье луны...

Западъ—полоска огнистой эмали.
Вечера мѣвующій вздохъ...
Крыльи силуэты въ пурпуровой дали.
„Юноши, близокъ вашъ Богъ!“

...les soirs leur seront de tourmen-
teurs aimants...

Emile Verhaeren.

Вода и небо... Стелется туманъ,
И пѣна бѣлая струится такъ уворно...
Ужъ мѣсяцъ, какъ мы вышли изъ Ливорно,
И вдаль бѣжимъ, и ищемъ новыхъ странъ.

Я за тобой послѣдовалъ покорно,
Чтобъ цѣлый день на ржавый кабестанъ
Наматывать канатъ и отпускать проворно...
Но нѣтъ! Не за тобой, проклятый капитанъ!

Лишь ночь сойдетъ, огни блестятъ на ютѣ,
И, скрытый днемъ, мелькаетъ тонкій станъ,
И поцѣлуевъ звукъ мнѣ слышится въ каютѣ.

И я, забывъ про рифы и туманъ,
Къ окну крадусь и взглядомъ проникаю,
Съ тобой дѣлюсь, съ тобой изнемогаю...

„Случайному другу
Случайность души“.

Б.***

Мнѣ дорога твоей души случайность.
Люблю твоихъ поступковъ произволь.
Ты жуткихъ сновъ нѣмая обычайность,
Ты пламя: пепель тамъ, гдѣ ты прошелъ.

Какъ ты, твои стихи случайны и неожиданны,
Какъ ты, соблазнами и чарами полны.
Они, какъ дождь и вѣтеръ, богоданны,
Какъ поступь дѣвушки, — невинны и грѣшны.

Равно ты полюбилъ и святость, и пороки,
Ты полюбилъ любить, мѣняясь безъ конца,
И прозрѣвать улыбки и намеки,
И покорять разсудки и сердца.

ПОСЛѢДНЯЯ НОЧЬ.

Андрею Бѣлому.

Рождаются и гаснутъ бѣлые мутные дни, тихо вползаютъ черныя молчаливыя ночи.

Когда тамъ внизу, за окномъ зажигаютъ фонарь и желтый языкъ тоскливо бьется въ стеклянномъ колпакѣ, тогда живые черныя силуэты бѣгутъ по потолку, и на свѣтлой полосѣ ложится большая недвижная тѣнь.

— Это я.

Вносятъ лампу. Уходитъ свѣтовая игра, фонарь не посылаетъ больше своихъ больныхъ дрожащихъ улыбокъ, и въ комнатѣ все становится сурово-обычно, точно испугался кто-то, что я начну играть съ тѣнями, ловить свѣтовые пятна, что струятся по пальцамъ, и хотя на мгновенье забудусь, и будетъ все не такъ, какъ у нихъ.

Дни идутъ. Октябрьскіе туманы закутали городъ, блѣдная завѣса, кровавая отъ огней, закрыла небо.

Много дней и ночей я одинъ.

Если бы я сказалъ имъ, почему такъ давно я одинъ и Кого жду я сегодня въ тихій предразсвѣтній часъ, они разсмѣялись бы, эти озабоченные, недоувѣрчивые люди, которые маленькими черными призраками мелькаютъ за окномъ.

Кого можно ждать въ этомъ городѣ, гдѣ дымы, туманы и тусклые свѣты такъ уныло повисли надъ знакомыми улицами? Кого можно ждать подъ грохотъ колесъ и гудѣнье фабричныхъ свистковъ?...

И они не знаютъ, не знаютъ, что сегодня послѣдняя ночь.

Я долго ждалъ. Какъ сокровенную тайну, берегъ я мечту, какъ дрожащее пламя, пещъ я ее сквозь тьму и ужасъ душной неволи. Падала, срываясь съ алыхъ кручь, угасая отъ горя, я шель на отдаленные зовы.

И разгорался свѣточъ, и иглы вѣнца Его сладостной болью ранили меня, и, весь отдавъ себя Ему, я сталъ безмолвно ждать послѣдняго, невѣдомаго людямъ чуда.

Сегодня на разсвѣтѣ я вышелъ за городъ.

Въ блѣдной мглѣ тонули мертвыя поля, розовая лента разгоралась на востокъ радостной привѣтной улыбкой.

Въ утреннемъ восторгѣ робко трепетали послѣдніе шелестящіе листочки березъ.

Я упалъ на холодную, влажную землю, покрытую мертвой травой, и звалъ, и молился, и плакалъ.

Я говорилъ Ему, какъ девятнадцать вѣковъ длится безмѣрная тоска, я рассказывалъ Ему, какъ въ страшныхъ застѣнкахъ безъ Его свѣта угасаютъ миллионы человѣческихъ жизней.

Я звалъ Его, милаго, кроткаго, покинувашаго насъ...

А розовыя волны затопляли горизонтъ, и березки нѣжно дрожали въ огневомъ предутреннемъ восторгѣ.

Въ послѣднемъ порывѣ боли и надежды я поднималъ руки къ розовѣющему небу, и внезапно острая, сладкая радость наполнила душу.

Я уже не чувствовалъ ни тѣла, ни отяжелѣвшей безъ сна головы.

Это Онъ услышалъ голосъ безмѣрной любви.

— Онъ обѣщалъ, Онъ слышалъ, Онъ придетъ.

Сегодня цѣлый день я приношу въ мою комнату бѣлые цвѣты. Ихъ стебли поникли и вянутъ. Блѣдныя головки умрутъ, не увидѣвъ Его.

И снова вечеръ. Но пусть въ траурѣ тумана задыхается отъ страха безпомощное пламя, сегодня я не раздѣлю съ нимъ моей ночной тоски.

Сегодня мой праздникъ!

О, развѣ не приходилъ Онъ въ міръ на зовъ безконечной любви! Развѣ онъ не помнитъ, какъ любилъ я Его!

Въ темныхъ ликахъ иконъ, въ голубыхъ вздохахъ ладона, въ синихъ глазахъ ребенка, и въ трепетаньи весеннихъ цвѣтовъ, и въ искаженныхъ горемъ лицахъ, я узнавалъ и чувствовалъ Его.

Изнемогая, падая безъ силъ, я меркнувшимъ голосомъ все молилъ: о приди, не оставь!

И сегодня Онъ слышалъ, Онъ слышалъ мой стопъ.

За стѣнной смѣются и доютъ, тамъ не знаютъ объ Утреннемъ Обѣщаніи.

Не намекомъ, не тѣнью придетъ Онъ ко мнѣ, — я прильну къ бѣлоспѣжной сіяющей ризѣ, буду цѣловать Его ноги съ кро-

вавыми ранами гвоздей, я загляну въ Его глаза, въ которые столько вѣковъ не смотрѣлъ уже мѣръ, растворюсь, потону въ Немъ, и это будетъ моя послѣдняя земная молитва.

Какъ ночь длинна! Я знаю, онъ придетъ вмѣстѣ съ солнцемъ. Но гдѣ же взять мнѣ красокъ радости, невянущихъ цвѣтовъ, чтобъ встрѣтить Его—Царя.

И я, пищій, отдамъ Ему все, что имѣю.

Подъ ноги Его я брошу мое земное, грѣховное тѣло, а душой потону въ Его Вѣчномъ, немеркнущемъ свѣтѣ, и мы будемъ одно—я въ Немъ и Онъ во мнѣ.

Ночь все идетъ... Не спитъ земля. Подъ завѣсой тумана, точно въ тяжеломъ бреду, стонетъ, и вздрагиваетъ, и тяжело дышетъ немолчающій городъ.

Какъ больно мнѣ отъ этихъ звуковъ!

Въ нихъ вопли невидимыхъ грудей, сатанинская усмѣшка падъ вѣрой въ грядущее чудо.

Уйдите! Оставьте! Зачѣмъ посылаете вы отголоски вашей муравьиной суеты, отзвуки вашей безцѣльной борьбы. Они мѣшаютъ мнѣ прислушиваться къ звуку Его отдаленныхъ шаговъ.

Я завѣшу окна, прижмусь въ далекомъ темномъ углу, закрою глаза, сложу руки крестомъ на груди, и, весь дрожащій, чуткій, какъ струна, буду ждать святаго прикосновенія.

Это послѣдній часъ.

Уже слышу я нѣжные шорохи, сладкія вѣянія приближенія. Уже сквозь занавѣсы смотрятъ Его предтечи, — первые голубые лучи.

Только зачѣмъ тѣ звуки опять врываются въ душу и тревожатъ давно погребенное? Тѣни какія-то рѣютъ вокругъ. Зачѣмъ онѣ здѣсь, развѣ для нихъ я не умеръ давно?

Что за злобная сила оживляетъ тотъ сонъ, что когда-то называлъ я жизнью?

Уже ихъ искаженные лица страшной гирляндой вьются на потолокъ.... О, Боже Милосердый, вели имъ уйти! Они хохочутъ, скрежещутъ зубами, въ сладострастныхъ сплетеніяхъ изгибаются ихъ тѣла. Они хотятъ напомнить что-то знакомое, чудовищно-страшное, они зовутъ опять туда, гдѣ былъ я, пока не зналъ Тебя.

Винау съ угрожающимъ воемъ собирается толпа. Тамъ всѣ, отъ кого я ушелъ...

Блѣдные призраки дней не хотятъ, чтобъ я видѣлъ Тебя. Уже двери трещатъ подъ яростнымъ напоромъ ихъ тѣлъ.

А розовая полоса навѣрно, навѣрно загорается на востокѣ!...

Кто-то шепнулъ, чтобъ я молился. Я не помню молитвъ, только именемъ Твоимъ я буду заклинать ихъ уйти.

Ихъ нѣтъ. И опять тишина, и тихія вѣянія приближенія.

Но что это красное въ глазахъ? Оно ослѣпило меня. Огнемъ необоримаго волненія горитъ мое тѣло. Оно отяжелѣло, все громадное, горячее. Вой, свистъ невидимыхъ вихрей въ ушахъ.

А! Это—тѣло! Это кровь поетъ свои пьянныя пѣсни....

Послѣдніе враги возстали, на меня, чтобы скрыть Твой ликъ.

.....

Въ пожарѣ востокъ. Медлить нельзя ни мгновенья.

Какъ могъ я думать, что этими руками, извѣдавшими грѣхъ, столько разъ искаженными страстью и злобой, коснусь я пречистыхъ сияющихъ ризъ Твоихъ!

Не уходи! Я Твой...

Тамъ на столѣ за книгами есть блестящій холодный предметъ.

Я приложу его къ виску. Порвется слабая земная нить. Снопъ свѣта ворвется въ мозгъ. Бѣлыя крылья дрогнуть за плечами. Рухнуть въ бездонность тяжкія стѣны...

Тогда изъ тьмы, какъ молнія, сверкнетъ Твой свѣтозарный бѣлоогненный ликъ.

Рванется навстрѣчу освобожденная душа...

Хлынуть бѣлыя волны послѣдняго счастья.

И мы будемъ едино,—Ты во мнѣ и я въ Тебѣ...

Я Твой!... Иду!...

Октябрь 1903.

ЗА ГРАНЬЮ.

Въ ту ночь подъ окнами протяжно и аловѣще гудѣли тополя.

Черныя тучи тяжелыми глыбами низко ползли надъ землею, и, когда, проходя, разрывались мохнатыя чудовища,—мутныя бездны открывались въ небѣ, и лился оттуда мертвенный отблескъ ущербной луны.

Въ саду, за высокою оградой пугливо шептались кусты и деревья, и было въ пустыхъ аллеяхъ незнакомо и страшно, точно съ уходомъ солнца и дня проснулся тамъ духъ безпокойный, странннй, бездомный и, припадая къ чернымъ стволамъ и гудящимъ вершинамъ, уныло завывалъ вмѣстѣ съ вѣтромъ.

Хлопали ставни, пламя свѣчи мерцало, вытягиваясь длиннымъ краснымъ языкомъ. Полутемная зала хмурилась въ неспокойномъ молчаньи, и старыя портреты внимательно и загадочно смотрѣли на меня темными забытыми лицами.

Отдаленныя отзвуки, шорохи ночи, глухо замирали подъ высокимъ потолкомъ, и тихой дрожью, еле замѣтнымъ колебаньемъ дрожали тяжелыя складки портьеръ.

Я слышалъ, какъ кто-то входилъ, крались незримые шаги, блѣдныя тѣни, мелькнувъ въ глазахъ, таяли въ неосвѣщенныхъ углахъ.

Я былъ одинъ въ эту ночь....

Жуткая дрожь пронизывала тѣло и холодной волной приливала къ вискамъ. Стараясь заглушить невнятную тревогу, я бодро ходилъ взадъ и впередъ, но страхъ разрастался, холодѣли руки и свинцовая тяжесть давила грудь.

Тогда, собравъ послѣднiя силы, я быстро толкнулъ балконную дверь, сбѣжалъ по скрипящимъ ступенямъ и очутился на дворѣ.

Впередн темной шумящей массой всталъ садъ. Но туда не хотѣлось смотрѣть, и я, обогнувъ цвѣтникъ, пошелъ по знакомой дорогѣ, которая мутно-сѣрою лентой чуть видѣлась во тьмѣ.

Кругомъ тянулись поля. Изумрудно-ласковья, пѣжныя, какъ бархатъ днемъ, теперь они сѣрой, холодной пеленой печально тянулись до чуть видной черной линіи лѣса.

Но тѣ, которыхъ хотѣлъ я оставить тамъ, въ угрюмо затихшемъ домѣ, уже неслышно крались за мной.

И, боясь оглянуться назадъ, я шелъ и все шелъ по пыльной дорогѣ.

И, сколько я шелъ,—я не знаю.

Безконечной казалась эта беспокойная почъ, и безбрежна была сѣрая пелена, которую едва охватывалъ взглядъ. Дорога становилась шире, потянулись высокіе заборы, и я съ изумленіемъ думалъ, что не видѣлъ ихъ раньше никогда.

Цѣпенѣя отъ страха, я оглянулся назадъ, и не было сзади ни дома, ни сада, ни лѣса.

Блѣдная мгла тяжелыми клубами ползла, закрывъ все и не касаясь земли. Тучи опустились такъ низко, что чудилось мнѣ, будто мохнатая жадная рука уже тянулась коснуться моей головы, и дышало все холодомъ, ядомъ и злобной измѣной.

„Спасите!“ крикнулъ я кому-то.

„Спасите“,—шепнулъ я съ мольбой.

Но только голосъ мой, отброшенный вѣтромъ, одиноко прозвучалъ вдали.

И я бѣжалъ, а уродливыя тѣни въ омерзительно-веселой пляскѣ плыли вокругъ, и чьи-то длинныя скользкіе пальцы прикасались къ лицу и рукамъ.

Потомъ свистомъ, и воемъ, и ревомъ наполнился воздухъ, будто миллионы крылатыхъ существъ неслись на бѣшеной волнѣ урагана.

Полумертвый отъ страха я бѣжалъ, напрягая послѣднія силы, и, когда вопль безспянаго отчаянія задрожалъ въ груди, я бросился къ высокому забору и всѣмъ тѣломъ ударился въ крѣпкія доски. Что-то подалось, открылась низкая дверь, я скользнулъ куда-то. И стихло все.

Куда я попалъ,—я не знаю.

Здѣсь было тихо той печальной, но живой тишиной, какая дышетъ на отдаленныхъ заброшенныхъ кладбищахъ.

Это былъ и не садъ, и не лѣсъ.

Прямые, черныя кипарисы, какъ угасшіе факелы, иглами острыхъ вершинъ уходили въ бархатъ спокойнаго, сѣраго неба. И сумракъ здѣсь былъ такой, какого не бываетъ ни ночью, ни днемъ. Легкая мгла прозрачнымъ вуалемъ висѣла на темныхъ вѣтвяхъ и пѣжной паутиной закрывала просвѣты длинныхъ безмолвныхъ аллей.

Успокоенный и изумленный, я двинулся вперед, и не зная я, гдѣ я и куда иду.

Но здѣсь не рождался страхъ, и тьма не грозила, а обѣщала блаженный несбыточный сонъ.

Я проходилъ аллею за аллеей, я шелъ мимо тихихъ недвижныхъ прудовъ, и вода въ нихъ дремала, какъ матово-черный атласъ, не отражая прибрежныхъ кустовъ. Темныя птицы беззвучно вспархивали съ вѣтвей и тонули въ сумракъ пещуемыхъ вершинъ.

Я шелъ по мягкой травѣ, усѣянной блѣдно-пушистыми цвѣтами, и мнѣ хотѣлось прильнуть на шелковый свѣжій коверъ и забыться въ разлитомъ здѣсь бархатномъ сладостномъ снѣ.

Но мнѣ казалось тогда, что счастье еще впереди, что гдѣ-то тамъ, за толпой черныхъ стволовъ, за завѣсой безмолвія, меня ждетъ послѣдняя радость успокоеннаго сліянія съ невѣдомой святыней этой безбурной страны.

Теперь я шелъ по широкой аллеѣ кипарисовъ.

Голубая лунная дымка струилась вдали, и отъ нея подъ ногамъ сплетались прямыя строгія тѣни въ правильный черный узоръ.

Этотъ свѣтъ увлекалъ, обѣщавъ безмѣрное счастье, и я, какъ на легкихъ невидимыхъ крыльяхъ, скользилъ въ узоръ тѣней, межъ недвижныхъ высокихъ стволовъ.

Аллея кончалась, разгорались голубыя волны....

Я стоялъ на широкой площадкѣ. Впереди, изпещренная незнакомыми надписями, уходила въ небо высокая сѣрая стѣпа съ гротомъ посрединѣ. Теперь я понималъ, откуда струился голубой мерцающій свѣтъ.

На высокоомъ треножникѣ горѣло спокойное пламя. Тонкій застывшій языкъ вонзался въ сѣрую бездну неба.

Я хотѣлъ упасть и молиться—Кому, я не зналъ, но все тѣло уже замирало отъ блаженнаго, проникающаго восторга. И было мнѣ такъ сладостно, точно кто-то пѣжный укачивалъ меня на бархатно-сонныхъ волнахъ.

Но прежде, чѣмъ успѣлъ я склонить дрожащія колѣни, въ углубленіи замелькали смутныя тѣни, и оттуда вышелъ высокій старикъ, закутанный въ сѣрую легкую ткань.

Бѣлые волосы и шелковая борода серебрянымъ облакомъ струились вокругъ его блѣдно-жемчужнаго лица съ опущенной тѣнью рѣсницъ.

И была въ этомъ лицѣ такая безсмертная мудрость, такая голубиная ясность, какихъ никогда я не видѣлъ на землѣ.

Точно вѣка пронеслись надъ этой убѣленной головой и, открывъ ему тайну послѣдняго знанія, промчали мимо все то,

что, какъ ураганъ, врывается въ человѣческія жизни и кладеть печать смерти на тлѣнныя лица людей.

Не замѣчая меня, въ торжественномъ молчаніи, онъ шествовалъ впередъ, а за нимъ вереницей тянулись другіе, и тотъ же мудрый нечеловѣческій покой застылъ на ихъ лицахъ, и такъ же серебряныя струи спадали на легкія ткани одеждъ.

Сѣрая лента безъ конца уходила въ глубь длинныхъ аллей, а я все стоялъ, благоговѣйный и только, когда послѣдній проходилъ мимо меня, я упалъ передъ нимъ на колѣни въ безумномъ порывѣ и молилъ, чтобы меня, невѣдомо попавшаго сюда, они пріюбщили къ ихъ жизни, чтобы не скитался я въ ихъ странѣ, какъ воръ, какъ незваный пришлецъ, между нихъ—узнавшихъ послѣднюю тайну.

Онъ поднялъ глаза, и взглядъ этихъ глазъ, какъ клинокъ, пронзилъ мою душу до самаго дна, гдѣ еще невѣдомо для меня самого бушевалъ хаосъ ночного пути.

Въ тоскѣ, извиваясь, какъ червь, я ползалъ предъ безмолвнымъ, а нить уже рвалась, и страхъ быть отвергнутымъ тяжелыми волнами перекатывался черезъ распростертое тѣло.

Онъ знакомъ велѣлъ мнѣ подняться и молча повелъ меня по новой, незнакомой дорогѣ.

И этотъ путь былъ мгновенень, какъ сонъ.

У двери, къ которой привелъ онъ меня, я услышалъ торжественный голосъ, и голосъ сказалъ: „Уйди, ты до времени здѣсь“. И захлопнулась дверь.... Потомъ, какъ декорации, заколебались заборы и растаяли въ слабомъ предутреннемъ свѣтѣ.

И вновь знакомой панорамой всталъ лѣсъ и пыльная унылая дорога.

Я бросился назадъ, но только поля были вокругъ до сѣней каймы отдаленнаго лѣса, да высокія травы холодной, еще не ушедшей сыростью почвы дышали въ лицо.

Что было со мной?...

Былъ ли то сонъ, или на мигъ вернулась прежняя милая родина, откуда за невѣдомый грѣхъ я выброшенъ въ неволю тѣснаго міра?

О, теперь я не знаю уже ничего!...

Прошло много дней и ночей, и земное быстрое счастье стучалось ко мнѣ, но я ухожу отъ него, и оно грустно улыбается мнѣ.

Я сломленъ, я оторванъ отъ жизни.

Я все жду, что вернется та радость...

И когда наступаютъ блѣдпобурныя почвы и подъ окнами, какъ тогда, загудятъ тополя,—я весь загораюсь отъ пьяной надежды и до разсвѣта брожу по безмолвнымъ полямъ.

Но кругомъ все молчитъ тѣмъ страшнымъ молчаньемъ, какимъ молчатъ могилы предъ вопросами живыхъ, и въ мутныхъ безднахъ неба безнадежно скрыта тайна единственной ночи.

Годы идутъ. Хаосъ бушуетъ и бьется вокругъ....

И есть у меня только одна надежда, что смерть милосердиѣ жизни, что въ тотъ мигъ, когда спадутъ цѣпи земли, Единый сжалятся надо мной, не пошлетъ одиноко скитаться во тѣмѣ холодныхъ изначальныхъ пространствъ, а сольетъ меня съ той сладковѣйной тишиной, гдѣ потонетъ навѣки моя усталая душа.

ЦВѢТОКЪ ИВАНОВОЙ НОЧИ.

Это было вчера, а, можетъ, быть, и давно—не помню, не знаю. Безумно измѣрять днями и ночами нескончаемую человѣческую муку.

Быль такой же вечеръ, какъ сейчасъ, и туманъ ползъ изъ лѣса, и небо, мутное, печально спокойное, висѣло надъ садомъ.

Мы случайно остались вдвоемъ.

О, конечно, случайно...

Вѣдь, если бы она знала даже, что завтра я умру, она не осталась бы со мной въ эту ночь.

Сегодня весь день, блѣднѣя отъ печали, она ждала того красиваго, при мысли о комъ кровь гнѣвнымъ молотомъ стучить въ виски и руки сводить судорога бѣшенства.

И только къ ночи, когда уже стало поздно ждать, она пришла на балконъ и осталась со мной.

Въ эту ночь въ большомъ темномъ домѣ не было никого, кромѣ насъ.

Уже нѣсколько почей бѣлнй непроницаемый туманъ стелется надъ землей. Говорятъ, гдѣ-то близко горять лѣса. Днемъ солнце, какъ налитой кровью глазъ, зловѣщо смотритъ сквозь голубую тяжелую мглу, а вечеромъ, какъ только угаснетъ послѣднй багровый лучъ, безшумно ползутъ эти бѣлнй влажнй волны.

И клумбы, и кусты, и изгородь,—все потонуло въ бѣлой бездошности, только выше, поднимаясь къ мутному небу, тихо качаются мохнатя головы высокнхъ деревьевъ.

Тогда тоже была ночь, и я не видѣлъ ни ея глазъ, ни лица, но, зналъ я,—та же злая мука, что терзала меня, желѣзными когтями рвала и ея сердце.

И отъ этого сознаня змѣниая радость крутилась во мнѣ.

Мы молчали, а туманъ все густѣлъ, и дѣлалось страшно, и тяжело было дышать.

„Какъ скучно, какъ скучно!“ шептала она. „А вы все еще здѣсь, развѣ не скучно и вамъ?“

Я смѣялся, шутилъ, говорилъ о чемъ-то веселомъ, только тамъ, въ глубинѣ, было такъ страшно, такъ пусто, какъ бываетъ въ домѣ, откуда только что вынесли покойника.

„Вы помните, что сегодня Иванъ Купаль?“, говорилъ я.

„Въ полночь въ лѣсу зацвѣтетъ папоротникъ, сберутся веселые демоны, бросятъ во тьму сверкающій красный цвѣтокъ. Оживетъ темнота, захочутъ отъ радости совы, лѣсъ загудитъ, задрожитъ отъ восторга, и кто найдетъ этотъ яркій веселый цвѣтокъ, будетъ счастливъ весь годъ. Хотите въ лѣсъ? Быть можетъ, счастье ждетъ кого-нибудь изъ насъ“.

Она согласилась, смѣясь, взяла мою руку, и мы поплыли по бѣлымъ волнамъ.

Близко, такъ близко я чувствовалъ ея спокойные теплые пальцы, и въ это прикосновенье уходила вся моя жизнь.

Опустошенный, слабый я велъ ее куда-то по бѣлой аллеѣ, и только, когда мы коснулись ограды, я понялъ, что кончился садъ.

Дальше, о, дальше!

Пусть безъ конца длится безмѣрная мука, пусть сгоритъ вся моя кровь!

Зачѣмъ мнѣ сѣрые, какъ паутина, дни, если сегодня, хотя и случайно, она со мной и мы отдѣлены отъ міра чарой этой злой единственной ночи.

Я отворилъ калитку.

Безбрежное, бѣлое—кругомъ, пьяная сырость земли, шелестятъ подъ ногами прошлогодніе листья, а тамъ, въ темныхъ чащахъ, точно шопотъ, и смѣхъ, и невнятная рѣчь...

Влажные вѣтви ласкаютъ намъ лица,—все далеко, все ушло, а кто-то ласковый и злой увлекаетъ все дальше и дальше.

„Какъ хорошо, какъ страшно!“ смѣялась она.

„Но гдѣ мы?! Я не вижу ни деревьевъ, ни тропинки, мы заблудимся въ лѣсу“.

Я крѣпко держалъ ея руку.

„Намъ пужно быть близко. Страшно потеряться въ темнотѣ“.

И каждый разъ, когда въ невольномъ испугѣ ея пальцы сжимали мою руку, сердце во мнѣ дѣлало бѣшеный толчекъ, какъ будто вся кровь изъ дрожащаго тѣла уходила въ него, и я становился пустымъ и до странности легкимъ, точно ужъ не было тѣла, а только огненная искра, да оболочка изъ того же тумана, въ которомъ тонули мы съ ней.

Въ травѣ загорались свѣтляки. Я ловилъ, нагибаясь дрожащія огни и укралъ ея волосы.

Хороша Иванова ночь!

„А папоротникъ. Гдѣ же папоротникъ... найдемте хоть листочекъ“, просила она.

„Дальше, дальше. Какой же папоротникъ около дома. Онъ дальше, дальше! Можно ли заблудиться со мной, когда такъ хорошо я знаю этотъ лѣсъ“.

Мы вышли изъ чащи и шли высокою, нескошеною травой.

Бѣлая бездонность подь ногами, надъ пропастью мы.

Она споткнулась обо что-то, и на мигъ ея лицо коснулось моего. Огненная лента развернулась передъ глазами, еще мигъ,—и я упалъ бы предъ ней, безсильный, какъ тонкія травы, что лежались подь нашими ногами.

Но тотъ, кто сегодня владѣеть мной, вдохнулъ въ меня силу, и я шелъ съ ней рядомъ такъ твердо, такъ спокойно.

„Послушайте, дальше не нужно, тутъ сыро, вернемтесь“, сказала она. „Видно папоротникъ сегодня цвѣтеть не для насъ“.

Такъ дальше не нужно! И больше не будетъ ничего?

Ничего! Ничего! стонало и ныло во мнѣ. Ничего—больше случайности этой ночи, ничего—больше равнодушнаго прикосновенія ея пальцевъ.

А завтра опять тотъ высокій, красный будетъ цѣловать ея руки и губы....

У меня помутилось въ глазахъ. Красный цвѣтокъ, дрожа и сверкая, проплылъ вдаль....

Но вѣдь почъ сейчасъ, и одни мы... А вправо вода, черныи прудъ, подернутый ряской.

Тотъ веселый ожилъ во мнѣ,—онъ хохочетъ, онъ тянетъ впередъ.

„Сейчасъ мы увидимъ папоротникъ! по правѣе, а здѣсь болото, вода. Страшно остаться на зеленомъ днѣ въ гостяхъ у лягушекъ“.

„Еще, еще правѣй!“

Въ послѣдній разъ я сжалъ ея пальцы. Потомъ выдернулъ руку, отбѣжалъ, бросился въ траву и закрылъ глаза.

Разверзудось что-то черное, неизбежное. Это смерть бредеть невдалекъ.

О какъ весело! какъ страшно!

Бѣлыя волны въ мозгу и вокругъ, хохочетъ лѣсъ, гудятъ мохнатія вершины.

Веселые демоны Ивановой ночи швырнули ей красный цвѣтокъ.

А тамъ далеко, ужъ какъ будто за лѣсомъ, какіе-то вопли, и всплески, и стоны.

Или я это плачу, а тотъ веселый ушелъ и не хочетъ смѣяться?

Они не узнали, какъ искали мы красный цвѣтокъ. Никто не видалъ, когда пришелъ я и какъ ушли мы вдвоемъ. Я видѣлъ, сегодня несли они это—длинное, завернутое бѣлымъ.

Но не вѣрю я. Они заркоутъ ея тѣло, но развѣ есть конецъ человѣческой мукѣ?...

И сегодня, и завтра, и всегда я буду ходить въ ея саду и прятаться межъ черныхъ стволовъ, а тотъ красивый будетъ цѣловать ея руки и губы, и въ ихъ поцѣлуи по каплѣ источится вся моя кровь.

И это будетъ вѣчно, всегда, потому что вѣчны и смерть, и любовь.

Октябрь 1903.

Ф у г а.

Пышныя угрозы
Сулицы тугой,
Осыпая розы,
Гонять сонмъ нагой:
Мапуть дѣвы-птицы
Тирсами въ погонѣ;
Съ горь Сатиры скачутъ
Въ рѣзвости вакхальной.

Вейтесь, плющъ и лозы!
Вижу сонмъ другой:
Спугнутыхъ Менадъ
Ввысь Сатиры гонять,
И подъ ихъ ногой
Умирають розы.
Плющъ и виноградъ
Тирсы тяжело клонять...
Бѣглыя зарницы
Тускло въ сонномъ лопѣ
Лунной мглы маячатъ:
Промелькнуть на югъ
Съ сѣвера небесъ—
И на полдень вдругъ
Въ заводн зеркальной,
Дрогнувъ, свѣтъ блеснетъ...
Къ солнцу рвется садъ,

Гдѣ свой даръ уронять
Духи вешнихъ чаръ,
Страстной пылью вѣя:
Тѣснѣй вертоградъ,
Стебли стебли клонять...
Творческій пожаръ

Въ вѣчность мчить Идея:
И за кругомъ кругъ
Солнечныхъ чудесъ
Слѣдомъ жаркихъ дугъ
Обращаютъ, блѣща,
Сферы—и клубятся
Сны міровъ толпою;
Въ вѣчность не уснетъ
Огнеокій бредъ...

Взвейте свѣточъ яръ!
Въ славу Прометея
Смоляной пожаръ
По вѣтру дѣля,
Въ бѣшенствѣ погони
Мчатъ Аэинъ эфебы
Черезъ уснувшій дугъ,
Черезъ священный лѣсъ...
Въ сумракахъ округъ
День мгновенный мѣща,
Зарева дробятся...
Гулкою тропею
Мчатъ любимцы Гебы
Даръ святой, и въ пѣнѣ
Огненосцы—конц...
Свѣтъ умереть, гонимъ,—
Вспыхнетъ свѣтъ за нимъ
Въ солнцеекой смѣнѣ...
Кто изъ васъ спасетъ
Вѣющее знамя,
Прометея пламя
Къ мѣтѣ допесетъ,
Сверстники побѣдъ?

Т е м н и ц а.

Кипарисовъ строй зубчатый—
Стражей черныхъ копя.
Твердь сѣчетъ луны серпчатой
Крутокормая ладья.

Мѣдной грудью сонно дышетъ
Зыби тусклой пелена;
Чуткихъ иголь не колышетъ
Голубая тишина.

Душень свѣтъ благоуханный,
Ночь недвижна и пѣма;
Влѣдникомъ, бездыхалкой
Прочь бѣгутъ и день и тьма.

Мнѣ два кладязя—два взора—
Тьму таять, и солнце дней.
Къ нимъ тянусь я изъ дозора
Мертвой свѣтлости моей.

Рока кладязи, двѣ бездны,
Уронилъ на ваше дно
Я любви залогъ желѣзный—
Плѣнной вѣчности звено.

Вы кольцо мое таете:
Что-жъ замершия уста
Влагой жизни не поите?..
Тьма ли въ васъ, какъ свѣтъ, пуста?..

„Милый, милый!..“ О, родная!
Я повѣрилъ, я привикъ:
Вижу—блещеть глубь ночная,
Зыблетъ смутно мой двойникъ.

Мнѣ жъ замкнуть тайникъ бездонный,
Мнѣ не пить глубокихъ волнь...
Въ небѣ кормщикъ неуклонный,
Стоя, править блѣдный челнъ...

Н а ч у ж б и н ѣ.

Мое томленіе, свѣтила темной ночи,
Вы видите! Въ странѣ родной
Когда я возводилъ съ земной надеждой очи
На васъ, цари судьбы земной?
Житейское оставивъ попеченье,
О вѣчномъ, о достойномъ васъ
Я съ вами говорилъ. А нынѣ, въ заточеньѣ,
Вопросъ единый къ вамъ: придетъ ли воли часъ?
Гляжу на васъ съ тоскою суевѣрной—
И дѣтски жду:
Услышанныхъ молитвъ увижу ль признакъ вѣрный—
Падучую звѣзду?

К а р м и л ь .

Изъ мѣсть, гдѣ знойный сонъ чужого небосклона,
Какъ новыхъ гроздїй сокъ, духъ помутивъ, томилъ
Тоской разымчивой,—ты странно сердцу милъ,
Косматый, дикїй стражъ Эдема—Эдрелона,

Алтарь пророчества, утесистый Кармилъ,
Столъ солнечный, гдѣ взоръ до сказочнаго склона
Къ Европѣ—по браздамъ лазореваго лона—
Напутствуетъ плуги пустынные кормилъ!—

Ваала—Солнца кремль и крѣпость Иліи,
У чьихъ обрывныхъ кручъ сіяетъ Галлея,
Какъ благодатныхъ росъ избранница—лилея,

И пальмы выблутся, и тонуть колени
Въ пескахъ поморїа, и трогаетъ Помона
Разлогъ Киссонскихъ струй предъ спѣжностью Гермона.

Н а п о л ѣ.

Ушелъ я отъ нихъ!
Было душно и тѣсно.
Грезы существъ неземныхъ
Были подъ властью гордыни тѣлесной.

Ушелъ я отъ нихъ!
Поле предстало въ широкомъ просторѣ.
Въ душѣ моей ужась затихъ,
И шелъ я, духовнымъ властителямъ вторя.

Я шелъ по пустынѣ, и было темно,
А сердце мое освятилось.
За мною мерцало палатки окно
И словъ тренетагъ едва доносилось.

И дальше я шелъ,
И было темно, безысходно.
За мною звучалъ произволъ
И меркнулъ въ пустынѣ свободной.

Я замеръ, потухъ, какъ свѣча,
И палъ на колѣни, вдыхая пустыню.
Молитва моя была горяча.
Я землю лобзалъ, какъ святыню...

Древнее заклѣтіе.

Тебя со мною нѣтъ,
Но вѣчно ты со мною.
Гляжу за тонкой пеленою,
Гдѣ потухаетъ слабый свѣтъ,
Твои я вижу силуэты,
Твои мнѣ слышатся отвѣты.
 Меня не знаешь ты,
 Но рядомъ я иду съ тобою;
 Покровы нѣжной темноты
 Насъ окружили тканью голубою.
 И знаешь ты, что рядомъ
 Иду съ тобой, — ласкаю взглядомъ.
И въ темнотѣ — боишься ты!
Зовешь меня стыдливо:
Во власти ты моей мечты,
Въ власти тѣби горделивой.
А подѣлуй мой нѣжный
Даруетъ сонъ тебѣ мятежный!
 И днемъ ты не одна,
 Ты днемъ съ моей мечтою. —
 Ты утомленна и блѣдна
 Въ борьбѣ съ тѣлесной чистотою.
 Ты почти ждешь такъ страстно
 И тьмы великой, своевластной.
Ты знаешь — я съ тобой
И ты со мной навѣчно;
И голосъ нѣжно-голубой
Зоветъ насъ къ радости безпечной;
Во власти духа ты, и — знай,
И духъ молитвъ — безсмертный Адонай.

П Р И Ш Л Е Ц Ъ.

Громадное черное тѣло приближалось къ землѣ, и на землѣ стало темно. Только иногда голубоватосвѣтящіяся искры пропизывали мракъ и быстро неслись куда-то вдаль, и тамъ умирали.

Жители земли, — люди, никогда не видавшіе темноты, боялись ея. Они укрылись въ свои норы и зажгли въ нихъ тѣла растеній, и, глядя на медленную ихъ смерть, надѣялись на жизнь.

Вершина высокої горы освѣтилась ярко-бѣло.

Внизъ медленно спускался усталый человѣкъ. На немъ были свѣтящіяся лохмотья. Онъ пришелъ къ людямъ и просилъ у нихъ пищи и права жить всегда на высокої горѣ. Они дали ему риса и проводили его на высокую гору. Тамъ они построили изъ камней и земли нору для него.

И онъ сталъ тамъ жить, никогда не сходя внизъ къ людямъ.

Они его спросили, что онъ будетъ дѣлать одинъ на горѣ. „Думать о Богѣ“, отвѣтилъ онъ и удалился въ свою нору, а люди пошли къ себѣ внизъ.

Стало опять свѣтло!

Все видѣли свѣтъ и радовались на него.

Къ одинокому никто не входилъ. Иногда, когда вечеромъ было особенно чистое небо, они могли видѣть одинокаго, сидящаго на скалѣ. Онъ сидѣлъ на ней часы, дни, недѣли, не двигаясь съ мѣста.

Онъ думалъ о Богѣ.

Иногда, рядомъ съ нимъ чернѣлъ на свѣтломъ небѣ громадный медвѣдь, который тоже сидѣлъ, не двигаясь, и тоже думалъ о Богѣ. Иногда къ одинокому съ кружательной выси небесъ опускался огромный сизый орелъ, садился ему на плечо и застывалъ надолго и тоже думалъ о Богѣ.

Итакъ шли года, а за ними вѣка.

Люди сильно поумнѣли и научились даже говорить со звѣздами. А звѣзды бываютъ разныя: Однѣ тепло свѣтятся на небѣ и думаютъ о Богѣ; другія же, яркія, горячія, мало думаютъ и хотятъ испытать все сами. Онѣ сперва узнаютъ, а потомъ думаютъ. Онѣ часто опускаются до самой земли и смотрятъ, что тамъ творится, или же войдутъ въ сердце человѣческое и зажгутъ въ немъ томленіе къ надзвѣздному міру.

Вотъ люди стали разговаривать со звѣздами и рассказали имъ, что на высокой горѣ, вотъ уже много тысячелѣтій, сидитъ одинокій и все думаетъ о Богѣ и что рядомъ съ нимъ птицы и звѣри тоже сидятъ и думаютъ о Богѣ.

Одна очень яркая звѣзда сказала людямъ, что взобраться на гору они сами уже больше не могутъ, но что она, звѣзда, согласна спуститься къ одинокому, посмотрѣть на него и рассказать обо всемъ людямъ.

Когда настала ночь и небо сдѣлалось чернымъ, звѣзда ринулась на землю. И она увидала: 'отъ норы одинокаго остались одни камни, а между ними лежали его кости, бѣлыя и едва свѣтились во мракѣ. Самого же одинокаго она увидеть не могла. Снова взвилась звѣзда на небо и рассказала людямъ и другимъ звѣздамъ, что одинокаго больше нѣтъ, а лежатъ однѣ его кости.

И засмѣялись люди и назвали его глупцомъ за то, что до сихъ поръ его видали и перестали его видѣть.

А звѣзды тихо потолковали между собой, и каждая осталась при своемъ свѣтѣ.

Снова прошли тысячелѣтія.

Земля стала холодной, но холода не было, такъ какъ некому было его ощущать.

Людей не стало. Вмѣсто нихъ по землѣ клубились туманы, сталкивались другъ съ другомъ, и была на землѣ великая тоска. Однѣ звѣзды по прежнему либо тепло, либо жарко сіяли на черныхъ небесахъ.

Тамъ также сіяла и любопытная звѣзда и томилась она, что нѣтъ больше людей и что не съ кѣмъ ей говорить. И разъ взглянула она снова на холодную землю. Сперва увидала безпокойные туманы, а за ними и высокую гору, гдѣ такъ долго жилъ одинокій и все думалъ о Богѣ, и она увидала и—одинокаго.

Онъ не сидѣлъ больше, а стоялъ, стоялъ высоко надъ туманами.

Его тысячелѣтній ликъ свѣтился ясной мудростью, и длани его были распростерты надъ безпокойными туманами, и онъ думалъ, думалъ о Богѣ.

И дрогнула звѣзда, и пала она, по не на землю, а въ бездонную пропасть времянь, и въ пространство, гдѣ ей нельзя ни думать, ни чувствовать, она будетъ летѣть вѣчность.

Взгляни на небо,—ты увидишь ее блуждающую въ великой скорби.

Москва 21/х 1903.

С л е з ы.

Крупный ливень!—Соленая влага
Исхлестала кнутомъ мнѣ глаза.
На бокахъ язгранныхъ оврага
Такъ мышей забиваетъ гроза.

Лязгъ и молотъ, и блескъ наковальни,
Замыкающій звенья оковъ,
Разбивающій мракъ этой спальни
Въ изумруды плывущихъ круговъ...

Эти мокрая мыши съ ихъ нискомъ!
Кто солнце, что вновь занялось
Ослабляющимъ, радужнымъ дискомъ
Между лентъ и парчевыхъ полосъ...

Все сливается въ комъ безобразный.
Гдѣ же бьется живой огонекъ?
Трупъ растоптанный, смрадный и грязный....
Кто завлекъ?—Кто убилъ?—Кто жестокъ?

Кто хрустальныя вытянулъ нити
Золотящейся сѣткой живой?
Кто сорвалъ все?—запуталъ?—Бѣгите!
Васъ убьютъ милосердной рукой.

Милосердной и мягкой рукою,
Безъ желѣза вамъ ноги снуютъ.
Ихъ приспѣшники, сбившись толпою,
О возможномъ тогда валюютъ.

Окрыленные руки и пасти
Пронесутся и вырвутъ у васъ
Принадлежности кукольной власти
И послѣднюю гордость изъ глазъ.

И напрасно скривленной рукою
Вы зажмете пустые глаза.
Не гвоздями, а острой тоскою
Пригвоздить васъ ночная гроза.

Безъ дождя васъ прибѣтъ къ изголовью,
Молотками задушить вашъ крикъ,
И межъ губъ, запечатанныхъ кровью,
Ужъ не вырвется мертвый языкъ.

И съ иглы золотой и узорной
Оборвется жемчужная нить
И разсыпется въ комнатѣ черной...

П л ѣ н н ы й.

Беззвучный мракъ раскрылъ объятъ,
Сжимаетъ холодъ грудь мою.
Шепчу несвязныя проклятья
И голосъ свой не узнаю.

Да, да! Я—плѣнный. Давать стѣны,
Нависъ угрюмый потолокъ.
Проходить медленныя смѣны,
Гремить прикладъ, скрипитъ замокъ.

Навѣкъ закрылись съ визгомъ двери,
Окно заковано въ чугунокъ.
Спасенья нѣтъ, нѣтъ мѣста вѣрѣ!
Тамъ за окномъ шумитъ бурюнокъ...

Унынемъ полныя нагѣвы
Въ душѣ, какъ боль, отражены,
И чахнутъ смѣлые посѣвы
Нераспустившейся весны!

У с п о к о е н і е.

Я съ людьми и богами,
Я свободенъ и скованъ,
Все проникъ я очами,
И всегда зачарованъ.

Путь мой прямъ и безцѣленъ,
День мой сумрачно-свѣтелъ,
У холодныхъ молеленъ
Я кумира не встрѣтилъ.

И въ себя я не вѣрю,—
Въ смѣсь свѣта и тѣни
Шагомъ твердымъ я мѣрю
Роковыя ступени.

В ъ п у т и.

Многоцвѣтныя свѣтила мчатся вперебой,
Я иду сквозь всё горнила бездны огневой.

Я иду съ тѣхъ поръ, какъ Грозный вызвалъ утро дня,
Я не знаю,—рано, поздно?—Нѣтъ ихъ для меня!

Я не знаю,—здѣсь или гдѣ-то—слышенъ стройный хоръ,
—Или это отблескъ свѣта, или Божій взоръ?..

Я иду,—иду!—влюбленный въ радость бытія,
Мигъ, восторгомъ упоенный, вѣчность—это я!

ВОЗВРАЩЕННОЕ ЗРѢНІЕ.

Онъ былъ слѣпъ отъ рожденія, и старая Гаутами брала его подъ руку и вела внимательно и осторожно, когда имъ случилось оставить убогую хижину на берегу Ганга, чтобы у шумныхъ воротъ Аллагабанды просить подаенія у входящихъ съ караваномъ купцовъ.

Они шли стороною отъ большой дороги, и такъ какъ сама Гаутами, хотъ зрѣніе ея еще было достаточно крѣпко, все же не-сла на своей сгорбленной спинѣ тяжесть многихъ пережитыхъ годовъ и десятилѣтій, то они часто должны были останавливаться и отдыхать въ тѣни деревьевъ, попадавшихся имъ на пути,

И тогда она дрожащимъ глухимъ голосомъ снова начинала рассказывать ему о древнемъ Бепаресѣ, лежащемъ въ той сторонѣ отъ нихъ, откуда восходитъ солнце, и о священномъ Дели, тамъ далеко, у верховьевъ Джамны, въ сторонѣ, гдѣ солнце садится подъ вечеръ. Она въ сотый и тысячный разъ говорила ему объ уходящихъ въ небо старинныхъ храмахъ и богатыхъ площадяхъ, на которыхъ купцы далекаго Ирана и загорнаго Тибета сбываютъ рѣдкостныя произведенія своихъ странъ, и о шумной, полной довольства и радостей жизни городскихъ обитателей, и о святости великихъ браминовъ, и о щедрости благочестивыхъ купцовъ.

И все, о чемъ говорила она, выступало въ ея рассказѣ еще величественнѣе, прекраснѣе и богаче, такъ какъ много воды пропеслось въ берегахъ священнаго Ганга къ далекому океану, и много годовъ пропеслось надъ головою дряхлой Гаутами съ тѣхъ поръ, какъ, будучи ребенкомъ, видѣла она чудные города, въ которые бралъ ее съ собою отецъ ея, Агнисута, продавецъ драгоценныхъ камней. И теперь она вспоминала скорѣе тѣ впечатлѣнія, которыя поразили въ дѣтствѣ ея воображеніе, нежели дѣйствительность, нѣкогда представшую ей во всемъ великолѣпіи своего разнообразія, красоты и величія.

И все глуше чувствовалась въ разказахъ старухи смутная надежда когда-нибудь снова увидѣть священный Дели и древній Бенаресъ, и она не скрывала отъ себя жестокой правды, дѣлавшей для нея такимъ утомительнымъ и тяжелымъ даже этотъ краткій путь къ рынкамъ Аллагабады отъ ближней деревни, раскинувшейся на берегу Ганга.

А онъ слушалъ ея медленные однозвучные рассказы и переслушивалъ ихъ въ сотый и въ тысячный разъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и улыбка наслажденія играла на его тонкихъ губахъ, и, какъ утренняя заря, ласкала его блѣдное лицо, которому никогда не было суждено озариться лучами зрѣнія.

Совершивъ трудное паломничество, они возвращались поздно вечеромъ въ свою лачугу и дѣлили свой бѣдный ужинъ, а когда затѣмъ сонъ смежалъ тяжелыя рѣсницы старой Гаутами, онъ долго лежалъ безъ сна на убогой соломѣ въ то время, какъ яркія звѣзды міриадами огней сверкали на темносинемъ небѣ и отражались на задремавшей поверхности дышавшей прохладой рѣки.

Онъ думалъ и снова переживалъ впечатлѣнія протекшаго дня и переслушанныхъ старыхъ и новыхъ разказовъ старухи. И могучая сила мечты овладѣвала его головой и уносила его далеко отъ темной лачуги и жесткой соломы. Онъ поднимался и выходилъ, и бродилъ по знакомымъ тропинкамъ, ощущая на лицѣ своемъ нѣжное дыханіе лѣтней почвы, и говорилъ самъ съ собою отъ избытка захватившаго его чувства, и часто, остановившись на мѣстѣ, поднималъ руки къ невидимой высотѣ и славословилъ великаго Индру и великаго Яму, бога прекрасной земли.

— О, какъ прекрасна жизнь, — восклицалъ онъ, — какъ прекрасны боги, даровавшіе ее человѣку, какъ прекрасенъ человѣкъ, лучшее созданье боговъ!

Иногда ему хотѣлось рассказать старой Гаутами. Ему казалось, что она, старая и зрячая, не все знаетъ о жизни, и, что знаетъ, — то знаетъ не такъ, какъ знаетъ онъ, слѣпой и юный. Правда, онъ не былъ ни въ Дели, ни въ Бенаресѣ, и знаетъ о нихъ лишь по ея разказамъ, однако, онъ чувствуетъ, что и тутъ она не все рассказала ему, онъ и тутъ между словъ ея улавливаетъ то, чего не знаетъ и не чувствуетъ она, говорящая эти слова. А все ближнее, все то, чѣмъ живутъ они изо-дня въ день, — эти почвы и дни, и этотъ яркій и жаркій свѣтъ солнца, и этотъ прохладный ласкающій вѣтеръ, и этотъ шелестъ листвъ, и родныя воды Ганга, и люди, живущіе здѣсь, и живущіе тамъ, за стѣнами шумной Аллагабады, все, все, съ чѣмъ привыкла соприка-

саться душа его, — все это, безъ сомнѣнія, онъ постигаетъ вѣрнѣй и полнѣй, чѣмъ она, зрячая Гаутами, — и даже сама она, нѣжная, добрая Гаутами, извѣстна ему лучше, чѣмъ самой себѣ.

Ему хотѣлось многое разсказать ей, чего она не знала, и по временамъ онъ склонялся головой на ея дрожащія колѣни и говорилъ странныя слова о красотѣ міра, а она снисходительно улыбалась, сожальѣя несчастнаго, которому никогда не суждено увидѣть этой красоты.

И она осторожно прерывала его и начинала объяснять ему и наставлять его, когда изъ устъ его вдругъ вылетали слова, приличные лишеннымъ разсудка, что бродятъ въ рубищѣ, покрытые грязью и обросшіе волосами по священнымъ лѣсамъ и бездорожнымъ пустынямъ. Ей странно и больно было слушать о лазурныхъ чертогахъ свободнаго вѣтра, созданныхъ изъ хрустала восторженныхъ пѣснопѣній, или о золотомъ пожарѣ, въ волнахъ котораго купаются голубыя дѣвы; живущія въ неподвижныхъ лѣсахъ на глубинахъ сѣдого Ганга. И она спѣшила дать ему посильную работу, чтобы тѣмъ прекратить разговоръ.

А онъ, плетя привычныя корзины изъ гибкой лозы, сожалѣлъ Гаутами, которая многого не видѣла своимъ зрячимъ взоромъ, и ему было грустно, что онъ не можетъ передать ей того, что онъ знаетъ, потому что она не понимала его словъ, а онъ не зналъ словъ, нужныхъ ей.

Они были подобны двумъ, изъ которыхъ одинъ говоритъ на языкѣ живущихъ за горами Тибетцевъ, а другой на обычномъ пракритѣ. И были одинаковые звуки въ ихъ рѣчи, но различно было сочетаніе и значеніе звуковъ. Она, старая, добрая Гаутами охватывала жизнь своимъ взоромъ во всей полнотѣ и, какъ видѣла, говорила о пей. Онъ же привыкъ бережно осязать, какъ драгоценный камень, каждую мелочь жизни, и по мелочамъ создавать обширныя и великолѣпныя картины, безумно роскошный пиръ души, въ которомъ многое было иначе, чѣмъ есть и было мало такого, что было, какъ есть.

— Ты много и усердно восхвалялъ мое имя! — услышалъ онъ голосъ, когда однажды пробирался вдоль дороги за мпlostыней къ воротамъ Аллагабады, и, оставшись безъ поводиры, прилегъ на пути. Потому что уже не могла ходить съ нимъ дряхлая Гаутами и не вставала съ постели, скованная тяжкимъ недугомъ. Попутные провожали его до города и обратно во имя благочестія и высшей награды.

Но теперь онъ былъ одинъ, и ничьи шаги не раздавались вблизи, и ничья повозка не давала слышать себя издалека.

— Ты много и усердно восхвалялъ мое имя! — говорилъ ему голосъ, — И вотъ день, въ который ты прославишь его не словами, но милостью бога Ямы, явленной на тебѣ предъ очами людей. Я дамъ тебѣ радость увидѣть мѣръ земли, которымъ ты научился восторгаться, не видя. Обернись къ солнцу, смежи твои вѣки и снова раскрой ихъ съ молитвой.

И онъ повернулся въ сторону, откуда солнечные лучи грѣли его блѣдное лицо, сталъ на колѣни, закрылъ рукою безжизненные глаза свои и произнесъ краткую молитву.

И, затрепетавъ въ восторгѣ ожиданія, медлить оторвать отъ глазъ своихъ руку, какъ бы готовясь воспринять то, что ему предстояло, и внѣ себя узнать то, что онъ такъ крѣпко зналъ внутри себя.

— Открой же глаза и смотри! — снова сказалъ ему голосъ, и въ страхъ онъ исполнилъ приказаніе Ямы.

И увидѣлъ солнце, и цвѣтущую землю, и опрокинутую надъ нею бездну лазури, — и упалъ на траву, пораженный страхомъ и изумленіемъ.

И долго не могъ онъ привыкнуть къ той жизни, которая раскрылась передъ нимъ съ того дня, какъ безпредѣльнымъ благоволеніемъ Ямы даровалось зрѣніе его невидѣвшимъ свѣта очамъ. Потому что это была не та жизнь, которую зналъ онъ до исцѣленія, и мѣръ, который онъ видѣлъ, былъ не тотъ мѣръ, который онъ любилъ, осязая. И тотъ мѣръ, который онъ зналъ раньше, показался ему красивѣе того, который онъ видѣлъ теперь. Онъ понималъ, что нѣтъ въ этой жизни того, что прежде такъ ласково касалось его сердца, и что много ненужныхъ явленій напрасно привлекаютъ къ себѣ его взоръ, и что многое, что отражается въ душѣ его, отражается ненужною болью.

Онъ увидѣлъ, какъ стара и безобразна сѣдая, покрытая морщинами Гаутами, лежащая неподвижно на жесткой соломѣ въ убогой лачугѣ, и какъ бѣдна, и темна, и безобразна сама эта лачуга въ сравненіи съ роскошью и довольствомъ, которыми вѣетъ отъ высокихъ домовъ Аллагабады; и онъ увидѣлъ эту Аллагабату и ея неподвижные храмы изъ каменныхъ глыбъ, и суетливыя площади, съ ихъ людьми, рвущими руки изъ рукъ другъ у друга... И онъ увидѣлъ, что это влажныя испаренія поднимаются надъ гладью Ганга и охлаждають его лицо, а не голубыя дѣвы съ глубокаго дна выходятъ купаться въ золотомъ

пожаръ солнца и въ воздушныхъ тѣлахъ прикасаются къ его ланитамъ легкими устами. И онъ ужаснулся при видѣ лишенныхъ разсудка, съ воплями и протяжными возгласами блуждающихъ по пустыннымъ мѣстамъ, въ грязи и лохмотьяхъ, и обросшихъ волосами, — несчастныхъ, языкомъ которыхъ онъ умѣлъ говорить до тѣхъ поръ.

И когда умерла Гаутами, онъ ушелъ поселиться въ далекомъ дремучемъ лѣсу. И тамъ онъ молился богамъ и велъ строгую жизнь въ молитвѣ и воздержаніи.

И молился о томъ онъ, чтобы боги вернули ему слѣпоту его и сдѣлали спомъ то, что стало для него явью, и сдѣлали явью то, что уже становилось для него отдаленнымъ, затеряннымъ спомъ.

И тяжелы были подвиги его отреченія, и слухъ о великомъ подвижникѣ далеко разнесся отъ обоихъ береговъ священнаго Ганга, и дивились люди подвигамъ его, и устрежились боги, которымъ онъ могъ стать подобенъ.

Да, еще долгая мертвая ночь впереди;
Гдѣ-то на башнѣ часы прозвонили:

Часъ...

Женщины мимо меня проходили,
Къ ласкамъ тягучедрожающимъ манили
Черпой улыбкою глазъ.

.....
Вѣтеръ полночный шепнулъ мнѣ: „иди“.

Августъ, 903.

Д е м о н ы .

Холодный вѣтеръ презиралъ людей.
Онъ, словно демонамъ невидимымъ въ забаву,
Со злобою кружилъ налѣво и направо
Дрожащія круги безмолвныхъ фонарей.

А люди шли и медленно, и прямо,
Исполненные робкихъ темныхъ думъ.
Въ ухахъ гудѣлъ немолчно дикій шумъ,
И вѣтра натискъ страшень былъ упрямый.

И длилась долго, демоновъ забава
Надъ горстью брошенныхъ на улицы людей.
А вѣтеръ гналъ налѣво и направо
Дрожащія круги безмолвныхъ фонарей.

Тверская улица. Ноябрь, 903.

Послѣдніе дни.

Святые порывы мгновенныхъ желаній
Сильнѣе разсудочной воли.
Въ подвалахъ и кельяхъ отверженныхъ зданій
Скрываются сладкія боли.

Счастливы, кто погибнетъ въ безумствѣ сплетеній.
Ужъ близится мигъ роковой,
И ангеловъ смерти бездомныя тѣни
Летаютъ надъ грѣшной землей.

Небесныя Силы, протяжно ликуя,
Кончаютъ страницы грѣховъ.
И гулко въ отвѣтъ имъ звучитъ „аллилуя“
Лежащихъ въ землѣ мертвецовъ.

Вѣка пробѣгаютъ въ часахъ скоротечныхъ,
Кончается жизненный сонъ.
Гудитъ на путяхъ безвозвратноконечныхъ
Послѣдній напутственный звонъ.

Пылаютъ закатныя тучи цвѣтами,
Горятъ золотая гряда.
И въ чашѣ небесной высоко надъ нами
Вечерняя блещетъ звѣзда.

Н. Сталь.

Я.

Мнѣ говорятъ: зачѣмъ въ твоихъ словахъ всегда звучитъ „я“? Зачѣмъ? Зачѣмъ?

О, слушайте! Я—цѣлая стихія, во мнѣ скрыто много существъ, и каждое изъ нихъ молить о жизни, каждое изъ нихъ поднимаетъ свой голосъ и говорить: я!

Поймете ли вы меня?

Моя исторія восходитъ къ сѣдымъ временамъ, когда человѣкъ только что пересталъ быть звѣремъ, когда земля была просторнѣе и ежегодныя жатвы пышнѣе. Въ тѣ дни солнце блистало лучезарно, въ тѣ ночи больше было звѣздъ на небѣ. Но люди бродили, точно во мракѣ, они были безсловесны и, не имѣя словъ, хотѣли говорить. И вотъ, среди томящейся безмолвіемъ толпы полувзвѣрей, одинъ, скорбя не только за себя, но и за другихъ, первый сказалъ человѣческое слово, и этотъ первый былъ я.

Какъ за первой струей, пробившейся въ горахъ изъ скуднаго камня, бѣжитъ непрерывный рядъ свѣтлыхъ струй, такъ за первымъ моимъ словомъ возникло цѣлое множество словъ, родились язвыки и нарѣчія.

Прошли годы, прошли вѣка, точно одинъ день, и зерно мое возросло, но среди плодоносныхъ стеблей выросло много плевеловъ. Въ человѣкѣ не успуль звѣрь; въ человѣческой рѣчи родилось много жесткихъ словъ, страшнѣе и грубѣе, чѣмъ звѣринныя вопли въ пустынѣ.

И опять я пришелъ къ заблудшимъ и научилъ ихъ отдѣлять хлѣбныя зерна отъ сорныхъ травъ.

Я сопровождалъ Будду во всѣхъ его перевоплощеніяхъ; я видѣлъ, какъ онъ въ порывѣ любви отдалъ свое собственное тѣло голодной тигрицѣ; я видѣлъ, какъ надъ нимъ, отходящимъ въ иной міръ, умиленица дерева ропяли свои душистые цвѣты, въ

то время какъ мудрецы на небѣ пѣли торжественную пѣснь въ честь умирающаго святаго.

Подъ тѣнью раскидистыхъ смоковницъ, въ тихой странѣ Иорданской, въ приморскихъ мѣстахъ Тирскихъ и Сидонскихъ, я внималъ словамъ Богочеловѣка; я плакалъ, когда Онъ говорилъ свою нагорную проповѣдь; я утѣшалъ Его въ саду Геосиманскомъ; я скорбѣлъ, но и радовался чистой радостью, когда онъ принялъ крестную муку.

Я былъ одинъ и тотъ же въ разныя времена, въ разныхъ странахъ, въ разныхъ одеждахъ. Я переплывалъ рѣки и моря, я переносилъ голодъ и жажду, я терпѣлъ гоненія, меня заключали въ темницы, меня побивали камнями, меня истязали и мучили. Но въ разныхъ странахъ, въ разныхъ одеждахъ я шелъ къ одной и той же цѣли.

И правду скажу я вамъ: не ничтоженъ я, но великъ. И правду скажу я вамъ: нужно быть смѣлымъ, чтобы вынести все, что я вынесъ. Ничто не страшитъ меня; даже показаться смѣшнымъ, — что страшнѣе всего, — и то не страшитъ меня.

Мой путь еще не конченъ. До разсвѣта далеко, — и будетъ ли разсвѣтъ? Но, пока ночь темна, мой свѣтильникъ не устанетъ ярко горѣть, и я не сомкну своихъ глазъ, ибо на мою долю выпали бессонныя думы.

Я иду. Меня ждутъ. Я нигдѣ не остаюсь подолгу. Я нуженъ всѣмъ.

И вы не знаете, кто я? И вы спрашиваете, кто я? О, неразумные!

Н. Янковъ.

Нинѣ Петровской.

Хаосъ тревожный во мнѣ и вокругъ.
Комната дико смѣется.
Мѣрно сжимается ужаса кругъ.
Все въ немъ и давить, и бѣется,

Въ пляскѣ безумной, безшумной, больной,
Вижу, — чудовища всюду.
Рвется тоскливо струна за струной.
Вѣрю незримому чуду.

Низко склонился ко мнѣ потолокъ.
Лампа зажечь меня хочетъ.
Боже Великій! Ты страшно далекъ!
Дьяволъ такъ близко хохочетъ.

.....
Тихо спадаетъ мучительный гнетъ.
Вѣчный услышалъ моленье.
Ангеловъ бѣлыхъ спокойный полетъ.
Дьявола смѣхъ въ отдаленнѣ.

Бѣлые свѣты. Сверканье мечей.
Крыльевъ святыхъ трепетанье.
Пламя молитвы зажглось горячѣй.
Въ компаніи мнѣ и молчанье.

Какъ весна, я молодъ и, какъ пламя, жгучъ.
Въ моемъ смѣломъ сердцѣ бьеть надежды ключъ.
Въ моемъ сердцѣ зрѣютъ грезы и мечты,
Страстное исканье вѣчной красоты.
Пусть я умираю,—гасну съ каждымъ днемъ,
Я живу лишь этимъ радостнымъ огнемъ.
Я ищу волненій, я хочу борьбы,
Вѣчныхъ измѣненій правящей судьбы...
Все бы переменны, только бы не спать,
Все бы розы, розы въ свитокъ дней влетать.
Я отдамъся смѣло весь одной мечтѣ,
Лишь бы не застыть на роковой чертѣ.
Я хочу счастливыхъ, яркихъ, быстрыхъ дней,
Солнца, ароматовъ, красокъ и огней.
Я ищу мгновений, острыхъ, какъ мечты,
Пьяныхъ и влекущихъ, какъ зарей цветы.
И въ своихъ стремленьяхъ смѣль, упрямъ, могучъ,
Какъ весна, я молодъ и, какъ пламя, жгучъ.

Моя любовь, какъ быстрая волна,
Рожденная капризностью прилива.
Вся соткана изъ нѣжности, она
Стремительна, задумчива, пуглива,
Случайности и скорости полна,
Лишь мигъ живетъ до перваго отлива.

Моя любовь—задумчивый цвѣтокъ,
Живущій отъ восхода до заката.
Она пьянящемъ запахомъ богата,
Какъ блесками запастье изъ агата,
Какъ утромъ красками богатъ востокъ.

Луна засвѣчала прозрачныя росы,
Луна разметала воздушныя косы,
 Лучи сребротканныя.
Они убѣгали, дробясь, на откосы
И въ сердце бросали вѣчные вопросы,
 Родные, желанныя.
Бездонное небо. Спокойныя дали.
Къ высокому небу поля убѣгали,
 Какъ думы безбрежныя.
Воздушныя нити всю степь зажигали.
Мы шли и молчали, а въ сердцѣ дрожали
 Желанія нѣжныя.
Какъ звуки ночныя тревожно рыдали!
Какъ пыльныя звѣзды, горѣли, мерцали,
 Огнями пылящія!
Мы шли и молчали, о тайнѣ мечтали,
И все, что скрывали, за насъ рассказали
 Мечты говорящія.

ПУСТЫНЯ.

Мой мѣръ—пустыня и моря.

Дикая красота пустыни, сразу вторгающаяся въ душу, сразу ее покоряющая. Солнце медлитъ проститься съ сиротѣющей землей. Кто-то ранилъ солнце въ сердце, и оно истекаетъ кровью. Багровые лучи зажгли пожаромъ море чахлои полыни и ковыля.

Прозрачнымъ парусомъ скользитъ перламутровое облачко, тихо подвигаясь на сѣверъ. Въ душѣ созерцанье, тишина. Вдругъ яркія картины былого: угасшая юность, безмѣрная ширь вольнаго моря, старая печаль, далекій парусъ. Почему? Долгіе годы дремали онѣ въ нѣдрахъ души и вотъ вспыхнули, озарили все блескомъ радости и быстро померкли.

Близко, близко наклонилось бездонное небо, чтобы лучше видѣть, какъ прощается солнце съ землей, какъ невыразимо грустѣть будетъ послѣдній гаснущій лучъ и изъ сердца земли потянутся смутныя думы—печальныя сумерки.

Мягкій вѣтерокъ шепчется съ ковылемъ о томъ, что онѣ видѣлъ тамъ за горами.

Горы въ пѣжной дымкѣ тумана, но четкія, близко далекія, ступать въ лѣнливой истомѣ. Загадочныя, страшно родныя — онѣ смѣло воззили въ синеву неба и застыли въ безгласной молитвѣ. Въ однообразіи тихой пустыни горы—нежданный, примирающій, ласковый аккордъ, послѣдній самый нужный штрихъ великой картины.

Такъ въ скучную размѣренную рѣчь повседневности влетаетъ порою нежданное препятствіе, какъ стѣна, внезапно открывшаяся взору, и кажется, что за ней начинается новая, пьяная жизнь, долгое счастье...

Все дали и дали.

На коврѣ у палатки я лежу и смотрю на близкое небо, на строгія, тонкія линии вершинъ.

Быстро, какъ радость, безъ шума падаетъ ночь, торжественная, теплая,жданная.

Черный плащъ неба въ искрахъ алмазовъ.

Со мной весь угасшій міръ въ его страшномъ величіи. Мечта расправила крылья и уноситъ меня на вершины въ сумракъ вѣковъ. Сквозь прозрачный туманъ столѣтій я вижу утро міра, Первое Утро. Слышу шаги Творца... Вижу его въ экстазѣ творчества... Звучатъ ликующіе клики. Молится изумленный міръ властной красотѣ солнца.

Солнце, солнце перваго утра. Нестерпимымъ блескомъ оно зажигаетъ ледники, степи, океаны, горитъ миллиардами огней, заливаетъ потоками рубиновъ, смарагдовъ міръ—этотъ, недавній—страшный Хаосъ.

Все было возможностью, все готовилось залѣтъ многозвучный, торжественный гимнъ Жизнедателю, все дивило и пьянило богатствомъ тайнъ.

Міръ красовался въ первыхъ одеждахъ. Земля казалась цѣломудренной невѣстой, полной скрытыхъ силъ, солнце радостнымъ, властнымъ женихомъ, идущимъ зажечь пурпурный факель любви, вызвать къ жизни мгновеннымъ порывомъ весь океанъ дремлющихъ чудесъ.

Кончилъ творить Вседержитель и, счастливый, улыбнулся огненно и гордо. Мѣрно загудѣло мировое колесо.

Звонкій, слитный шумъ наполнилъ вселенную: Великій Пацъ сталъ полновластнымъ господиномъ міра. Лукавые фавны, страстные дриады въ лунномъ свѣтѣ вели хороводы подь сѣнью священныхъ роцъ, тритоны и русалки купались въ пѣнныхъ, жуткихъ пучинахъ морей, воздушные эльфы и хмурые гномы оживили мрачную безмолвность горъ. Сладострастное эхо кликовъ и стонувъ вакхической любви звенѣло, дрожало, лилось въ воздухѣ. Трепетъ жизни пьянилъ первыхъ людей, ходившихъ по лугамъ, обрызганныхъ кровью маковъ и анемоновъ. Жадно впивали они, что звучало кругомъ, что вливалось огнемъ въ ихъ быструю кровь.

Все было возможностью, всё шло торжественный гимнъ Великому Творцу.

Идутъ мгновенья... Въ дыму столѣтій смѣняются тѣни...

Ужасъ пришелъ въ міръ: братъ убилъ брата, и ярко запылала собою опьяненная сила, создалась раса гордыхъ, могучихъ людей.

Выплываетъ луна кровавая, озаряя куполы храмовъ Мелитты и Молоха, молчащіе сфинксы съ длинными тѣнями, черпѣющими на песокъ, погоды Индіи. Слышны нестройные крики. Слышны удары тимпановъ. Звучатъ предсмертные стопы жертвъ. Клу-

бится парь отъ обогрѣнной земли, принося острый, сладкій запахъ крови.

Маги, торжественные, радостные, ѣдутъ на поклоненіе новому Богу. Тихо идетъ караванъ, а впереди горитъ и дробится большая звѣзда.

Бѣлыя лиліи Палестины.... Христось въ пустынь.... Сорокъ дней и ночей порывовъ, страданій, борьбы. А потомъ Голгофа, мракъ.... „Свершилось“.

И снова проходятъ тѣни вѣковъ....

Какъ ярко освѣщаетъ луна длинные, бѣлые ряды костей желавшихъ увидѣть солнце, желавшихъ превратить жизнь - пытку въ рядъ восторговъ, выковать иную жизнь—яркую, сильную.

Блѣднѣетъ небо, уходятъ звѣзды, опускаются крылья ночи.

На востокъ сквозь зеленоватую даль пробилась алая полоска и растетъ, и ширится.

Однообразный, жаркій день гонитъ ночь, полную тайнъ.

Я думаю о дняхъ, когда люди будутъ свѣтлыми и радостными, свободными, счастливыми, сильными, гордыми. Въ ихъ жизнь, въ сознаніе навсегда ворвется глубокая мелодія, мощная, какъ трубный гласъ въ день судный, властная, какъ взоръ гнѣвнаго Бога. Изъ рабовъ они станутъ исполнителями.

Мгѣ чудятся дни, когда солнце новой жизни зажжетъ въ ихъ крови вакхическіе порывы, жажду прекраснаго, ошьянитъ счастьемъ всѣхъ, зальетъ всю ихъ жизнь слѣпящей, буйной силой экстаза.

Могучіе, гордые, чуждые сомнѣній, они будутъ водить хоры воды съ тимпанами и лютями въ рукахъ, украшая жизнь все новыми и новыми цвѣтами.

А кругомъ лежитъ молчащая, безмѣрная пустыня, безшумно гаснутъ мгновенья, все ширится кровавая полоса.

II.

Вотъ я въ пустынь громаднаго города, быстро пьющаго мою кровь, когда-то алую и смѣлую, теперь блѣдную, медленную. Каждый день городъ отравляетъ, обезцвѣчиваетъ меня, срываетъ покровы съ моихъ миражей. Каждая встрѣча, разговоръ, наблюденіе властно говорятъ объ ужасѣ жизни. Молчащіе великаны, дома—гроба, гдѣ люди живутъ года, не зная другъ друга, улицы—нѣ-

мые свидѣтели вѣчной драмы, кровавый вампиръ ночи—чудовищный развратъ... Мчатся трамваи, ослѣпительно сверкаетъ электричество, изъ безпрестанно открываемыхъ дверей ресторановъ несутся вкрадчивые, призывные звуки музыки, волны пьянящаго воздуха: смѣсь духовъ, вина и цвѣтовъ.

Красивыя и безобразныя женщины, гибкія, въ ласково шуршащихъ платьяхъ, дразня походкой, зовутъ глазами. Откуда онѣ? Всѣ страны міра выбросили сюда потоки живыхъ тѣлъ. Солнце Рио-де-Жанейро и Гренады, Христіаніи и Венеціи когда-то золотило ихъ волосы, зажигало ихъ кровь для искреннихъ, горячихъ ласкъ.

Опьяненные виномъ, чадомъ жизни, неудачами, счастьемъ, мужчины идутъ за этими потухающими факелами страсти и покупаютъ ихъ ласки.

Иногда слышится крикъ. Кто-то вонзилъ другому ножъ. Всѣ, спокойные, равнодушные проходятъ дальше.

Женихъ и невѣста—развратъ и нужда дерзко правятъ побѣду.

Я стою у окна своей комнаты. Шумъ города долетаетъ сюда, какъ ропотъ отдаленнаго моря—неясною, легкою волною звуковъ.

Сколько думъ, сколько безумныхъ плановъ, сколько плѣнительныхъ сновъ убиваетъ грубо и дерзко въ душѣ моей холодная мысль о завтрашнемъ днѣ.

Въ зыбкомъ, предразсвѣтномъ воздухѣ неясно рисуются деревья бульвара.

Кошмаръ сжимаетъ, леденитъ мое сердце.

Я вижу страшную, гнѣвную улыбку Бога. Передо мной лежить истощенная, голая земля съ жалкими грудями, лишенными творческой силы. Всѣ болѣзни, всѣ ужасы жизни большого города входятъ въ мою душу, отравляя ее. Какъ огромный спрутъ, городъ охватилъ цѣпкими, чудовищными щупальцами весь міръ и высасываетъ кровь земли, маня къ себѣ людей пламеннымъ полетомъ жизни, хмелемъ своихъ соблазновъ.

Цѣломудренная невѣста—земля потеряла всѣ краски, ея легкія, прозрачныя одежды сорваны, измяты, опозорены. Люди забыли улыбки утреннихъ зорь, вечернихъ закатовъ, забыли запахъ ландышей и фіалокъ, бездонный куполь синяго неба, опрокинутый надъ степью.

Измученный, утомленный безсиліемъ разрѣшить свои думы, я закрываю глаза... Неужели Христось не явится спасти міръ, неужели люди вѣчно будутъ въ оковахъ, и мысли объ иной жизни лишь обманчивыя тѣни? Нѣтъ, нѣтъ. А городъ все шумитъ и шумитъ сильнѣй и сильнѣй. Новый день, такой же, какъ тысячи угасшихъ дней, родился, сѣрый, томительный...

III.

Помогите, помогите. Я одинъ въ ноч-
ной тиши.

Цѣлый міръ ношу я въ сердцѣ, но со
мною ни души.

К. Бальмонтъ.

Пустыня души моей...

Отъ полюса до полюса раскинулась она, вмѣщая въ себѣ
безумные порывы, святое небо, затишье предъ бурями, влекущія
крутизны.

Иногда въ ней вскипаетъ самумъ, и я, не зная, почему, иду
другой дорогой, побѣжденный кѣмъ-то невѣдомымъ, сильнымъ,
гнѣвнымъ. Во мнѣ вспыхиваетъ дикая страсть, я падаю въ без-
дны, жалкій, безвольный....

Мигъ,—и въ душѣ ласкающій, благоуханный, вѣжнѣйшій вѣте-
рокъ пустыни. Я слышу Бога своей души: во мнѣ звучитъ не-
устаннѣйшій призывъ.

А кругомъ проходятъ довольные собой, спокойные люди,
таютъ однообразные дни. Иногда солнце радости заливааетъ пустыню
души, и я—съ людьми, но одинъ. Тогда вся душа полна звуковъ
и пѣсень, цвѣтовъ и ручьевъ.

О, я вѣрю,—всѣ могутъ быть счастливыми, яркими, всегда
новыми.

Но растетъ и растетъ шумъ человѣческаго моря....

Отъ полюса до полюса я вижу себя одинокимъ.

Боже, Великій Боже, помоги!...

Москва. декабрь 1903.

Советы о встрѣчахъ.

On s'approche...
La main touche la main
A. de Musset

I.

На улицѣ ночной я жажду новой встрѣчи
И вглядываюсь въ глубь всѣхъ встрѣчныхъ женскихъ глазъ.
Тропою звѣздной убѣгаетъ газъ...
Слѣжу шаги, ловлю отрывки рѣчи,

Но нѣтъ ея. И что-то каждый разъ
Мнѣ говорить, что это лишь предтечи,
А кто-то каменный мнѣ давитъ грудь и плечи,
И холодно глядитъ луны кровавый глазъ.

Но вотъ шаги... Чернѣя въ лунномъ блескѣ
Буаляю темною, желанный силуэтъ
Идетъ. Мы встрѣтились. Слылись въ случайномъ всплескѣ

Со взоромъ взоръ, и просьба и отвѣтъ.
Идемъ рука съ рукой, идемъ надъ скрытой бездной,
И убѣгаетъ газъ тропкою звѣздной.

II.

Мы встрѣтились съ тобой... И дни мелькнули,
Какъ свѣтлый строй прочитанныхъ страницъ.
Благоговѣнно свитокъ развернули...
И передъ прошлымъ счастьемъ пали ницъ.

Мы все припомнили: Какъ много дней и лицъ!
Какъ и тогда, ты у окна на стулѣ.
И тотъ же ароматъ... Опять его вдохнули,
Любимый ароматъ безумцевъ и блудницъ!

Все какъ тогда... И такъ же смято ложе,
И такъ же день играетъ за окномъ.
Часы звучать... Все это такъ похоже,

Какъ будто, вызваны случайнымъ, страннымъ сномъ,
Мы встрѣтились съ тобой... А въ сумеркахъ туманныхъ
Какъ много васъ, забытыхъ и желанныхъ.

III.

Въ послѣдній разъ при мягкомъ свѣтѣ лампы...
Углы окуталь красный полумракъ...
И тишина глядитъ, какъ блѣдный магъ,
А на стѣнахъ картины и эстампы.

И кажется намъ лишнимъ каждый шагъ,
И тайно робокъ я, какъ дебютантъ у рампы.
Въ глазахъ твоихъ неясный отблескъ лампы,
Ты ненавистна мнѣ, какъ злобный врагъ!

Но намъ не разойтись, пока не изнеможемъ,
И неизбежность тягостно близка,
И ароматъ ея опять надъ этимъ ложемъ.

Въ послѣдній разъ, дрожа, найдешь рука
Другую руку трепетнымъ движеньемъ,
Протянутся мгновенья, какъ вѣка...

ПОСЛѢДНЕЕ СВИДАНІЕ.

(эпизодъ).

Она была птица.

Она прилетала... Ароматная, странная.

Въ тотъ день небо было золотое. Горѣло. И листья были золотые.

Все подернулось серебристой завѣсой тумана, и розы, послѣднія, крупныя розы отцвѣтали, и сыпались сыпались ихъ лепестки.

Тихо сыпались, какъ слезы, какъ вздохи...

И она прилетѣла. Прилетѣла въ послѣдній разъ.

Она была птица.

Ея перья были блѣднозолотыя, пушистыя.

А глаза горѣли огнемъ, холоднымъ огнемъ.

Лилея этотъ холодный огонь мнѣ въ душу и озарялъ трепещущимъ свѣтомъ пустынно-золотое небо и бѣлый туманъ.

Я обнялъ ея пушистое тѣло.

И оно было холодное, ароматное.

И въ каждомъ изгибѣ его была тайна.

Жутко мнѣ стало отъ блеска ея глазъ, глубокихъ, глубокихъ.

И я все крѣпче и крѣпче прижимался лицомъ къ ея смѣющемуся тѣлу и дрожалъ отъ страха и страсти.

Ночь пришла и, прошептавъ Вечернее Заклятіе, блѣдной рукой зажгла огни на подернувшихся молочнымъ туманомъ небесахъ.

И разлился голубой свѣтъ.

Она была птица.

И странной, чѣмъ всегда, блеснули ея бездонныя очи и сказали мнѣ, сказали ясно до боли: „прощай“.

Она взмахнула крыльями, и ее поглотила блѣдная высь.

Еще на мигъ зазмѣнился зеленосиній блескъ ея глазъ.

И она улетѣла.

Она была птица.

И мое сердце окрасилось кровью, и душа заметалась, тоскующая, и губы задрожали и стали блѣдны, нѣмы и не шевелились, а глаза устремились на небо.

Она скрылась навсегда... навсегда.

Июнь. 1903.

ОДИНОКІЙ

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

А. В. Свенторжецкому.

I. *Въ поле.*

Темныя тучи сплетаются. Вѣтеръ рыдаетъ послѣднимъ рыданьемъ, и безвольное эхо повторяетъ его голоса.

Сумракъ надвигается и давить, давить...

Кто-то властный и грустный разбрасываетъ тучи, и мѣсяць голубой, осенній смотритъ изъ-за нихъ. Становится тихо. Одинокое, пустое поле.

Влажная дорога. И я иду, иду...

Набѣгаютъ сѣдья тучи на мѣсяць и дѣлаются голубыми, полупрозрачными въ его свѣтѣ.

Слышешь шопотъ, поздній, умирающій. Далекіе крики...

Звѣзда покатилась. Блеснуло огнями людское жилище.

II. *Дома.*

Золотая, задумчивая склонилась ко мнѣ женщина и шепчетъ, шепчетъ...

Мягкія волны свѣта льются изъ-подъ темнаго абажура, и большое лицо мѣсяца смотритъ въ синія окна.

Я оттолкнулъ ее, — золотую, задумчивую, потому что крикъ грома и вѣтра почудился мнѣ за окномъ и огромная птица.

Блестящія перья, огпезарныя, заблестѣли молніями.

И я, какъ безумный, бросился къ ней. Но было пусто, грустно и тихо на улицѣ.

Тихо рыдала кроткая женщина. Были печальны далекія звѣзды.

Плавали, плавали за окнами въ сѣдоватомъ тумалѣ чьи-то неясные образы.

И мѣсяцъ обвивалъ ихъ негрѣющимъ свѣтомъ.

Длился таинственный часъ. И сны слетѣли незримо.

III. Знаменіе.

Вершина обнимала вершину. Сквозь вѣтви небесная блѣдная грудь видѣлась мнѣ,—пустынная, зовущая. И тихій, звукъ замирающій раздался около, и повторила его сама Безпредѣльность.

И вновь блеснулъ на небѣ *прежній* огонь, торжественный манящій, любимый.

И тучи сплелись, черныя, медленныя. Зарыдалъ безпріютный вѣтеръ послѣднимъ рыданьемъ.

Этотъ отблескъ странно озарилъ мою душу. Озарилъ эту черную, мрачную долину. И тогда я сталъ глубокимъ и торжественнымъ и безмолвіемъ отвѣчалъ рыданіямъ вѣтра.

О, прекрасный огонь! О, могучій огонь! О, огонь всѣхъ созвѣздій, сіянье міровъ, вмѣстѣ взятыхъ, негнѣнный, безмѣрный, вѣчный и родной!

Съ того печальнаго дня осени, когда она улетѣла, искры невидныя тлѣли во мнѣ, искры огня.

Но вновь ты вспыхнулъ во мнѣ съ прежней силой, и вновь блѣдные люди остаются внизу.

Ты—зовешь меня, могучая.

Иду я, овѣянный твоимъ ласковымъ дыланьемъ, лечу на прозрачно-свѣтлыхъ крыльяхъ мечты.

IV. Встрѣча.

И знаю, что ты встрѣтишь меня въ тѣхъ великихъ предѣлахъ, о которыхъ давно, давно звучалъ твой ликующій шепотъ.

Они выше тѣхъ мѣстъ, откуда мчатся, смѣясь, серебряныя ручьи, рассказывая о мрачныхъ вершинахъ и о безмолвныхъ духахъ, что стерегутъ ихъ.

Они выше тѣхъ мѣстъ, гдѣ дымчатая облака плывутъ, озаренныя солнцемъ.

Они выше безконечныхъ равнинъ, гдѣ горитъ само солнце.

Они выше, чѣмъ блѣдноокія звѣзды.

Они выше, чѣмъ вѣчное молчаніе.

Еще выше.

Задумчивая женщина, дочь черной земли, была объята тревогой, и душа ея трепетала. А мой смѣхъ звучалъ радостно, торжествующе.

Старый мудрецъ долго качалъ головой и пылливо смотрѣлъ на меня,—на котораго глядѣли иные глаза.

О, я вижу тебя, великая!

Далеко, далеко, выше молчанія. Это лебедь запѣль...

Нѣтъ,—не лебедь... Это запѣли тѣ чистые, крылатые, бѣлоснѣжныя. Въ ихъ пѣсняхъ нѣтъ словъ и звуковъ.

Тамъ есть призывъ, кличъ побѣды.

И въ потокѣ дивныхъ пѣсень я лечу, овѣянный ароматнымъ дуновеніемъ. Нѣжныя волны кутають и ласкають мое лицо.

И я, легкій, незримый, озаренный и озаряющій, уношусь все выше и выше.

Вотъ опять твое тѣло, смѣющееся, мучающее.

И гдѣ-то,—теперь я не знаю, гдѣ—есть и поля, и звуки, и золотая задумчивая женщина, и звѣздныя улыбки, и сіяніе солнца.

1903. Авг.

СУТКИ.

— „Кто пойметъ душу женщины!“ такъ неразъ говорилъ премудрый Будда своимъ ученикамъ.

Снова наступала ночь. О, эта страшная, темная ночь, охватывающая вдругъ человѣка, какъ паукъ жертву свою... Ползучая, ужасная ночь!...

Она боялась этой ночи. Заходящее солнце казалось ей всегда насмѣшливымъ глазомъ какого-то необъятнаго титана, полного презрѣнія къ ней. Но она любила и такое солнце. Стоя теперь у открытаго окна, она протягивала къ нему свои руки, и губы ея беззвучно шептали:

— „Возьми меня съ собой!... Не уходи!... Мнѣ страшна наступающая ночь!...“

Но солнце съ насмѣшливой улыбкой окидывало въ послѣдній разъ своимъ лучомъ ея фигуру и скрывалось.

Еще нѣсколько минутъ стояла она неподвижно у окна. Сколько отчаянія было написано въ ея широко-раскрытыхъ глазахъ!...

Вдругъ она затаила дыханіе. Что-то сдавило ей грудь. Тихимъ, безпомощнымъ смѣхомъ заколыхалось все тѣло ея. Она опустила руки и голову, точно дитя, вся отдаваясь во власть приближающейся ночи.

А ночь ползеть! Слышите шелестъ паутинной сѣти, которую она разставляетъ для всѣхъ? Видите-ли посреди этой сѣти громаднаго чернаго паука?...

Боже мой! И такъ каждый день! Скоро уже не хватитъ силъ... Тогда что? Неужели же навсегда отдаться черной ночи, отдаться безсильной, запутавшейся въ ея паутинѣ, безпомощной жертвой?... Нѣтъ, никогда! Она всей душой возмущалась, когда воображеніе

рисовало предъ ея взорами ужасную картину медленнаго и жалкаго прозябанія въ сѣтяхъ паука—ночи...

— „Лучше самой быть этимъ паукомъ!...“

— А, почему же и нѣтъ?“—шептало ей тѣло ея. Она отгоняла отъ себя эти мысли, но... онѣ снова шли къ ней. Онѣ ласкались къ ней, убаюкивали ее... Онѣ вливали въ сердце ея невыразимую радость. Что-то чуждое, далекое, но въ то же время знакомое приносили съ собой эти мысли.

Тогда она всею душой отдавалась мечтамъ.

О! Эти грезы! Онѣ давали ей силу, облегчали жизнь, вели за собой спасеніе, которое должно было прійти наконецъ...

А пока еще черная, страшная ночь!... Тихо ползающая, необъятная ночь!...

И тихо подбирался къ ней, все стоящей у окна, знакомый часъ и, хихикая, звалъ туда, гдѣ ее уже ждали... Безучастно смотрѣла она въ глаза этому часу, отворачивалась отъ окна, медленно проходила по большимъ комнатамъ. Вотъ та страшная комната, гдѣ, ей чудилось, собиралась вся ночь, наполняя собой все уголки, и, схвативъ ее, слабую, безсильную, бросала на постель...

Стиснувъ зубы, она лежала неподвижно, прислушиваясь къ малѣйшему звуку среди ужасной темноты, которой маленькая свѣча давала лишь живыя тѣлесныя формы...

Стукъ... стукъ!...

Это идетъ онъ, ненавистный человѣкъ, который называетъ себя непонятнымъ ей словомъ—„мужъ“...

Стукъ... стукъ!... отдавалось въ ея головѣ.

И страшная ночь вдругъ нападала на нее... Она уже чувствовала дыханіе ея, видѣла около себя чьи-то глаза. Ей казалось что она она уже не человѣкъ, а муха!...

.....

Начинало брезжить. Робко, боязливо заглядывалъ свѣтъ въ окна ея комнаты, изъ которой вылетала теперь гордая, довольная собой ночь... Опъ тихо и ласково начиналъ играть въ ея волосахъ, утѣшая ее... Мало-по-малу она пробуждалась и освобождалась отъ чего-то невыразимо-ужаснаго, давящаго всю ея душу... Какъ будто радостный огонекъ зажегся въ дали, и она съ восторгомъ смотрѣла на него, почерпая силы.

А свѣтъ стапоявился все смѣлѣе и смѣлѣе. Опъ уже обошелъ все уголки ея комнаты и отовсюду выгналъ то, что осталось еще отъ ночи, выгналъ маленькихъ, гадкихъ паучковъ, которые, скрывшись въ глубинѣ темнаго уголка, думали уже и на день распу-

стить свою паутину... Злобные, шипящіе выгѣзали они теперь оттуда и всё убиралнсь прочь... Она съ улыбкой, *даже* съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, что паучки принуждены бросать нагрѣтыя мѣстечки, провожала ихъ глазами...

* * *

— „Кто пойметъ душу женщины“?...

— Вотъ, наконецъ, наступалъ день... Какъ она была рада!... Съ какимъ восторгомъ смотрѣла она теперь на золотое солнце, которое такъ привѣтливо грѣло и ласкало ее, какъ свою возлюбленную. О, теперь солнце уже не казалось ей чѣмъ-то пасмѣшливымъ глазомъ, нѣтъ, — теперь ей чудилось въ немъ прекрасное нѣжлицо далекаго, но знакомаго бога, который любилъ ее, ее одну любилъ, для нея только одной грѣлъ всю землю.

.....

Этотъ богъ пришелъ. Она сразу узнала среди тысячи мужчинъ, окружавшихъ ее. Она совсѣмъ не противилась ему, не рассуждая, живя идущей минутой. Подъ его горячими ласками она забыла все, все!... Забывала и этого... ненавистнаго ночного чело-вѣка... Она жила теперь только для *него*, чье присутствіе давно уже чувствовала, кто приходилъ къ ней раньше въ разсвѣтъ дня, въ лучахъ солнца, а теперь рядомъ съ нею сидитъ живой, смѣющийся... О, какъ безумно она любила его!...

Часто въ сумракъ вечера она забывалась на груди у него... Мимо проходили часы и, глядя, посмѣивались.

— „Постой!“—говорила она какому-нибудь изъ нихъ.—Остановись здѣсь, возлѣ насъ!... Или нѣтъ!... Скорѣй, скорѣй уходи!

И онъ шелъ, ведя за собой таинственную ночь...

Она теперь не боялась этой ночи. Нѣтъ! Съ нетерпѣніемъ она ждала, когда почъ совсѣмъ окутаетъ ее, когда въ таинственной тьмѣ сольются всё предметы.

И приходила *желанная* ночь. Она по прежнему шла гордая, спокойная, увѣренная въ побѣдѣ. Ее принимали съ радостью, постигая всю глубокую тайну ночи...

Какъ она ненавидѣла теперь свѣтъ! Холоднымъ, равнодушнымъ, чему-то мѣшающимъ казался онъ ей!.. Она съ ненавистью, со злобой глядѣла, какъ онъ, хихикая, выгонялъ изъ всѣхъ уголковъ ея компаты ночь, ту ночь, которая давала ей теперь столько невыразимыхъ наслажденій, которая заставляла ее сливаться съ собой... Она не была теперь жертвой!... Никогда!... Она узнала теперь свою страшную силу, которую ей приносила только ночь.

Безумная! Прежде она боялась этой ночи, съ которой въ глубинѣ своей природной стихіи была въ родствѣ... Среди темной, гордой ночи она увидѣла вдругъ всю свою силу и превосходство надъ тѣмъ, кого раньше называла богомъ, и который теперь безпомощнымъ лежалъ въ ея объятіяхъ. Правда, наступалъ день, и онъ страшился съ себя все „ночное“, онъ летѣлъ къ солнцу... Но тогда она, чтобы удержать его при себѣ, сама создавала ночь, закрывая тяжелыми ставнями окна и двери... И опять приходила ночь... Она царствовала среди нея... Ея уста съ гордостью шептали:

— „Ночью властвуютъ женщины,—нужно только, чтобы мы любили!... Ночь, — темная, ужасная, великая ночь, даетъ силу, съ которой страшиться бороться свѣтъ!...“

.....— „Кто пойметъ душу женщины!“ такъ говорилъ премудрый Будда своимъ ученикамъ.

Берлинъ. 17—30 окт. 1903 г.

Т е р ц и н ы.

Ко мнѣ не пропускаютъ свѣта для
Тяжелыя зеленоя гардины.
Со стѣнъ глядятъ безмолвно на меня

Художниковъ прославленныхъ картины,
И я опять слагаю твердый стихъ,—
Пластически—спокойныя терцины.

Люблю размѣрное теченье ихъ,
Спокойствіе, таящее мятежность.
Онѣ—святой бальзамъ для душъ больныхъ.

Стремясь душой въ глубокую безбрежность,
Я позналъ тайны свѣговыхъ вершинъ,
И мнѣ съ тѣхъ поръ понятной стала гнѣзность

Размѣрности задумчивыхъ терцинъ.
Узналъ я хорошо тоску потери,
Но—рабъ вчера, сегодня—властелинъ.—

Я распахнулъ таинственныя двери
И позналъ все, что я хотѣлъ познать,
И, какъ мудрецъ—поэтъ Алигіери,

Я сталъ терцины стройныя слагать,
И больше я люблю, чѣмъ нить сонета,
Узоры ихъ причудливыя ткать.

Моя душа святымъ огнемъ согрѣта.
Всегда любилъ я ласковость весны
И знойный пламень золотого лѣта.

Я позналъ счастья голубые сны.
И съ каждымъ днемъ душой своей нѣжнѣе
Люблю терцины я. Онѣ—нѣжны.

Я съ ними чувствую всегда яснѣе,
Что я себѣ—предвѣчный властелинъ.
Я ихъ сложилъ, безбрежное лелѣя.

О, счастье, счастье снѣговыхъ вершинъ!

Ночной кошмаръ.

О, полуночныя чары! О, пьянящiе кошмары!
О, кружащiяся пары духовъ ночи, духовъ тьмы! —
Вы опять, опять со мною, слиты радостью одною, —
Подъ кровавою луною веселимся только мы.

И безумны, и прекрасны, лишь себѣ самимъ подвластны,
Въ нашемъ счастья согласны, мы кружимся и поемъ.
Веселяся и играя, кругъ нашъ тѣсный открывая,
Закрывая, замыкая, мы расстанемся лишь днемъ,

Чтобъ средь сумрака ночного, въ блескъ счастья неземного,
Закружиться страстно снова, мчаться бѣшено опять,
Чтобы прежнiе угары и пьянящiе кошмары,
И полуночныя чары создавать и разрушать!

З в е н о.

Я смѣло прошелъ черезъ ровъ,
Я понялъ, что значить—звено.
Двѣ грани различныхъ міровъ
Должны обратиться—въ одно.

Я знаю: не будетъ завѣсь,
Я знаю: все будетъ инымъ,
Когда неизмѣнность Небесъ
Навѣки сольется—съ земнымъ.

Я понялъ: любить мы должны
Всегда ослѣпительный Свѣтъ,
Любя мимолетные сны.
Вотъ вѣчно-прекрасный завѣтъ.

Не бойся. Не медли. Иди.
Я знаю, что въ мірѣ темно.
Но знаю, что тамъ—впередѣ—
Душой создадимъ мы—звено.

КЪ ЛЮДЯМЪ.

Я не вашъ, потому что есть въ сердцѣ моемъ
Безпредѣльная жажда сліянья,
Потому что крестился я жаркимъ огнемъ
Надъ угрюмою бездною молчанья.

Я уплюсь, обплююсь и соплюсь навсегда,—
Я соплюсь, но не съ вами, не съ вами.
Я не буду вамъ близкимъ,—о, нѣтъ! никогда!
Я уплюсь несказанными снами.

О, улыбка мистическихъ синихъ ночей,
О, нездѣшнихъ лучей трепетанья!
Я—Безумье, я—Боль, я—одинъ, я—ничей!
Я—въ бездонныхъ обрывахъ Молчанья!

Бѣсъ юго-западнаго вѣтра.

На четырехъ крылахъ, зловѣщій и могучій,
Онъ съ юго-запада по синевѣ небесъ,
Свистя, летить и пѣть дожди изъ темной тучи,
То адскій духъ пустынь, сухого вѣтра бѣсъ.

Его ужасенъ ликъ: оскаленные зубы
Свирѣпо щелкаютъ, во рту шипитъ языкъ,
И жадно алчутъ жертвъ распухнувшія губы.
Глаза горять. Его ужасенъ ликъ!

Съ улыбкой радости припавъ къ сѣдлу верблюда,
Изеушить злобно онъ водою полный мѣхъ.
Взмахнетъ онъ крыльями,—и скроетъ пыли гряда
Богатый караванъ подъ адскій бѣса смѣхъ...

Смертеленъ страшный ядъ бѣсовскаго дыханья.
У Нинкагаллы *) нѣтъ исправнѣ слуги.
О, странникъ, трепещи, страшись его лобзанья
И съ крикомъ ужаса отъ ласкъ его бѣги!

*) Богиня смерти у вавилонянъ.

Смерть Соломона.

Опираясь на трость кипарисную,
Будто въ сладостный сонъ погружень,
Замерь, позу принявъ живописную,
Снѣжнокудрый мудрецъ Соломонъ.

Онъ надвинулъ корону алмазную
И глядитъ, неподвиженъ и строгъ,
Какъ шайтаны толпой безобразною
Ему строить хрустальный чертогъ.

И, безмолвиемъ тайны объятые,
Безотчетнаго страха полны,
Робко трудятся дѣвы крылатые
Надъ постройкой колоннъ и стѣны.

Поглощенный тяжелой работою,
Ни одинъ не додумался джигъ,
Что не грезить, объятый дремотою,
А навѣкъ ихъ угасъ властелинъ...

И толпой они трудятся плѣнною.
Непрерывно работа кипитъ.
А средь залы съ улыбкой надменною
Соломонъ неподвижно стоитъ.

А д а м ъ.

Прости, блаженный садъ, роскошныхъ грезъ пріютъ!
Прощайте, свѣтлыя эдемскія селенья!
Отважно преступивъ предѣлы запрещенья,
О, Элоимъ, я заслужилъ Твой судъ.

Широколистныхъ пальмъ живительная тѣнь,
Прозрачныхъ ручейковъ веселое журчанье,
И ты, о, дерево добра и зла позпанья,—
Дороги къ божеству пройденная ступень!

Вы, взоръ манящіе махровые цвѣты,
Струящіе волной могучей ароматы,
Вы, чьи стебли зеленые примяты
Во время праздника любви и красоты!

— Благословляю васъ! Благословляю всѣхъ,
Кто взоръ мой привлекалъ въ пріютъ наслажденья,
Васъ всѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ мгновенья,
Которое Творецъ сурово назвалъ: „грѣхъ“.

Прощайте всѣ... Съ безстрастіемъ въ очахъ
Уже идутъ ко мнѣ посланцы Элоима,
Два небожителя, два грозныхъ керувима,
И пламя красное дрожить на ихъ мечахъ...

Прощай, пріютъ любви! На солнечный восходъ
Я направляю путь безъ стопа и безъ гнѣва.
Прижмись къ моей груди, довольно плакать, Ева,
И угрызеньями терзать себя... Впередъ!

И К С І О Н Ъ.

(Древнегреческій мнѣ).

...Звуки Орфеевой лиры наполнили Тартаръ. Замерло печальное шествіе къ Летѣ дѣвъ Данандъ. Заслушавшись дивной мелодіи, остановили свою скучную работу Сизифъ, и коршуны, косясь головою, перестали терзать измученнаго распостертаго Титія. Пройдя мимо нихъ, Орфей внезапно замеръ на мѣстѣ, пораженный новымъ неожиданнымъ зрѣлищемъ. Еще колеблясь, остановилось въ воздухѣ надъ потухавшимъ пламенемъ раскаленное большое колесо. При красноватомъ свѣтѣ углей на закопченномъ ободѣ его что-то бѣлѣлось. Голова съ темными прядями сбившихся кудрей беспильно свѣсилась на широкую грудь перевитой крѣпкими путами человѣческой фигуры.

Страдалецъ и пѣвецъ встрѣтились удивленными взорами.

— „Кто ты?“ спросилъ Орфей.

— „Играй!“ слышался въ отвѣтъ хриплый умоляющій голосъ: „играй еще! Мнѣ отраднѣе тебя слушать. Боль утихаетъ отъ звуковъ“. И Орфей заигралъ.

— „Такъ!.. Тише!.. Можешь ли ты вмѣстѣ играть и слушать?“ Фракіецъ, перебирая струны, кивнулъ въ отвѣтъ головою.

— „Я тотъ, кого ненавидятъ боги, а люди называютъ несчастивымъ. Я сынъ Флегія, Иксионъ, отомстившій за обиду Кронону. Я показалъ ему на немъ самомъ, каково трогать чужихъ женъ. Ни чудовища, ни гиганты, ни непреклонный Прометей, ни чета Алоидовъ, ни сама царственная Гера не могли нанести Зевесу такой обиды, какъ я. Велики мои муки, но утѣшеніемъ мнѣ служить, что страдаетъ также и онъ. Ибо, кромѣ позора молвы, я принесъ ему и мученія ревности. Всякій разъ теперь, какъ глядитъ онъ въ ясныя очи своей Геры, ему хочется прочесть въ нихъ истину. И мучится онъ не менѣе моего, ибо огонь, который терзаетъ сердце сына Реи, врядъ ли слабѣе, чѣмъ пламя Аида...

Играй, о пѣвецъ, быть можетъ, я хоть на мигъ забуду свои муки“...

Нѣсколько времени слышались одни только тихіе струнные звуки. Орфей, желая развлечь страдальца, старался играть что-то веселое.

Струны смѣялись...:

Иксіонъ встряхнулъ головою.

— „Нѣтъ, не могу!“—произнесъ онъ.— „Моя мука, вѣроятно, все-таки сильнѣе, потому что самъ я тоже не знаю, отомстить я или нѣтъ. Геру ли заключилъ я въ объятія, попавъ на Олимпъ, или это былъ только призракъ, Нефела, созданная хитрою богиней?..

Жалкіе мы люди: ловимъ божественную красоту, а въ руки намъ достается лишь мечта, лишь призракъ прекраснаго...

Все равно! я знаю Зевса. Онъ долженъ страдать. Развѣ онъ можетъ вѣрить своей гладко причесанной Герѣ. Вѣдь она женщина. Въ ея глазахъ не прочтешь правды. И Зевсъ знаетъ это.

Мы оба страдаемъ. Но кто изъ насъ страдаетъ напрасно—это знаетъ только она, прекрасная богиня съ большими ясными глазами, гдѣ не прочтешь ни злобы, ни торжества, ни стыда!..

На Олимпѣ все было тихо, когда я туда прокрался, ступая, какъ воръ. Гордо сіяли яркія звѣзды на черносинемъ небѣ. Покипувъ погруженную въ сонъ супругу, Зевсъ опустился на землю, смотрѣть ночныя пляски ореадъ при полной лунѣ. Спальный покой его былъ весь залитъ серебрянымъ свѣтомъ. На широкомъ, работы искусства Гефеста, ложѣ виднѣлась одинокая спящая фигура. Тихо и ровно дышала божественная грудь... Да, это была она. Это было не облако! Зачѣмъ облаку сопротивляться? Облако не можетъ имѣть такое твердое тѣло, такія нѣжныя, но сильныя руки...

И она могла бы имъ защищаться гораздо рѣшительнѣе, если бъ хотѣла. Хотѣла...

Развѣ облако можетъ хотѣть? Развѣ оно натирается благовопнымъ елеемъ?.. Нѣтъ, это была сама Гера, и ее держалъ я въ объятіяхъ въ ту душную ночь на облитомъ луннымъ сіяньемъ Олимпѣ!..

Помню я разбудившій меня отъ сладкаго сна раздрающій душу крикъ:— „То была не я, о, супругъ! Обманчивое облако, Нефелу, подсунула я дерзкому безбожнику. Я обманула его, Зевсъ. Вотъ оно, это облако!“ Легкій полувоздушный призракъ заколыхался около моего плеча, но не успѣлъ я, приподнявшись на царственномъ ложѣ, его коснуться, какъ Гермесъ, Гефестъ и Паллада влекли уже меня сильными руками вонъ изъ чертога Зевса.

На порогъ покоя въ послѣдній разъ оглянулся я на царственную Геру.

О, какъ была она хороша, полуодѣтая, посылавшая вослѣдъ мнѣ звонкій презрительный смѣхъ и гнѣвные взоры.

Но я знаю, что глаза ея умѣютъ быть вовсе не грозными.

Знаетъ это и онъ, мой врагъ, обрекшій меня на вѣчныя муки, онъ, который мучится вмѣстѣ со мною...

И лишь ей одной извѣстна истина... Ея очи... О, эти очи!.. Пѣвецъ, твои струны смѣются; мнѣ больно!.. Пусть лучше адское пламя, чѣмъ этотъ насмѣшливый хохотъ, этотъ смѣхъ, который звенитъ теперь въ моихъ ухахъ!.. Уйди!...

Иксионъ застоналъ, закрылъ глаза и заметался...

Орфей вздохнулъ и молча двинулся далѣе. Онъ, знавшій тайны боговъ, счелъ излишнимъ говорить Иксиону, что Зевсъ вовсе не мучится ревностью и весьма равнодушенъ къ тому, вѣрна ли ему его супруга съ большими ясными глазами...

Мысли о собственной утраченной женѣ скоро вытѣснили изъ головы Эракійца всякое воспоминаніе объ Иксионѣ.

Онъ шелъ твердо впередъ, стараясь не обращать вниманія на доносившіеся къ нему изъ темноты вздохи и стоны.

Тропинка подъ ногами героя слабо свѣтилась...

Два стихотворенія.

1.

(Изъ книги о дѣтяхъ).

Больше въ этомъ мѣрѣ нѣтъ ужь ничего, —
Только мальчикъ бѣленькій, сердца божество.

Только мальчикъ бѣленькій для меня живетъ.
Только въ немъ весь смыслъ моихъ пѣсенныхъ работъ.

Я ослѣпъ, не вижу я больше ничего.
Всюду мальчикъ бѣленькій, всюду божество.

Только мальчикъ бѣленькій на землѣ живетъ.
И мой духъ, блаженствуя, пѣснь ему поетъ.

2.

Въ моей душѣ потухли сны.
Я старъ, глубоко старъ.
Я таю предъ лицомъ Весны,
Какъ въ ясномъ небѣ паръ.

И вотъ, еще. И вотъ, чрезъ мигъ
Бездымный небосклонъ
Поглотитъ мой туманный ликъ
И мой увядшій сохъ.

ПЯТЬ ОТРЫВКОВЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

I.

Полно, полно, оставьте, не думайте меня ни утѣшать, ни успокаивать.

Я спокоенъ, вполне спокоенъ, даже можетъ быть больше, чѣмъ вы думаете: мнѣ трудно руку поднять, поднять голову—выйти изъ покоя—изъ оцѣпенѣнія.

Но знаете ли вы, что можно мириться со всѣмъ, но не со смертью молодого прекраснаго человѣка!

Называйте меня мечтателемъ, несовременнымъ и сентиментальнымъ человѣкомъ, называйте! но все же не заставляйте меня въ жить вашей жизнью.

Почему, во имя чего я долженъ отказаться отъ своихъ мечтаній и слова окупиться, въ такъ называемую, дѣйствительную жизнь?

Находятъ, что я боленъ, а я здоровъ, но выбралъ себѣ другую жизнь, и та жизнь, которой я живу,—она гораздо лучше вашей!

Почему же вы такъ навязчиво, настойчиво хотите меня оторвать отъ того, что мнѣ такъ дорого, и заставить жить вашей жизнью, которая вамъ и самимъ-то надоѣла и опротивѣла?

— Я сегодня всю ночь просидѣлъ передъ окномъ. Бѣлая стора была спущена. Окно закрыто. Теперь зима. Не знаю, фонари ли это или луна, но только свѣтъ проникалъ въ комнату. Я сидѣлъ неподвижно на креслѣ и, оставивъ безъ труда свою комнату, я улетѣлъ. Я былъ далеко, но я все время видѣлъ свою фигуру, сидящую въ креслѣ передъ опущенной занавѣской.

— Лѣто! Жаркое лѣто. Мы вдвоемъ идемъ по сосновому бору. Иглы хвои скользятъ подъ ногами. Шишки старья, всѣ онѣ,

весь лёсъ,—все набралось тепла. Сухо. Хорошо. Мы убѣжали ловко изъ дома... Молчите, я знаю, что вы скажете. Ну, умерла она... Да, она умерла для васъ!

Никто не замѣтилъ насъ. Я обѣщала ей прочесть свою поэму... Всю ночь я сидѣла надъ ней; я кончала, когда уже солнце всходило. Она не могла выйти плохой! Вы понимаете, что я открыла свою душу и въ нее широкой волной вливалась и ночь, и свѣжее утро, и робкій вечеръ, роса, цвѣты, люди, но не искривленные люди, а тѣ настоящіе весенніе люди...

— Вы не думайте, что это былъ какой-нибудь страстный влюбленный гимнъ веснѣ.

Она плакала, когда я читала, но вѣдь и слезы бываютъ разныя—это были ея слезы—это она плакала!

Нѣтъ, да что говорить они! Неужели теперь, когда я говорю передъ ними, вспоминая,—когда прошлое вспыхиваетъ во мнѣ, какъ заря, на нихъ не вѣетъ и его мечтательнымъ, розовато-туманнымъ холодомъ, и его горячимъ тепломъ?

А тропинка шла въ гору. Сосны высокія, стройныя; кусты орѣшника между ними, высокіе синіе колокольчики, которые держатъ ангелы въ рукахъ своихъ... папоротники...

Она идетъ рядомъ. Въ ногу ступаемъ мы.

Какъ близко мы другъ къ другу но... но мы не смѣемъ, мы не хотимъ, хотя можемъ!

Сидитъ она на травѣ. Изъ лёсу вышли. Моя голова касается почти ея стройныхъ ногъ, вытянутыхъ и скрещенныхъ.

Да вы можете ли себѣ представить, можете ли подумать только, что мы, вѣдь, обладали всѣми качествами, при которыхъ вы всѣ доходите до животной любви, а намъ она и въ голову не приходила. И мы были люди, но для насъ она была необходимой данью, которую придется отдать нашему тѣлу. Но чѣмъ позже, тѣмъ лучше...

Вотъ, если вы скажете, что безуміе было сплести этотъ гигантскій, этотъ чудный, ужасный вѣнокъ,—я соглашусь!

Знаете, что я вошелъ къ ней въ комнату, когда она была уже за день до смерти. Черный засохшій вѣнокъ, висѣлъ надъ ея розовой постелью. Засохшіе цвѣты! Черныя, острия болотныя травы торчали ножками, рѣзко шуршали увядшіе листья. Умеръ вѣпокъ, а какъ хорошо онъ былъ.

Дорогая моя, дай мнѣ сорвать его, дай унесу его туда на обрывъ, гдѣ внизу бѣлая пѣна кипитъ! Онъ упадетъ туда, потопеть, и снова въ солнечный день мы прійдемъ смотрѣть, какъ

темная бездна будетъ высылать его черные листья. Все кончится съ нимъ, все! Ты снова будешь та же!...

Но, какъ трупъ на весеннемъ лугу, какъ призракъ на свободѣ, какъ вы въ моей душѣ, остался онъ, и острые листья закололи ее!...

До чего вы довели мѣня. Я рвусь къ другой жизни, я еще не проникъ, не укрѣпился въ ней, а вы мѣня назадъ зовете.

Я знаю самъ, что это все мечтанья. Что я одинъ, одинъ, она въ землѣ зарыта, она лежитъ и тоже одна тамъ, глубоко.

Подумайте, какъ недавно она была съ нами, а вотъ мы взяли ее, молчащую, отнесли и зарыли, засыпали, она теперь тамъ... молодая, прекрасная!

Нѣтъ, нѣтъ, жива она, живы мои мечтанья, а васъ я ненавижу!

II.

Дорогая моя, я долго не писалъ тебѣ. Ты сказала, что лучше на время прекратить переписку, что лучше нѣкоторый срокъ не видаться, но я не могу. Ты понимаешь ли, что есть всему предѣлъ?!

— Чѣмъ виновать я, что мысль моя, какъ бы я ни стремился отвлекать ее, всегда, неизмѣнно возвращается къ тебѣ. Какъ я могу забыть тебя, когда ты со мной!

Я видѣлъ во снѣ тебя сегодня ночью. Слушай, какъ это было.

Гаснутъ фонари на улицахъ. Брезжить первый свѣтъ зарождающагося утра. Все сѣро, безъ тѣней, призрачно и холодно. Я тороплюсь, гоню себя.

Острый воздухъ рѣжетъ мнѣ грудь. Улицы тянутся, тянутся, нѣтъ никого въ нихъ, въ окнахъ давно потухли огни. „Скорѣй! скорѣй!“ кричу я себѣ, и вотъ наконецъ я стучусь въ твою дверь. Мнѣ ее открыла та, которая всегда при тебѣ; ни ты, ни я не знаемъ ее, но всегда чувствуемъ ея присутствіе. Я вошелъ къ тебѣ. Утро боролось съ ночью, смерть боролась съ жизнью.

— На высокомъ ложѣ, покрытомъ бѣлымъ атласомъ, закиданномъ цвѣтами, лежала ты, какъ праздничная жертва. Вокругъ ложа дышали и клубились азалии, рояя лепестки и усыпая ими полъ. Воздухъ былъ напоенъ цвѣтами, но всѣ они были срѣзаны. Всѣмъ предстояла смерть.

Я бросился къ тебѣ, упалъ на колѣни, обнялъ тебя. Поднялись твои нѣжные, обнаженные руки, обвили мою усталую голову, ты цѣловала меня...

Смерть! смерть! вянуть цвѣты!

Я слышу, какъ тише и тише бьется твое сердце. Я прильнуль къ твоей бѣлой груди. Я цѣлую ее. Я дыханьемъ своимъ отдышу тебя, какъ раненую бабочку, только бы утро, утро скорѣе!

Тише, тише, бьется сердце. Твоя грудь холодѣетъ подѣ моей горячей щекой. Остатовились глаза, муха проползла по лицу, по губамъ...

Дышать, клубятся азалии, пахнутъ сильнѣе цвѣты... Подожди!

Мертва! Куда, куда ты умчалась отъ меня, вѣдь живы же цвѣты! Подожди! Вѣдь они тоже срѣзаны, но живутъ! Пусть хоть нѣсколько мгновеній отдастъ мнѣ смерть, и я самъ отнесу тебя ей.

Мертва! Напрасно я лепеталъ безумныя рѣчи. Я поднятъ твою мертвую голову. О, какъ люблю я тебя, теперь, когда ты мертва.

Теперь мы только вдвоемъ. Моя! моя! Я люблю тебя, трупъ, я люблю тебя, сорванный цвѣтокъ, а завтра ты уже начнешь разлагаться.

— Такъ видишь ли, какъ я люблю тебя. Пойми, что больше молчать я не въ силахъ. Я долженъ писать, я долженъ говорить съ тобой...

Нѣтъ, пѣтъ, не надо! Если ты любишь меня, то ты и безъ того все узнаешь. Я не вѣрю тому, что до тебя не долетали мои муки, я слишкомъ гордъ, чтобы писать тебѣ. Лежи, лежи въ своей могилѣ, если ты не можешь услышать отсюда меня. Если ты мертва, какъ простой трупъ.

III.

Послушайте меня, вѣдь жизни-то пѣтъ, пѣтъ совсѣмъ! Природа сама въ себѣ носитъ причины самоубійства.

— На крутомъ берегу бездонной пропасти красуется городъ. Высокія греческія колонны, какъ бѣлоснѣжныя пальмы, поддерживаютъ великолѣпные храмы. Все въ нихъ полно гармоніи, каждая часть соотвѣтствуетъ цѣлому, а цѣлое части. Они такъ красивы и такъ близки къ природѣ, что какъ будто ввухены ею, но одухотворены всепобѣдною человѣческою мыслью...

Стоять они на краю пропасти! Ступенька за ступенькой, колонна за колонной рушатся и падаютъ въ бездну...

Никто, никогда не поднимался изъ бездны. Никто не знаетъ, куда улетѣли бѣлоснѣжныя колонны.

Высятся готическіе замки. Твердыя стѣны. Желѣзные мосты. Замки протянули свои острыя вершины въ небо, они впились въ него, они только и думаютъ о немъ, стоя на твердыхъ камняхъ, мрачныхъ сводахъ, на темницахъ, сухихъ пергаментахъ, желтыхъ свиткахъ, покинутыхъ временемъ и изъѣденныхъ червями. Порывы мрачной, отчаянной молитвы, сознание грѣха, ропотъ глубокихъ темницъ... Твердо стоятъ многолѣтніе замки, но камень за камнемъ, не переставая, падаютъ въ бездну.

Срываются гранитныя плиты, падаютъ башни. Падаютъ замки...

Никто, никогда не поднимался изъ пропасти, никто не знаетъ, куда летитъ сталь, гранитъ и желѣзо.

Кибитки кочевниковъ, мавританскіе дворцы съ садами и фонтанами слезъ, капли которыхъ летятъ, сверкая... куда? Все туда-же, все въ бездну! Все въ томъ городѣ падаетъ, все рушится, не переставая...

Никто, никогда не поднимался изъ бездны! Это жизнь, это наша жизнь. Ея нѣтъ! Каждую минуту мы мимолетно видимъ передъ собой. Ея нѣтъ уже, она умерла, она канула въ вѣчность. Смутный свѣтъ, какъ отъ звѣзды по ночному небу—не больше,—оставляютъ намъ наши воспоминанія. Все, что я говорилъ, все умерло! Я трачусь каждую минуту, отъ меня отрѣзаютъ понемногу. И этотъ процессъ называется жизнью! Что же держитъ насъ, почему мы предпочитаемъ эту медленную пытку, эту медленную отдачу себя смерти? Нѣтъ! лучше кинуться сразу. Пусть летитъ моя бѣлоснѣжная колонна. Пусть не увижу я, какъ падаетъ ея капитель, какъ пробѣгутъ морщины—трещины по бѣлому мрамору, пусть летитъ она, молодая и прекрасная!

Что же держитъ насъ въ жизни?!

IV.

„Въ чудномъ саду близъ Севильи другъ мой живетъ... Пойдешь ли ты за мной, Кармень?.. Меня не любишь, но люблю я, такъ берегись любви моей“...

О, какъ ты хороша, какъ живо, какъ прелестно горѣли твои большіе сѣрые глаза! Тебѣ понравилось?

— А какъ онъ пѣлъ послѣдній актъ, какъ онъ игралъ! Руки тряслись, глаза блуждали, онъ ложь открылъ... но вдругъ изъ цирка долетаетъ побѣдный маршъ!

„Кармень, Кармень, это я тебя убилъ. Арестуйте меня“, шепчетъ онъ падъ ея трупомъ, „Кармень, Кармень!“

Нѣтъ, никто изъ музыкантовъ такъ не чувствовалъ музыку, какъ я и ты, ты, моя дорогая! Я знаю, что подъ звуки музыки я невредимо пройду сквозь огонь, брошусь въ бездну и поплыву по воздуху. Мы чувствовали, а не слышали ее.

Все тѣло наше то сжимается, то дышетъ, расширяется, нашъ духъ растеть, вотъ предѣль, но дальше, выше несется онъ. Онъ уже не духъ человѣческій.

„Кармень, Кармень, это я тебя убилъ!“... Они зовутъ, зовутъ меня къ здоровой жизни; они опять, снова хотятъ различить насъ! Нѣтъ! нѣтъ, не надо, не покидай меня! Пусть призракъ ты! Пусть все одни мечтанья, но я не отдамъ тебя. Нѣтъ, не улетай!

Ты покинешь меня, что же станетъ со мной? Мой духъ привыкъ къ тебѣ: онъ взлелѣянъ, онъ вскормленъ тобой; ты показала мнѣ такія тонкія ткани мысли и чувства.... Мы жили съ тобой въ этомъ зачарованномъ кругу! Вѣдь, если я вернусь къ нимъ, я буду чуждъ имъ. Я умру съ ними, умру совсѣмъ. Какъ они, сольюсь духомъ съ землей. Мнѣ никогда больше уже не оторваться, не пролетѣть надъ нею!

Они зовутъ меня!

„Кармень, Кармень, это я тебя убилъ!“

V.

Вотъ я и здоровъ. Совершенно здоровъ. Я перечиталъ свой дневникъ. Такъ вспоминаютъ утромъ ночь, исполненную неясныхъ кошмаровъ. Я какъ будто вернулся изъ какой-то далекой поѣздки; откуда-то точно съ того свѣта.

Всѣ живутъ ровно, тихо, родятся, ссорятся, женятся; та же нищета и богатство; толкуютъ о прогрессѣ и регрессѣ; нивелируются въ ровную, какъ подъ гребенку, толпу, и незамѣтно отпадаютъ одинъ за другимъ—умираютъ.

Но вотъ вернулся я. Все идетъ по старому. Надо и мнѣ вставать со своего логава,—чего еще нѣжится—вставать и жить! А я все потягиваюсь, все мнѣ кажется, что не стоитъ и вставать-то, когда вечеромъ все равно опять ложиться. Въ дѣтствѣ, я помню, памъ говорилось съ пронией: „стоитъ ли руки мыть, когда все равно черезъ часъ будутъ опять, какъ голенище“. Они и не подозревали, что я это запомню!

Вотъ въ этой комнатѣ, между двухъ оконъ, подъ портретомъ старика дѣда, стоитъ орѣховая конторка.

Конторка очень старинная, на четырехъ точенныхъ лапахъ; крышка закатывается куда-то внутрь. Налѣво отъ люпитра съ зеленымъ сукномъ сдѣлана полочка и фальшивое дно; это дно надо отодвинуть и тамъ потайной ящичекъ. Въ правомъ углу его лежитъ семизарядный револьверъ... Я здоровъ, а вотъ такъ, когда подбираюсь къ нему по-кошачьи, меня беретъ страхъ. Это ощущеніе напоминаетъ постепенное погруженіе въ холодную воду. Гораздо лучше броситься... крышка стукнетъ... скинуть чехоль... щелкнетъ при взводѣ курокъ, и только одно движеніе потомъ...

Сколько разъ я дѣлалъ въ жизни и это, и болѣе крупныя движенія. Я скакалъ черезъ рвы, почему же эта именно комбинація будетъ для меня смертельна? Я упаду рядомъ съ конторкой на полъ, конторка останется открытой, и все будетъ тихо...

Тамъ, между двумя окнами, подъ портретомъ старика дѣда—конторка. Крышка закатится, потомъ донышко... сколько разъ я совершенно послѣдовательно, точно, продумалъ все это, а до дѣла не могу. Страхъ!..

— Нѣтъ! надо только живѣй. Я пойду не къ конторкѣ подъ портретомъ, а такъ, какъ будто походить по комнатѣ; потомъ, какъ будто нечаянно, или, чтобы прочесть старыя письма, подойду! Иголка провалилась въ щель ящика, надо достать...

Вотъ и пойду незамѣтно—это важнѣе всего...

А что если попробовать!...

В а к х а н а л і я.

И звонъ амфоръ, и запахъ нарда,
Полудлежать вокругъ друзья.
Окутанъ шкурой леопарда,
Здѣсь властелинъ сегодня—я...

Я говорю друзьямъ въ весельи:
Пускай шумящій океанъ
Уноситъ насъ изъ душной кельи,
Пусть флейта свищетъ, бьетъ тимпанъ...

Пускай плясуньи легкимъ роємъ
Ворвутся въ залъ, какъ мотыльки,
Вѣнкомъ цвѣтущимъ мы закроемъ
Скелетъ оскаленной тоски...

Пусть смолкнутъ пѣсни строгихъ музъ
И шопотъ мудрецовъ постылый,
Мы съ смертью заключимъ союзъ,
Мы будемъ полны новой силы.

Кто смѣло въ пасть ея взираетъ,
Тотъ вѣчно веселъ и могущъ,
Высокій лобъ тому вѣнчаетъ
И гордый лавръ, и свѣжій плющъ...

Пусть подъ вакхическій напѣвъ
Здѣсь каждый смѣло маску сниметъ
И гибкій станъ цвѣтущихъ дѣвъ
При всѣхъ безтрепетно обниметъ!..

Кто скучный мир мечтой воздушной
Неразъ тоскливо облетаетъ
И взоръ съ презрѣньемъ отвращаетъ,
Надменный, грозный, равнодушный,

Кому наскучило давно
Шептать безплодные молитвы,
Наскучило на полѣ битвы
Лить кровь, какъ кипрское вино,

Того не дрогнетъ гордый взглядъ
Передъ завѣсой сокровенной,
Смѣясь, тотъ выпьетъ кубокъ пѣнный,
Хоть въ этомъ кубкѣ смерть и ядъ.

И тотъ, чью пламенную грудь
Съ годами остудило горе,
Тотъ въ волнахъ вѣчности, какъ въ морѣ
Всѣмъ сердцемъ жаждетъ утонуть...

Безъ слезъ, безъ радостной надежды,
Безъ вѣры въ лучший миръ иной,
Мы сбросимъ пышныя одежды,
Поклинемъ скучный край земной...

Подъ звонъ амфоръ, въ куреньяхъ нарда
Мы бросимъ этотъ миръ, друзья.
Окутанъ шкурой леопарда,
Здѣсь властелинъ сегодня—я...

Вокругъ рабы... но памъ не страшень
Ни львовъ, ни тигровъ жадный ревъ,
Ни ароматы роскошныхъ брашенъ
Среди Нероновскихъ пировъ.

Мечты крылатыя Платона,
Сенеки хитраго трактаты,
Набатъ предвѣстный Цицерона
И тѣнь угрюмаго Катона
Погибшій духъ не оживятъ.

Напрасно риторы, поэты
Гремять на людныхъ площадяхъ.
Лишь отвращеніе въ сердцахъ
Родятъ ихъ пестрые куплеты.

Судьба разрушенной Помпеи
Не усыпитъ безумства въ насъ,
И не исторгнутъ слезъ изъ глазъ
Слова мужей отъ Галилеи...

Напрасно все... зовемъ отраду
Прервать безумной жизни путь,
Задуть вечернюю лампаду
И въ черной ночи потонуть...

.....
Когда же утро заливаетъ,
Лучемъ чертоги озаря,
Пусть эти трупы зацѣлуетъ
Золотоперстая заря!..

М і р о з д а н і е.

Шесть свѣтлыхъ праздниковъ—шесть славныхъ дней творенья.
Онъ рекъ,—и свѣтъ блеснулъ впервые въ небесахъ,
И брызнулъ солнца лучъ, и ожилъ мертвый прахъ,
И землю пышныя окутали растенья.

И пробудилась жизнь на сушѣ, на водахъ,
Затрепетала вокругъ и, въ радостномъ движенъѣ,
Порхнула въ воздухъ, повисла на вѣтвяхъ
И поползла, вѣясь, и загремѣла въ пѣньѣ.

Возликовало все въ восторгъ умиленья.
Онъ рекъ... и вотъ предъ Нимъ—вѣнецъ всего творенья,
Явился человѣкъ... и онъ отвергъ любовь.

Онъ къ Сатанѣ простеръ безумныя объятя,
Исполнилъ мѣръ грѣхомъ и ужасомъ проклятя
И дерзостной рукой святую пролилъ кровь.

Н е п о к о р н ы й.

Изъ Бодлера.

Низвергшись, какъ орелъ, съ лазури, Духъ ужасный
Подъемлетъ дерзкаго за волоса рукой,
Вскричавъ— „Пришла пора—познать законъ, несчастный!
„Я такъ хочу, Хранитель Ангелъ твой!

„Любовь—наше долгъ святой, люби жъ не разбирая
„Злодѣя, бѣдняка, безумца и глушца,
„И славный путь готовъ, щедроты рассыпая,
„Христу, пришедшему свершить завѣтъ Отца!

„Таковъ—законъ Любви, доколѣ пресыщенье
„Не охладило грудь, въ восторгахъ умиленья
„Нетлѣнной Красотѣ одной молись всегда!“

Такъ Ангелъ возвѣщаль, къ спасенью призывая
И дланью мощною преступника пытая,
Но былъ его отвѣтъ упоренъ— „Никогда!“

И з ъ Р о д е н б а х а .

Фонтаны кружатся, какъ будто веретѣна,
То нѣжный шелкъ прядутъ незримые персты,
Межъ тѣмъ заботливо съ нѣмого небосклона
Луна склоняется въ сіяньи красоты...

Фонтаны нѣжный шелкъ безъ устали мотають
И морщатъ, и опять такъ нѣжно расправляютъ,
То въ пряди соберутъ вокругъ веретена...

О, пряха нѣжныхъ струй, печальная луна!

Ты нить тончайшую свиваешь, развиваешь,
И, кажется, не шелкъ, а легкій фиміамъ,
Прясть суждено твоимъ невиднымъ перстамъ.
Ты колокольный звонъ мечтательно мотаешь
Средь чуткой тишины вокругъ веретена.

О, пряха нѣжный струй, печальная луна!

Въ фонтанахъ каждый мигъ иное отраженье
Находятъ небеса, въ нихъ каждое мгновенье
Иной играетъ лучъ, и, восхищая взоръ,
Въ нихъ призма вѣчная смѣняетъ свой узоръ.

Фонтаны кружатся, какъ будто веретена,
Свивая радугу—царицу небосклона...

О, пряха пѣжныхъ струй, печальная луна!

Съ небесъ внимательный и грустный взоръ склоняя
И за работою фонтановъ наблюдая,
Съ очами тихими, спокойна и ясна,
Вся въ бѣломъ, ты прядешь съ заботою унылой
Увы! волну кудрей надъ раннею могилой,

О, пряха пѣжныхъ струй, печальная луна!

CRESCENDO... FINE!

(Фантазія).

О, женщина, дитя, привыкшее играть
И взоромъ нѣжныхъ глазъ, и лаской по-
цѣлуя,
Я долженъ бы тебя всѣмъ сердцемъ пре-
зирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя.
.....
Ты—море странныхъ сновъ, и звуковъ и
огней!
Ты—другъ и вѣчный врагъ! Злой духъ и
добрый гений!

К. Бальмонтъ.

Я гдѣ-то на улицѣ.

Радостный, бодрящій весенній день. Повсюду жизнь, дви-
женіе... Все ожило съ природы пробужденіемъ и даже воздухъ
напитался весь весной.

Солнце весело играло съ окнами домовъ и, какъ-бы шутя,
переливалось на мокрыхъ камняхъ мостовой...

Весна сіяла всею своей прелестью, и солнце ласково и
нѣжно скользило по лицу своимъ теплымъ свѣтомъ и, каза-
лось, говорило:

— „Все это—я! Я—все! Все побѣждаю! Всему я жизнь даю!
Я всѣхъ сильнѣй!“...

— „Нѣтъ я!.. Я сила! Я!.. Сильнѣе я тебя!“ услышалъ я
какой-то голосъ...

И повѣрилъ...

Не могъ не вѣрить, хотя не зналъ, кто говоритъ; не могъ не вѣрить, хотя, кто можетъ быть сильнѣе солнца! Солнца!—Всеобщей силы!—Жизни, свѣта и тепла источника.

Я повернулся... посмотрѣлъ направо—люди!—Не они!.. На-лѣво—никого...

— „Да гдѣ же ты, таинственная сила?“—воскликнулъ я невольно, изумляясь тому, что я повѣрилъ силѣ, большей, чѣмъ у солнца, могъ подумать хоть на мигъ, что свѣтъ его затмить возможно чѣмъ-то... Какою-то невидимою силой... какою-то невѣданною тьмой...

И вотъ...

... Изъ глубины души моей, изъ нѣдръ существованья незримое вдругъ стало что-то исходить... расти... расти...

И наконецъ увидѣлъ ясно я, что это было.

Сначала масса,—темная, слѣпая, неясная, далекая... все крѣпла и росла... и наконецъ влилася въ образъ.

Образъ, рѣзко, сильно очерченный, явился предо мной,—и я узрѣлъ, узрѣлъ ту силу, которая затмила силу солнца.

И эта сила, мучительная, явилась предо мной, какъ женщина,—чаруя, побѣждая и губя.

Высокая и гибкая, худая, одѣта въ черное. Легкими складками спадала внизъ одежда; была воздушной, чистой, могущественно сильной.

Ея тонкія, съ длинными пальцами руки, казалось, манили къ себѣ, очаровывали и пугали ледяной, мертвой силой; ея лицо—строгое, блѣдное, мощное, сухое, съ ввалившимися глубоко, пронизывающими, властными глазами, острымъ подбородкомъ, темными, тонкими, какъ змѣйка, губами—отталкивало, вселяло ужасъ, пугало и къ себѣ тянуло—все существо, всего.

И, какъ магнитъ огромный, она стояла неподвижно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы сама тянулася ко мнѣ... и платье стремилось обвиться вокругъ ногъ... и руки тянулись къ моимъ рукамъ.

А глаза то жили, то ласкали... то отрывались отъ меня и уходили куда-то далеко, далеко, то вдругъ къ себѣ тянули сильно, медленно и властно, и оторваться—было невозможно.

... И не было предѣла, и не было конца незримой силѣ этихъ глазъ!

Они—какъ море—разливались! Они—какъ море—затопляли и уносили... все съ собою.

Они ласкали, обнимали, цѣловали, и разомъ обрывали, отнимали, и отняли, и умчали все, что я любилъ.

Все, что я имѣлъ въ себѣ,—потерялъ я. Безвозвратно!
Потерялъ я любовь, потерялъ и радость, взяли вѣру... пѣтъ надежды у меня!

И осталась только зависть, зависть, зависть.

Зависть къ жизни! Зависть къ солнцу! Зависть къ людямъ!
Ко всему!

Шевелилась эта зависть безпощадно въ груди! И росла... и крѣпла...

Страдалъ я. Ждалъ. Молчалъ.

И опять глаза увидѣлъ!

Неподвижные и черные, какъ уголь... далекіе... Нѣтъ, близкіе, до боли близкіе глаза.

Внутри все выжгли! Все убили! И жгли, все жгли...

Я закричалъ.

Кричалъ, что было силы... что осталось безсилья у меня.

— „Что же? Это будетъ вѣчно?“

— „Вѣчно... вѣчно“...

Услышалъ шепотъ, исходившій отъ нея. Прочелъ въ лицѣ, въ улыбкѣ, мерзко искривившей губы, въ беззвучномъ сатанинскомъ смѣхѣ, прочелъ, почувалъ:

— „Вѣчно... Вѣчно“...

Все тѣло ныло:

— „Вѣчно... Вѣчно“...

Душа стонала:

— „Вѣчно... Вѣчно“...

Ужасъ охватилъ меня, какъ призракъ обнимаетъ жертву.

Мгновенье... я замеръ.

Наступила самая страшная минута. Я окаменѣлъ. — Отъ ужаса, живя—я умеръ. Сердце перестало биться...

Умеръ. Умеръ я.

Люди подходили и уходили... для меня безслѣдно. Они не трогали меня. Я не касался ихъ. Я былъ одинъ... въ себѣ.

Я былъ! Я естъ!

Я умеръ! Нѣтъ меня!

.....
— „Я сильнѣе всего!“ сказала.

И существо мое еще мучительнѣе сознало, ощутило ея силу, которая теперь исходила не только отъ ея ужасныхъ глазъ, а даже отъ складокъ платья, ниспадавшихъ на землю; онѣ сливались съ ней, распространялись вездѣ и необъятною, могущественной силой колебались.

И эта сила, эта правда, эта мощь вселилась въ меня! И, охвативши—побѣдила.

Но, побѣждая,—наполняла, измѣняла, возвышала...

Мочувствовалъ я и позналъ... позналъ себя! Инымъ: больнымъ, безпомощнымъ, ненужнымъ, слабымъ... Сильнымъ, единственнымъ, гордымъ и могучимъ...

— „Я сильнѣе!“ повторила.

И мощь моя, какъ отголосокъ этой силы, рвалась къ ней,—источнику иного, рвалась къ силѣ, насъ соединившей какъ цѣпями, какъ путами... на вѣки!

Эта сила—затмила силу солнца. Жизнь мою въ одно мгновение сломала, въ одинъ лишь мигъ, въ одинъ лишь мигъ—безповоротно... безвозвратно...

Въ одинъ мигъ—вся жизнь моя отдаленнымъ туманомъ пролетѣла предо мной, какъ сонный образъ,—и скрылась навсегда!

Въ одинъ мигъ—я мыслью выросъ педосагаемо для всѣхъ!

Въ одинъ мигъ—я тайну охватилъ существованья!

Въ одинъ тотъ мигъ—я сдѣлалъ то, что люди и тысячелѣтїями не достигнуть!

Въ единый мигъ—позналъ я все!

Все!

И эту силу мысли, могущество и чуткость,—все!—и всю себя—она дала мнѣ!—Вся отдалась!..

Счастье!..

Упалъ я на колѣна! Молиться на нее хотѣлъ! И даже складки платья цѣловалъ безумно!..

Не зналъ я, кто она,—не спрашивалъ!

Я зналъ, я чувствовалъ ее! Она была во мнѣ! Во мнѣ всей силой! Властью!.. Вся, вся во мнѣ! Я ощущалъ ее!

Въ ея былъ власти! Я былъ ея.

Москва 1903 г.

Къ Еленѣ.

1.

Когда тебя я увидалъ,
Я былъ взволнованъ мыслью странной,
Что гдѣ-то я съ тобой страдалъ
Одной печалью несказанной.

Что гдѣ-то сотни лѣтъ назадъ
Тебя я зналъ, тебя я видѣлъ,
Съ тобой дѣлилъ свой вздохъ и взглядъ,
Съ тобой любилъ и ненавидѣлъ.

И въ лунный часъ отъ береговъ
Родной страны бѣжалъ съ тобою,
Для насъ раскрылось царство сновъ,
Рожденныхъ бездной голубою.

И разростался блескъ Луны,
Дышала сонная прохлада,
И былъ стозвученъ бѣгъ волны,
Какъ топотъ бѣшеннаго стада.

2.

Ничья и всетаки моя,
О, блѣдная Елена,
Какъ близки сердцемъ ты и я,
Любовь безсмертная моя,
Пьянящая вервена.

Прекрасно море въ часъ ночной,
Когда вскипаетъ гѣна,
Воздушно море подъ Луной,
Въ немъ тонуть двое—ты со мной,
О, смѣлая Елена.

Съ одной тобою я уйду
Отъ повтореній гѣна,
И я живу какъ бы въ бреду,
Вервены я пьянящей жду,
Я жду тебя, Елена.

Не мнѣ ли.

Няня Петровской.

Не мнѣ ли, не мнѣ ли
Журчали ручьи,
И ангелы пѣли
Восторги свои?

Зачѣмъ же сѣдая
Настала зима,
И ангелы, тая,
Воскликнули „Тьма!“

Не мнѣ ли, не мнѣ ли,
Въ безвѣстномъ селѣ,
Звучали свирѣли,
Въ апрѣлѣ, во мглѣ?

Зачѣмъ же струятся
Дожди безъ конца,
И вновь не дожждаться
Родного лица!

Не мнѣ ли, не мнѣ ли
Назначилъ Отецъ
Тепло колыбели
И ласку сердцецъ?

Зачѣмъ же стоокой
Враждою я сжать!
О, какъ одинокій
Вернется назадъ!

Мандолина.

Нивъ Петровской.

Свѣтлый голосъ мандолины сладкой лаской прозвучалъ,
Точно кто-то поцѣлуй мой съ поцѣлуемъ обвѣнчалъ.

Точно кто-то, властнымъ словомъ вызвавъ къ жизни брызги струй,
Даль имъ летѣть, даль имъ слиться въ долгій влажный поцѣлуй.

О, Неаполь! Волны моря, Афродиты колыбель!
Легкій звонъ растеть, лелѣя. Вѣетъ млѣющей Апрель.

Бѣлый снѣгъ въ горахъ растаялъ, блескомъ влажности плыветь,
Капля съ каплей тѣсно слиты, ключъ звенить и ключъ зоветь.

Возвеличились, заплѣли, закиплѣли ручейки,
И въ руслѣ, какъ въ колыбели, стало тѣсно для рѣки.

И рѣка, въ своемъ стремленьи, впала въ море, въ блескъ и гудъ,
Въ пѣнной зыби, въ смутномъ пѣньи призракъ ласковый мелькнулъ.

Губы—нѣжный цвѣтъ коралла, очеркъ блѣднаго лица,
Струи, струи, поцѣлуй, струи, струи безъ конца.

Сладкій голосъ мандолины, итальянскій свѣтлый сонъ,
Нѣжный съ нѣжнымъ, близокъ мысли, юный съ юнымъ, въ жизнь
влюбленъ!

КАРМА.

Слово „Карма“—санскритское и означает „дѣйствіе“. Такъ какъ всякое дѣйствіе вытекаетъ, какъ *слѣдствіе*, изъ *причины*, и каждое слѣдствіе, въ свою очередь, становится причиной новыхъ слѣдствій, то понятія: „причина“, „слѣдствіе“ являются основнымъ элементомъ въ идеѣ „дѣйствія“. Вотъ почему, терминъ „Карма“ (дѣйствіе) употребляется для выраженія закона *причинности*, указывая на непрерывность связи причинъ и слѣдствій, изъ которыхъ состоитъ всякая человѣческая дѣятельность и всякій міровой феноменъ.

Никакое существованіе, никакое проявленіе не могутъ быть отдѣльны: каждая жизнь, каждое явленіе есть плодъ, звено и зародышъ другихъ жизней и явленій: *Ни произвола, ни случая здѣсь быть не можетъ*: каждый фактъ связанъ съ предшествующими ему *причинами* и послѣдующими *результатами*. Если людямъ и кажется иногда, что наблюдаемая ими явленія „случайны“, то здѣсь обнаруживается лишь ихъ незнаніе. Подобно тому, какъ дикарь, невѣжественный относительно законовъ физическаго міра, взираетъ на многіе физическіе феномены какъ на „чудо“, такъ и люди, незнакомые съ умственными и нравственными законами бытія, смотрятъ на многія явленія въ умственной и нравственной области, какъ на безпричинныя, и считаютъ дѣятельность этихъ неизвѣстныхъ имъ законовъ „случайностью“ (счастливой или несчастливой).

На самомъ дѣлѣ, если наука возможна, то потому, что существуютъ законы міроваго проявленія: если бы не было естественныхъ законовъ, то не могло бы существовать и никакая наука.

То, что вѣрно въ области закона физическаго, вѣрно и по отношенію къ міру нравственному и къ міру умственному, гдѣ дѣйствуютъ тѣ же законы: Здѣсь, также, какъ и въ физической области, „знающій“ можетъ видѣть *причину* и предвидѣть *послѣдствіе*.

„Карма“ есть, такимъ образомъ, законъ причинности, законъ *причины и слѣдствія*, о которомъ говоритъ апостолъ Павелъ: „Не обманывайтесь, Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посеетъ человекъ, то и пожнетъ“. (Посл. къ Гал. VI, 7).

Человѣкъ въ своей жизни, во всѣхъ тѣхъ сферахъ, гдѣ проявляется его дѣятельность, *непрерывно создаетъ* центры силъ, которые качественно и количественно являются слѣдствіями прошлаго и причинами будущаго.

Въ сферѣ интеллектуальной, умственные силы создаютъ причины, которыя мы называемъ „*мыслями*“; въ сферѣ эмоциональной, душевныя силы порождаютъ причины, которыя мы называемъ „*желаніями*“; въ физической области, силы физическія даютъ начало причинѣ, называемой „*дѣйствіемъ*“. На самомъ дѣлѣ, мысли и желанія, и поступки человѣка являются причинами многихъ и многихъ слѣдствій въ его интеллектуальной, психической и физической жизни. Слѣдуетъ замѣтить, что каждая изъ этихъ силъ дѣйствуетъ въ своей сферѣ и реагируетъ на другія области пропорціонально своей интенсивности. Та сфера, гдѣ она проявилась какъ *причина*, сообщаетъ ей свои характерныя свойства, и она, реагируя на другія области, производитъ вибраціи, свойственныя этимъ послѣднимъ.

Мысль—наимогущественнѣйшій факторъ въ созданіи человѣческой Кармы, ибо она проявляетъ дѣйствіе индивидуальных силъ въ сферѣ интеллектуальной. Вибраціи, которыя мы обозначаемъ словомъ „*мысли*“, даютъ начало формамъ мысленной субстанции: *мысленнымъ образамъ*. Ни одинъ изъ этихъ образовъ *не пропадаетъ*: всѣ они участвуютъ въ образованіи „способностей“, которыя развиваются и растутъ отъ прибавленія каждой такой новой вибраціи, каждаго поваго образа. Зная этотъ законъ, человѣкъ можетъ постепенно создать свой интеллектуальный характеръ. Въ „*Упанишадахъ*“ сказано: „*Человѣкъ—созданіе размысленія; онъ становится тѣмъ, о чемъ онъ думаетъ*“. Таковъ законъ: если мы строимъ хорошо, то и вкушаемъ хорошіе результаты; если мы строимъ дурно, то несемъ дурныя послѣдствія. Но это еще не все: человѣкъ своей мыслью дѣйствуетъ и на другія существа, а потому здѣсь является *этическая ответственность* за всѣ протекающія послѣдствія.

Желаніе—факторъ тоже очень могучій въ созданіи человѣческой „кармы“: Если желанія грубы, нечисты, жестоки, то они являются плодотворной причиной, напр., различнаго рода душевныхъ невзгодъ и болѣзней. Въ эмоциональной сферѣ существуютъ *психическіе образы* подобно тому, какъ въ интеллектуальной существуютъ образы мысленные (о которыхъ упоминалось выше): *Желанія*, поэтому связываютъ насъ узами любви, или узами вражды, и *узы эти сильны*, ибо (при современномъ уровнѣ человѣческой эволюціи) *желанія* обыкновенно болѣе развиты и устойчивы, чѣмъ *мысли*. Они могутъ поставить личность въ извѣстное столкновеніе съ другими личностями и вліяніями, причѣмъ она можетъ даже и не подозревать о существованіи отношеній между ними и ею. (На этомъ зиждется, напр., опасная сторона *гипнотизма* и нравственная отвѣтственность за его послѣдствія). Возьмемъ и такой примѣръ: какой-нибудь человѣкъ своимъ чувствомъ вражды возбудилъ въ другомъ человѣкѣ подобное же чувство, побудившее этого послѣдняго къ преступленію: Первый человѣкъ кармически связанъ со вторымъ, а также съ тѣмъ преступленіемъ, которое было совершено. И часто какое-нибудь неожиданное несчастье, повидимому незаслуженное, является слѣдствіемъ подобной причины. *Ничего несправедливаго и незаслуженнаго не можетъ случиться* съ человѣкомъ, а забвеніе или незнаніе имъ причины случившагося съ нимъ не можетъ помѣшать дѣйствию кармическаго закона.

Мысли и *желанія*, въ ихъ дѣйстви на человѣческую личность, образуютъ ея *эмоциональную (психическую) природу* и, черезъ нее, имѣютъ громадное вліяніе и на физическое тѣло. Въ области физической жизни, Карма проявляется въ формѣ *дѣйствія*, которое есть слѣдствіе *мыслей* и *желаній*, ему предшествовавшихъ. Здѣсь легко наблюдать, какъ физическія явленія вытекаютъ одно изъ другаго, образуя огромную *непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій*.

„Карма“—законъ причинности связанъ съ другимъ великимъ міровымъ закономъ,—законъ измѣненія формы и сохраненія энергій: *закономъ перепроявленія*, который еще болѣе расширяетъ и объясняетъ проявленіе причинности въ пространствѣ и во времени. Но объ этомъ послѣднемъ законѣ, за недостаткомъ мѣста, я говорю пока не буду (это, быть можетъ, составитъ предметъ другой статьи), а теперь укажу на различныя формы закона „Карма“.

а) *Карма созрѣвающая*, когда слѣдствія еще не проявляются, но подготовляются.

b) *Карма созрѣвшая*, готовая къ непосредственному проявленію событій, какъ слѣдствій, давно уже подготовлявшихся.

c) *Карма индивидуальная*, т. е., карма каждаго отдѣльнаго индивидуума.

d) *Карма коллективная*, гдѣ индивидуумъ, входящій въ составъ различныхъ группъ (расы, націи, семьи) участвуетъ, какъ членъ ихъ, въ общей *кармѣ* каждой изъ этихъ группъ.

Для поясненія „*созрѣвшей Кармы*“ возьмемъ примѣръ изъ химіи: когда какое-нибудь химическое соединеніе близко къ состоянію „насыщенія“, то достаточно одной капли, одной вибраціи, чтобы могла имѣть мѣсто кристаллизація. Точно также, когда человѣкъ долго и упорно питаетъ въ себѣ, напр., мысли и чувства мести, то они также, въ извѣстный моментъ, доходятъ до „насыщенія“ и малѣйшій поводъ „кристаллизуетъ“ ихъ въ актъ мести, преступленія. Наоборотъ, возвышенныя, свѣтлыя мысли и чувства тѣмъ же путемъ „кристаллизуются“ въ акты самоотверженія, любви и т. д. Когда *Карма* человѣка „близка къ насыщенію“, то какое-нибудь одно обстоятельство въ жизни, кажущееся „случайнымъ“ (напр., одно сказанное слово, прочитанная книга, какое-нибудь, повидимому, неважное событіе), ведетъ къ „*поворотному пункту*“ въ жизни человѣка. Подобныя обстоятельства часто называютъ „чудесными“ и „случайными“: Но здѣсь не „чудо“ и не „случайность“, а явленія вполне понятныя тому, кто знаетъ, что существуетъ *законъ причинности* и что такія явленія сами собою входятъ въ сферу этого закона. Въ области „*созрѣвшей Кармы*“ лежитъ разрѣшеніе древней *проблемы фатализма и вопроса о свободѣ воли*: человѣкъ, дѣйствуя свободной волей, постепенно создаетъ себѣ фатализмъ. И между этими двумя крайностями находятся всѣ ступени сочетанія свободы и необходимости, изъ которыхъ вытекаютъ и всѣ проявленія сознательной борьбы.

Для поясненія „*коллективной кармы*“ возьмемъ примѣръ изъ математической физики: извѣстно, что если нѣсколько силъ дѣйствуютъ на одну точку, то движеніе этой точки происходитъ не въ направленіи одной изъ слагающихъ силъ, но въ направленіи ихъ равнодѣйствующей: Такъ и *коллективная Карма* извѣстной группы людей (семьи, націи, расы) есть равнодѣйствующая, создаваемая *взаимодѣйствіемъ* индивидуальных кармическихъ силъ, и всѣ члены группы увлечены въ направленіи движенія этой равнодѣйствующей. Въ катастрофахъ разнаго рода (напр., землетрясеніяхъ, циклонахъ, корабле-

крушеніяхъ, и т. п.) можно видѣть: а) Карму созрѣвшую и коллективную: для гибнущихъ, и б) Карму созрѣвающую, индивидуальную: для „чудомъ“ спасенныхъ.

Пока въ человѣкѣ сильно „желаніе“, т. е., сильна связь съ желаемымъ объектомъ, онъ кармически связанъ съэтимъ объ- ектомъ. Когда прекращается „желаніе“, то прекращается и кармическая связь человѣка съ объектомъ его желанія. Для освобожденія себя отъ узъ кармы, нужно сознательное прекращеніе всѣхъ дурныхъ желаній. Когда прекращаются они, то кончается и кованіе цѣпей новой Кармы: Однако и тогда человѣку часто приходится считаться еще со *своею прежней старой Кармой*, отъ которой онъ можетъ освободиться лишь путемъ опыта и знанія,—путемъ мудрости. Человѣка, стремящагося къ освобожденію отъ кармическихъ узъ, можно сравнить съ полководцемъ, идущимъ черезъ покоряемую имъ страну: съ каждымъ шагомъ его впередъ враги его разбѣгаются, но ему слѣдуетъ зорко слѣдить, чтобы его прежніе промахи не помогли бы его врагамъ зайти съ тылу. Въ группѣ людей (въ семьѣ, націи, расѣ), которой угрожаетъ дурная коллективная Карма, мудрый и видящій глава группы можетъ ослабить дѣйствіе такой Кармы, измѣняя направленіе равнодѣйствующей путемъ измѣненій величины угловъ между слагающими (въ области: интеллектуальной, психической или физической); здѣсь мудрый глава группы (отецъ семьи, вождь націи или расы) дѣйствуетъ подобно опытному ученому, знающему математическіе и физическіе законы.

Одинъ изъ величайшихъ такихъ законовъ: *Нейтрализація отрицательныхъ началъ положительными*. Изъ физики извѣстно, что для нейтрализаціи отрицательнаго электрическаго тока нужно равное ему количество положительнаго, а для полученія равнаго количества положительнаго электричества взамѣнъ отрицательнаго, нужно, чтобы количество положительнаго электричества было бы вдвое болѣе отрицательнаго: *Въ этикъ:* для уничтоженія зла нужна не месть, и не пассивное непротивленіе злу наслѣдемъ, а напротивъ: активное *воздаяніе добромъ за зло*.

Великіе учителя человечества на этомъ законѣ основали свои ученія: „*Ненависть погашается лишь любовью*“, говорилъ Будда. „*Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ*“, сказалъ Христосъ (Ев. Мтѣ. V, 44). Вся идея искупленія виждется на этой великой истинѣ, когда Спаситель беретъ на себя бремя грѣха міра и своею любовью облегчаетъ страданія человечества, изнемогающаго подъ гнетомъ тяготящей надъ нимъ

*коллективной Кармы. И воздаяніе добромъ за зло уничтожаетъ зло, ибо никто не можетъ ткать канву вражды противъ человѣка, если этотъ человѣкъ отказывается снабжать канву нитями вражды и упорно *нейтрализуетъ* каждую мысль вражды мыслью любви. Когда душа свѣтитъ во всѣ стороны любовью и состраданіемъ, враждѣ и ненависти нѣтъ мѣста.*

Москва, 28 декабря 1903 г.

Земля.

I.

Земля, я неземной, но я съ тобою скованъ,
На много долгихъ дней, на бездну быстрыхъ лѣтъ.
Зеленый твой просторъ мечтою облюбовать,
Земною красотой я сладко заколдованъ,
Ты мнѣ позволила, чтобъ жить я какъ поэтъ.

Межь тысячи умовъ мой мозгъ образовала
Въ такихъ причудливыхъ сплетеньяхъ и узлахъ,
Что все мнѣ хочется, „Еще“, твержу я, „Мало“,
И пытку я люблю, какъ упоенье бала,
Я быстрый альбатросъ въ безбрежныхъ облакахъ.

Не страшны смѣлому безмѣрныя усилья,
Шутя перелечу я изъ страны въ страну.
Но въ томъ весь ужасъ мой, что, если эти крылья
Во влагѣ омочу, исполненный безсилья,—
Воздушный, неземной, я въ морѣ утону.

Я долженъ издали глядѣть на эти воды,
Въ которыхъ жадный клювъ добычу можетъ взять,
Я долженъ надъ Землей летать не дни, а годы,
Но я блаженствую, я—лучшій сонъ природы,
Хоть какъ я мучаюсь,—мнѣ некому сказать.

И рыбы блѣдныя, нѣмыя черепахи,
Быть можетъ, знаютъ миръ, безвѣстный для меня.
Но мнѣ такъ радостно застыть въ воздушномъ замахѣ,
Въ непасытности, въ поспѣшности, и страхѣ,
Надъ пропастью ночей, и надъ проваломъ дня.

Земля зеленая, я твой, но я воздушный,
Сама велѣла ты, чтобъ здѣсь я былъ такимъ,
Ты въ пропастьхъ летишь, и я лечу, послушный,
Я страшень, какъ и ты, я чуткій и бездушный,
Хотя я весь—душа, и мнѣ не быть другимъ.

Зеленая звѣзда, планета изумруда,
Я такъ въ тебѣ люблю безжалостность твою,
Ты не игрушка, нѣтъ, ты ужасъ, блескъ, и чудо,
И ты спѣшишь—туда, хотя идешь—оттуда,
И я тебя люблю, и я тебя пою.

Въ раскинутой твоей роскошной панорамѣ,
Въ твоей нестынущей и въ декабрьхъ Веснѣ,
Въ вертепѣ, въ мастерской, въ тюрьмѣ, въ семьѣ, и въ храмѣ,
Мнѣ вѣчно чудится картина въ дивной рамѣ.
Я съ нею, въ ней, и внѣ, и этотъ сонъ—во мнѣ.

Сказаль, и болѣе я повторять не стану,
Быть можетъ, повторю, я властенъ повторить:
Я предалъ жизнь мою лучистому обману,
Я въ безднахъ міровыхъ нашель свою Свѣтлану,
И для нея кручу блистающую нить.

Моя любовь—Земля, я съ ней сплеленъ—для пира,
Легенду мы поемъ изъ звуковыхъ примѣтъ.
Въ кошмарныхъ звѣздностяхъ, въ безмѣрныхъ безднахъ Мира,
Въ алмазной плотности безсмертнаго вѣтра—
Сонъ Жизни, Изумрудъ, Весна, Зеленый Свѣтъ!

2.

Странный міръ противорѣчья,
Каждый атомъ здѣсь—иной,
Беззавѣтность, безсердечье,
Лютый холодъ, свѣтъ съ весной.

Каждый мигъ и каждый атомъ
Ищутъ счастья вездѣ,
Другъ за другомъ, братъ за братомъ,
Молятъ, жаждутъ: „Гдѣ же? Гдѣ?“

Каждый мигъ и каждый атомъ
Вдругъ съ себя свергаютъ грусть,
Любятъ, дышутъ ароматомъ,
Шепчутъ: „Гибнемъ? Что же! Пусть!“

И мечтаютъ, расцвѣтаютъ,
Нѣтъ предѣла ихъ мечтѣ.
И внезапно пропадаютъ,
Вдругъ исчезнуть въ пустотѣ.

О, безпутница, весталка,
О, небесность, о, Земля!
Какъ тебѣ себя не жалко?
Кровью дышутъ всѣ поля.

Кровью дышутъ розы, маки,
И дневныя двѣ зари.
Вѣчно слышешь стонъ во мракѣ:—
„Въ гробѣ тѣсно. Отвори!“

„Помогите! Помогите!“—
Что за странный тамъ мертвецъ?
Взялъ я нити, сплелъ я нити,
Рву я нити, есть конецъ.

Если вѣчно видѣть тоже,
Кто захочетъ видѣть сонъ?
Тѣмъ онъ лучше, тѣмъ дороже,
Что мгновенно-зыбокъ онъ.

Ярки маки, маки съ кровью,
Ярки розы, въ розахъ кровь.
Льни безстрашно къ изголовью,
Спи смертельно, встанешь вновь.

Для тебя же—мракъ забвенья,
Смерти прочная печать,
Чтобы въ зеркалѣ мгновенья
Ты красивымъ былъ опять.

Люди, травы, камни, звѣри,
Духи высшіе, что здѣсь,
Хоть въ незримой, въ близкой сферѣ,—
Міръ земной прекрасенъ весь.

Люди блѣдные, и травы,
Камни, звѣри, и цвѣты,
Всѣ въ своемъ явленіи правы,
Всѣ живутъ для Красоты.

Всѣ въ великомъ сложномъ чудѣ—
И твореніе, и творцы,
Служать страсти звѣри, люди,
Жизнь идетъ во всѣ концы.

Всюду звѣри, травы, камни,
Люди, люди, яркій сонъ.
Нѣтъ, не будетъ никогда мнѣ
Жаль, что въ Мірѣ я рожденъ!

Всѣ вражды, и всѣ парѣчья—
Буквы свитка моего.
Я люблю противорѣчье,—
Какъ сверкнуть мнѣ безъ него?

3.

Небо—сверху, Небо—снизу,
Небо хочетъ быть двойнымъ.
Я люблю святую ризу,
Я люблю огонь и дымъ.

Небо каждое мгновенье—
На Землѣ и вокругъ Земли.
Близокъ праздникъ просвѣтленья,
Пусть онъ мнитъ ся памъ вдали.

Небо также вѣчно съ нами,
Какъ доступная Земля.
Здѣсь мы слиты съ облаками,
Въ Небѣ—здѣшнія поля.

Звѣзды вѣчно съ нами слиты,
Хоть небесный сводъ вдали.
Звѣзднымъ свѣтомъ перевиты
Всѣ мечтанія Земли.

4.

Мѣрно, размѣрно земное страданіе,
Хоть безпримѣрно по виду оно.
Вижу я въ зеркалѣ сновъ и мечтанія,
Вижу глубокое дно.
Вѣчно есть вечерь, съ нѣмъ свѣтъ обаянья,
Въ новомъ явленіи мечты и огни.
Въ тихіе лѣтніе дни
Слышится въ воздухѣ теплою жужжанье,
Гулъ голосовъ,
Звонъ и гудѣнье, какъ будто бы пѣнье
Тысячъ, о, нѣтъ, мириадъ комаровъ.
Нѣтъ ихъ межъ тѣмъ въ глубинѣ отдаленья,
Нѣтъ и вблизи. Это сонъ? Навожденье?
Это—поднятые воздушныхъ столбовъ.
Полосы воздуха вверхъ улетаютъ,
Полосы воздуха нѣжно сверкаютъ,
И непрерывность гудѣнья слагаютъ,
Улей воздушный въ садахъ облаковъ.

Мука долга, но короче, короче,—
Души предчувствуютъ лучшіе дни.
Въ свѣтлыя зимнія ночи
Въ Небо взгляни.
Видишь созвѣзды, и ихъ постоянства?
Видишь ты эту бездонность пространства?
Въ этихъ моряхъ есть свои жемчуга,
Души тамъ носятся въ пляскахъ навѣки,
Вихри тамъ просятся въ звѣздныя рѣки,

Всплески созвѣздныя бьютъ въ берега.
Чу, лишь сознанию внятныя струны,
Съ солнцами солнца, и съ лунами луны,
Моря планетнаго мчатся буруны,
Твердость эфира лучами сверля,—
Марсы, Венеры, Вулканы, Нептуны,
Вотъ! между ними Земля!
Гдѣ же всѣ люди? Ихъ нѣтъ. Все пустынно.
Все такъ духовно, согласно, причинно.
Нѣтъ человѣковъ нигдѣ.
Только твоя гениальность сознанья,
Сердца бездоннаго съ сердцемъ слянье,
Звѣзднаго моря во видѣ излянье,
Пѣсня звѣзды къ отдаленной звѣздѣ.
Полосы, полосы вѣчнаго свѣта,
Радостной тайною Небо одѣто,—
Вблизи такъ стало, что было вдали.
Непостижимо-прекрасное чудо:—
Мчимся туда мы, ниспавши оттуда,
Въ глыбахъ безцвѣтныхъ—восторгъ изумруда,
Майская сказка Земли.

5.

Въ зеленомъ и бѣломъ туманѣ,
И въ дымкѣ свѣтло-голубой,
Земля въ мировомъ караванѣ
Проходитъ, любясь—собой.

Растенья земныя качаетъ,
Поить опьяняемъ дѣвты.
И Ночь мировая вѣнчаетъ
Невѣсту небесной мечты.

Сплетается въ союзѣ небесномъ
То съ Солнцемъ ее, то съ Луной,
Съ Венерой въ содружествѣ тѣсномъ,
Съ вечерней своей тишиной.

Всѣхъ любить Земля молодая,
Ей разныхъ такъ сладко любить.
Различностью свѣтовъ блистая,
Стожизненнымъ можешь ты быть.

И вотъ половиною шара,
Въ которомъ огонь безъ конца,
Въ горѣннн дневного пожара
Земля опьяняетъ сердца.

И въ это же самое время,
Другой половиной своей,
Чаруетъ влюбленное племя
Внушеньями лунныхъ лучей.

И странно-желанно спляше
Съ Землею двухъ свѣточей въ Три.
Люби, говоритъ обаянье,
Веря—мы съ тобою цари.

Качаетъ насъ Вѣчность, качаетъ,
Пьянбюютъ земные цвѣты.
И Полночь, и День отвѣчаетъ
Невѣстѣ небесной мечты.

6.

Земля, ты такъ любви достойна, за то что ты всегда иная.
Какъ убѣдительно и стройно все въ глуби глазъ; вся жизнь земная.
Поля, луга, долины, степи, равнины, горы, и лѣса,
Болота, преріи, мареммы, пустыни, море, небеса.
Улыбки, шопоты, и ласки, шуршанье, шелестъ, шорохъ, травы,
Хребты безмѣрныхъ горъ во мракѣ, какъ исполинскіе удавы,
Копмарность ходовъ подъ землею, разсѣлинь, впадинъ, и пещеръ,
И храмы въ страшныхъ подземельяхъ, чей страшенъ сказочный
размѣръ.

Дремотный блескъ зарытыхъ кладовъ, цѣлебный ключъ въ тюрмѣ
гранита,

И слитковъ золота сокрытость, что будетъ смѣлыми открыта,
Паденье въ пропасть, въ мракъ и ужасъ, въ рудникъ, гдѣ рабъ—
какъ властелинъ,

И горло горнаго потока, и рядъ овраговъ межъ стремнинъ.
Въ глубокихъ безднахъ Океана—дворцы погибшей Атлантиды,
За сномъ потопа—вновь подъ Солнцемъ, ковчегъ Атлантовъ, Пи-
рамиды,
Землетрясенія, ужасность—тайфуна, взрытости зыбей,
Успокоительная ясность вчера лишь вспаханныхъ полей.

7.

Земля научаетъ глядѣть—глубоко, глубоко.
Тѣлесные дремлютъ глаза, незримое свѣтится око.
Пугаясь, глядитъ.
На тайну земную.
Земля между тѣмъ говорить:—
Ликуй—я ликую.
Гляди предъ собой.
Есть голосъ въ веселомъ сегодня, какъ голосъ есть въ тем-
номъ вчера.
Подпочва во впадинѣ озера—глина, рухлякъ, перегной,
Но это—поверхностный слой:—
Тамъ дно, а надъ дномъ глубина, а надъ глубио волна за
волной.
И зыбится вѣчно игра
Хрустала, брилліантовъ, сафира, жемчуговъ, янтарей, се-
ребра,
Порождаемыхъ Воздухомъ, Солнцемъ, и Луной, и Землей, и
Водой.

Слушай! Пора!
Будь—молодой!
Все на Землѣ—въ переменѣхъ, слагай же черту за чертой.
Мысли сверкаютъ,
Память жива,
Звучны слова,
Дни убѣгаютъ,—
Есть острова.
Глубочайшія впадины синихъ морей
Неизмѣнно вблизи острововъ залегаютъ.
Будь душою своей—
Какъ опи,
Тѣ, что двойственность въ слитность слагаютъ,

Ночи и дни,
Мракъ и огни.
Мысли сверкають,
Память жива.
Не позабудь острова.
Въ дикой пустынь, надъ пропастью водъ,
Нѣжный оазисъ цвѣтеть и цвѣтеть.
Сномъ золотымъ
Нѣжить игра.
Нынче—какъ дымъ—
Станетъ вчера.
Духомъ святымъ,
Будь молодымъ.
Время! Скорѣе! Пора!

8.

Слышу я, слышу твой голосъ, Земля молодая,
Слышно и видно мнѣ все: я—какъ ты.
Слышу, какъ дышутъ ночные цвѣты,
Вижу, какъ травка дрожить, расцвѣтая.
Только мнѣ страшно какой-то внезапной въ душѣ пустоты.
Что же мнѣ въ томъ, что возникнуть черты?
То, что люблю я, бѣжить, пропадая.
Звучень твой голосъ, Земля молодая,
Ты многоцвѣтна навѣкъ.
Вижу я цвѣтъ твой и тайные взоры,
Слышу я стройные струнные хоры,
Голосъ подземныхъ и солнечныхъ рѣкъ,—
Только мнѣ страшно, что рвутся узоры,
Страшно, Земля, мнѣ, вѣдь я Человѣкъ.
Что жъ мнѣ озера, и море, и горы?
Вѣчно ли буду съ одною мечтой?
Юноша страшенъ, когда онъ сѣдой.

9.

Явственно съ горнаго склона я
Вижу что ты
Не только зеленая.
Въ пурпуръ такъ часто ты любишь радить

Нѣжкость своей красоты,
 Красную въ ткани проводишь ты нить.
 Ты предстаешь мнѣ какъ темная, жадная,
 И неоглядная,
 Страшно-огромная, съ этими взрывами скрытыхъ огней,
 Вся еще только—намокъ и рожденіе,
 Вся—заблужденіе
 Быстрыхъ людей и звѣрей,
 Вся еще—алчность и крики незнаія,
 Непониманіе,
 Бѣшенство дней и безумство ночей,
 Только стораніе, только канути просвѣтленія,
 Еле намѣченный стихъ пѣсногѣнія
 Блесковъ святыхъ откровенія,
 Съ царствомъ такого блаженства, гдѣ стонъ не раздается
 ничей.

10.

Да, я помню, да, я знаю запахъ пороха и дыма,
 Да, я видѣлъ слишкомъ ясно: Смерть какъ Жизнь непобѣдима.
 Вотъ, столкнулась гряда съ грудой, туча съ тучей саранчи,
 Отвратительное чудо, ослѣпительны мечи.
 Человѣкъ на человѣка, ужасъ бѣшеной погони,
 Почва взрыта, стукъ копыта, мчатся люди, мчатся кони,
 И подъ тяжестью орудій, и подъ яростью копытъ,
 Звукъ хрустѣнья, дышутъ люди, счастливы, кто совѣмъ
 убитъ.

Запахъ пороха и крови, запахъ пушечнаго мяса,
 Изуродованныхъ мертвыхъ сумасшедшая гримаса.
 Новой жертвой возникаютъ для чудовищныхъ бойницъ
 Вереницы пыльныхъ, грязныхъ, безобразныхъ, потныхъ лицъ.
 О, конечно есть отрада въ этомъ страхѣ, въ этомъ зноѣ:—
 Благородство безразсудныхъ, въ смерти свѣтлые герои.
 Но за ними, въ душномъ дымѣ, палъ за темнымъ рядомъ
 рядъ

Противъ воли въ этой бойнѣ умирающихъ солдатъ.
 Добиванье педобитыхъ, разстрѣлыванье дезертира,—
 На такой мѣсяцъ зовешь ты праздникъ радостнаго пира?
 О, Земля, я слышу стоны оскверненныхъ дѣвъ и женъ,
 Побѣждаетъ мой врагъ заклятый, но побѣдой Я сраженъ.

Помню, помню я другое. Ночь. Неаполь. Сонъ счастливый.
 Какъ же все переѣнилось? Люди стали смертной нивой.
 Отвратительно-красивый отблескъ лавы клокоталъ,
 Точно чѣмъ-то былъ поддѣланъ между этихъ черныхъ скалъ.
 Въ страшной жидкости кипѣла точно чуждая прикраса,
 Какъ разорванное тѣло, какъ растерзанное мясо.
 Точно линия вадымался расплзающийся паръ,
 Накоплялся и взметался ужасающій пожаръ.
 Красный, сѣрый, темно-сѣрый, бѣлый паръ, а снизу лава, —
 Такъ чудовищный Везувій забавлялся величаво.
 Изверженье, изверженье, въ самомъ словѣ ужасъ есть,
 Въ немъ уродливость намековъ, всѣхъ отбѣлковъ намъ не
 честь.
 Въ немъ размахъ, и пьяность, рьяность огневого водопада,
 Убѣдительность потока, отвратительность распада.
 Тамъ въ одной спаленной грудѣ—звѣри, люди, и дома,
 Пепель, болѣе губящій, чѣмъ Азіійская чума.
 Свѣтъ искусства, слово мысли, губы въ первомъ поцѣлѣу,
 Замели, сожгли, застигли лавно-пепельныя струи.
 Ненасытнаго удава звеня сжали цѣлый мѣръ,
 Здѣсь хозяинъ пьяный—лава, будутъ помнить этотъ пиръ.

Что же, что тамъ шелестить?
 Точно шорохъ тихихъ водъ.
 Что тамъ грезить, спать не спать,
 Наростаешь; и поешь?

Безглагольность. Тишина.
 Мѣръ полночь. Все молчать,
 Чья же тамъ душа слышна?
 Что такъ жизненно звучить?

Голосъ вѣчно-молодой,
 Хоть почти-почти безъ словъ.
 Но прекрасный, но святой,
 Какъ основа всѣхъ основъ.

Перекатная волна.
Но не море. Глубоко
Дышетъ жизнь иного сна.
Подъ Луной ей такъ легко.

Это нива. Ночь глядитъ.
Ласковъ звѣздный этотъ взглядъ.
Нѣжный колосъ шелеститъ.
Всѣ колосья шелестать.

Отгибаются, поютъ,
Наклоняются ко сну.
Соки жизни. Вѣчный трудъ.
Кротко льнетъ зерно къ зерну.

Что тамъ дальше? Цѣлый строй
Неживыхъ—живыхъ стволовъ.
Гроздья ягодъ надъ землей.
Вновь основа всѣхъ основъ.

На тычиночкахъ небольшихъ
Затаенная гроза,
Звонкій смѣхъ, и звонкій стихъ,
Мигъ забвенія, лоза.

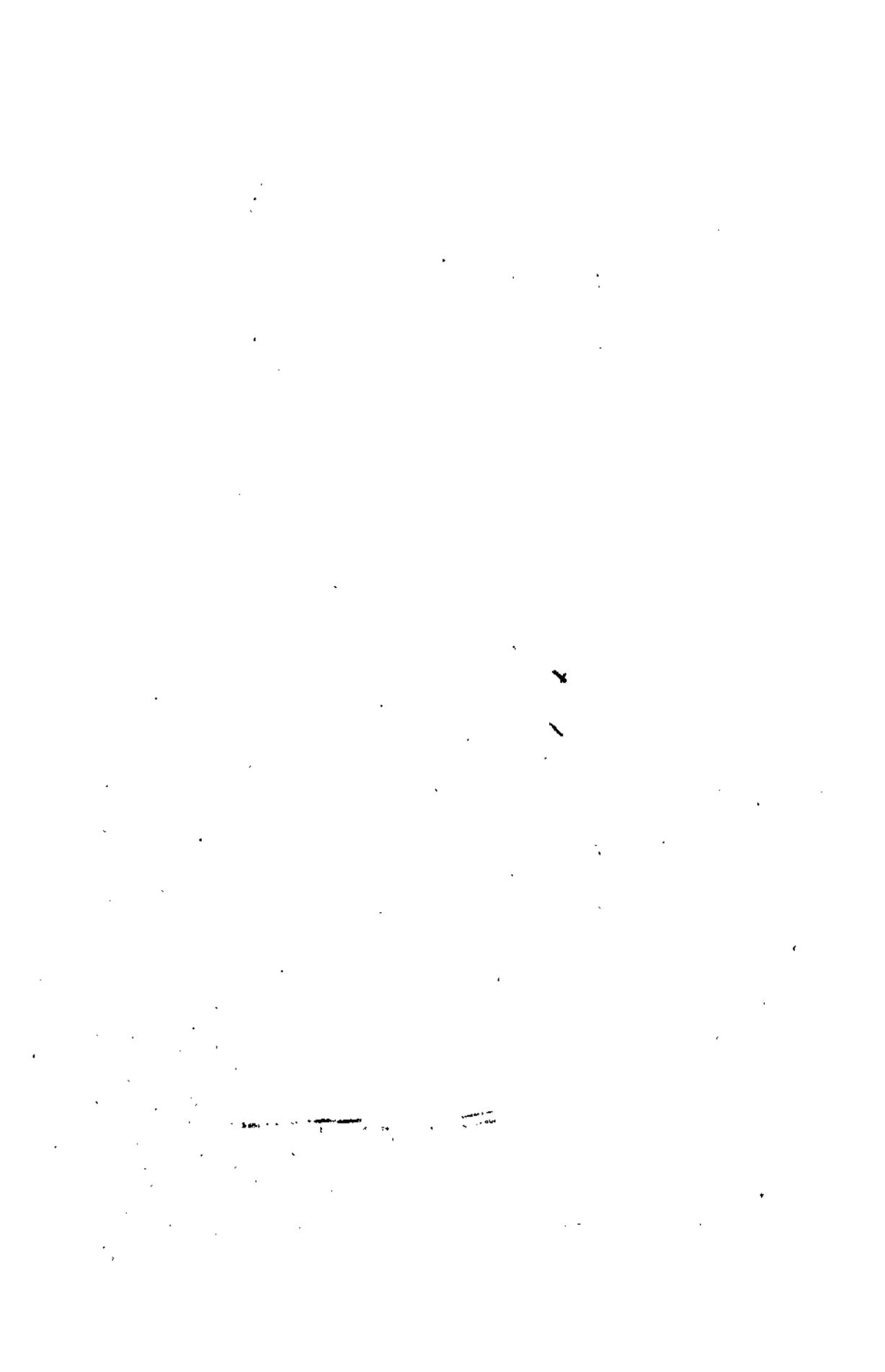
Радость свѣтлая лица.
Звѣзды ласково глядятъ.
Зрѣть, спѣть безъ конца
Желтый, красный виноградъ.

Эти ягоды сорвуть,
Разомнутъ ихъ, выжмутъ кровь.
Весель трудъ: Сердца поютъ.
Въ жизни вновь живетъ любовь.

О, побѣдное зерно,
Гроздья ягодъ бытія!
Будеть—бѣлое вино,
Будеть красная струя!

Протечетъ за годомъ годъ,
Жизнь не можетъ не спѣшить.
Только колосъ не пройдетъ,
Только гроздья будутъ жить.

Не окончатся мечты,
Всѣмъ засвѣтится Вспа!
Литургія Красоты
Есть, была, и быть должна!

Оглавленіе.

		Стр.
Предисловіе		
✓ К. Бальмонтъ.	Просвѣтъ. Стихотвореніе.	1
✓ Андрей Бѣлый.	Битва исполиновъ.	2
	Поединокъ.	3
	Преданіе.	5
	Осень.	9
	Свѣтовая сказка.	11
✓ Александръ Блокъ.	15 стихотвореній.	19
	Дѣтская. Стихотв.	27
Л. Горнъ.	Царевна Ники. Сказка	28
✓ Сергѣй Кречетовъ.	Голосъ ночи.	31
	Я мчался по волнамъ морскимъ.	32
	Два міра.	33
	Вечеръ.	34
	Кровь.	35
	Инквизиторъ.	36
	На распутьи.	37
Алексѣй Ремизовъ.	Молитва.	39
	Послѣдній часъ.	41
	Иванъ-Купаль.	43
✓ А. Койранскій.	Изъ вашихъ глазъ я скроюсь вскорѣ.	47
	Юноши въ сумерки спорятъ о Богѣ.	48
	Вода и небо... Стелется туманъ.	49
	Случайному другу.	50
Нина Петровская.	Послѣдняя ночь.	51
	За гранью.	55
	Цвѣтокъ Ивановой ночи.	60
✓ Вячеславъ Ивановъ.	Фуга.	64
	Темница.	66
	На чужбинѣ.	67
	Кармель.	68

		<i>Стр.</i>
✓ А. Л. Миропольскій.	На полѣ.	69
	Древнее заклітіе. стихотворенія	70
	Пришлецъ. Разказъ.	71
✓ Дурновъ.	Слезы. Стихотвореніе.	74
✓ А. Курсипскій.	Плѣнный.	76
	Успокоеніе. стихотворенія.	77
	Въ пути.	77
	Возвращенное арміе. Разказъ.	78
✓ Г. Тверской.	Да, еще долгая мертвая ночь впереди.	83
	Демоны. стих.	84
	Послѣдніе дни.	85
	Я.	86
Н. Сталь.	Хаосъ тревожный во мнѣ и вокругъ.	88
✓ Н. Янковъ.	Какъ весна, я молодъ.	89
	Моя любовь, какъ быстрая волна. стих.	90
	Луна засвѣчала прозрачныя росы.	91
	Пустыня. Разказъ.	92
✓ Борисъ Котранскій.	Сонеты о встрѣчахъ.	97
Одинокій.	Послѣднее свиданіе.	100
	Возвращеніе.	102
Ник. Валленбергъ.	Сутки. Разказъ.	105
✓ Вл. Линденбаумъ.	Терцины.	109
	Ночной кошмаръ стихотв.	111
	Звено.	112
	Къ людямъ.	113
✓ Ал. Кондратьевъ.	Вѣсь юго-западнаго вѣтра.	114
	Смерть Соломона. стих.	115
	Адамъ.	116
	Иксіонъ. Древне-греческій мифъ.	117
✓ Ф. Смородскій.	2 стихотворенія.	120
✓ Владиміръ Подольскій.	5 отрывковъ изъ дневника.	121
✓ Эллисъ.	Вакханалія.	128
	Мірозданіе.	131
	Непокорный (изъ Бодлера). стихотвор.	132
	Изъ Роденбаха.	133
Николай Табенцкій.	Crescendo... fine! Фантазія.	135
Лионель.	Къ Еленѣ.	138
	На мнѣ ли. стихотворенія.	141
	Мандолина.	142
П. Н. Батюшковъ.	Карма.	143
К. Д. Бальмонтъ.	Земля.	149

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРИФЪ“.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

- 1-й Альманахъ Книгоиздательства „Грифъ“. 1903 г. 1 руб.
Н. Д. Бальмонтъ Только любовь. 2 руб.
Оскаръ Уайльдъ. Саломея. Переводъ В. и Л. Андрусонъ.
Подъ редакціей и съ предисловіемъ К. Д. Бальмонта. Обложка
работы Модеста Дурнова. 1 руб.

На складѣ К-ва „Грифъ“ можно также получить:

- С. Пшибышевскій. Афоризмы и прелюдіи. Вопросы искусства.
Переводъ А. Курейскаго. Цѣна 20 к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- Н. Д. Бальмонтъ. Горныя Вершины. Сборникъ статей.
Андрей Бѣлый. Возвратъ (III симфонія).
Александръ Блокъ. Стихи.
А. Л. Миропольскій. Вѣдьма. Драма-поэма.
„ „ Предвидѣнія. Сборникъ разсказовъ.
Нина Петровская. Разсказы.
А. Нурсинскій. Сквозь призму души. Разсказы и стихи.
Ш. Бодлеръ. Цвѣты зла (Fleurs du mal). Перев. Эллисъ.

см. на обор.

Рукописи, присылаемые въ редакцію К-ва „Грифъ“, хранятся до востребованія ихъ авторами не болѣе 2 мѣсяцевъ. На обратную пересылку прилагаются марки въ размѣрѣ стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи менѣе 4 писаныхъ листовъ не возвращаются. На отвѣтъ прилагается марка.

Личныя объясненія ежедневно отъ 4 до 5 часовъ дня.

Редакторъ *С. А. Соколовъ*.

Редація. Москва, Знаменка, д. Фетисова, 20.

Складъ. Москва, Леонтьевскій п., д. Халатова, 21.

При непосредственной выпискѣ пересылка на счетъ К-ва „Грифъ“.

Иногородныхъ просятъ выписывать черезъ Редакцію.

Книгопродавцамъ обычная скидка.

Книги Н. Д. Бальмонта.

Подъ сѣвернымъ небомъ. Ц. 50 к.

Въ безбрежности. Ц. 1 р.

Тихина. Ц. 1 р.

Горящія Зданія. (*Издание исчерпано*).

Будемъ какъ Солнце. Ц. 2 р. 40 к. (*Издание исчерпано*).

Только любовь. Ц. 2 р.